

Александр
ГРИБОЕДОВ

Горе от ума

Александр Сергеевич Грибоедов

Горе от ума (сборник)

В книгу вошли бессмертная комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», другие драматические произведения, а также стихотворения, статьи, корреспонденции и путевые записки выдающегося русского драматурга, поэта и дипломата.

Содержание сборника:

Горе от ума

Молодые супруги

Студент

Отрывок из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста»

Притворная неверность

Проба интермедии

Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом

Стихотворения

Статьи, корреспонденции, путевые заметки

Содержание

Горе от ума	0009
Действующие лица	0009
Действие I	0010
Действие II	0050
Действие III	0094
Действие IV	0159
Молодые супруги Комедия в одном действии, в стихах	0202
Действующие лица	0202
Явление 1	0202
Явление 2	0203
Явление 3	0211
Явление 4	0213
Явление 5	0221
Явление 6	0233
Явление 7	0241
Явление 8	0244
Явление 9	0249
Явление 10	0257
Явление 11	0257
Явление 12	0260
Явление 13	0264
Явление 14	0275
Студент Комедия в трех действиях	0279
Действующие лица	0279

Действие первое	0280
Действие второе	0317
Действие третье	0350
Явление последнее	0386
Отрывок из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста»	0388
#1	0388
Явление 1	0389
Явление 2	0394
Явление 3	0396
Явление 4	0399
Явление 5	0411
Притворная неверность Комедия в одном действии в стихах	0414
Действующие лица	0414
Явление 1	0415
Явление 2	0425
Явление 3	0432
Явление 4	0433
Явление 5	0444
Явление 6	0449
Явление 7	0455
Явление 8	0456
Явление 9	0463
Явление 10	0463
Явление 11	0479
Явление 12	0480
Явление 13	0486

Явление 14	0489
Явление 15	0491
Явление 16	0493
Явление последнее	0496
Проба интермедии Интермедия в одном действии	0497
Действующие лица	0497
Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом	
Новая опера-водевиль в 1-м действии	0506
Действующие лица	0506
Явление 1	0507
Явление 2	0510
Явление 3	0511
Явление 4	0515
Явление 5	0517
Явление 6	0519
Явление 7	0521
Явление 8	0523
Явление 9	0524
Явление 10	0528
Явление 11	0533
Явление 12	0534
Явление 13	0539
Явление 14	0541
Явление 15	0543
Явление 16	0545
Явление 17	0546
Явление 18	0553

Явление 19	0554
Явление 20	0556
Явление 21	0557
Явление 22	0557
Стихотворения	0570
От Аполлона	0570
Лубочный театр	0571
Эпитафии доктору Кастальди	0574
(Н. А. Каховскому)	0575
Давид	0576
Романс	0577
«Крылами порхая, стрелами звеня...»	0578
Эпиграмма	0579
Отрывок из Гёте	0580
Телешовой в балете «Руслан и Людмила», где она является обольщать витязя	0589
Хищники на Чегеме	0591
«– По духу времени и вкусу...»	0594
Освобожденный	0595
А. О(доевскому)	0596
Прости, отечество!	0596
«Там, где вьется Алазань....»	0598
Кальянчи Отрывок из поэмы	0599
Домовой	0605
Статьи, корреспонденции, путевые заметки	0606
Письмо из Бреста-Литовска к издателю «Вестника Европы»	0606

О кавалерийских резервах	0619
О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»	0628
О переводе «Семелы» Шиллера	0647
Письмо к издателю «Сына отечества» из Тифлиса от 21 января (1819 г.)	0647
Заметка по поводу «Горя от ума»	0656
Частные случаи петербургского наводнения	0658
Загородная поездка Отрывок из письма южного жителя	0667
Характер моего дяди	0673
Путевые записки	0674

**Александр Грибоедов
Горе от ума (сборник)**

Горе от ума

Действующие лица

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий
в казенном месте.

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь
Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, *Сергей Сергеевич*.

Наталья Дмитриевна, молодая дама

Платон Михайлович, муж ее

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, с шестью дочерьми.

Графиня бабушка

Графиня внучка

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

*Г. Н.**

*Г. Д.**

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

Действие I

Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортопьяно с флейтою, которые потом умолкают.

Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел.

(Утро, чуть день брезжится.)

Лизанька (вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!

Вчера просилась спать – отказ.

«Ждем друга». – Нужен глаз да глаз,

Не спи, покудова не скатишься со стула.

Теперь вот только что вздремнула,

Уж день!.. сказать им...

(Стучится к Софии.)

*Господа,
Эй! Софья Павловна, беда:
Зашла беседа ваша заночь;
Вы глухи? – Алексей Степаныч!
Сударыня!.. – И страх их не берет!*

(Отходит от дверей.)

*Ну, гость неприглашенный,
Быть может, батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюб-
ленной!*

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. Что-с?

(Голос Софии)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София (из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София (оттуда же)

Неправда.

Лизанька (прочь от дверей)

*Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет
гонка,
Заставлю их играть.*

*(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы
бьют и играют.)*

Явление 2

Лиза и Фамусов.
Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

*Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за
беда!*

То флейта слышится, то будто
фортопьяно;
Для Софьи слишком было б ра-
но??..

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами
примечай;
Так верно с умыслом.

(Жметя к ней и заигрывает.)

Ой! зелье, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти
лица!

Фамусов

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

*Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?*

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

*Всё по-французски, вслух, читает
запершись.*

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить
не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти; разбудите, бо-
юсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заво-
дишь,
На весь квартал симфонию гре-
мишь.

Лиза (как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов (зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов (торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза (одна)

Ушел. Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Явление 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.
София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело-
ло?
До света запершись, и кажется
всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры но-
чи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет
мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я об-
мерла;
Вертелась перед ним, не помню
что врала;
Ну что же стали вы? поклон, су-

*дарь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка
в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и
убирают.*

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

*Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно,
мне попастьъ.*

София (Молчалину)

*Идите; целый день еще потерпим
скуку.*

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.
Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты,
брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что
ты
Так рано поднялась! а? для какой
заботы?
И как вас бог не в пору вместе
свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели
прыг,
С мужчиной! с молодым! – Заня-
тье для девицы!

Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные
французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и
музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек!
и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

София

Позвольте, батюшка, кружится
голова;
Я от испуги дух перевозжу едва;
Изволили вбежать вы так про-
ворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен
сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно

угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
По ждал ли новых я хлопот?
чтоб был обманут...

София (сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе
приставил:
Умна была, нрав тихий, редких
правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допусти-
ла.
Да не в мадаме сила.

Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю
сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до
седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведе-
ньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что на-
чать!
Все умудрились не по лётам,
А пуще дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по
билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить,
всему —
И танцам! и пенью! и нежно-
стям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим
скоморохам.

Ты, посетитель, что? ты здесь,
сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое
семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое со-
действие;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая
напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, что-
бы случайно.

София

Вот в чем, однако, случай весь:
Как давече вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвы-
чайно,
И бросилась сюда я со всех ног.

Фамусов

*Пожалуй, на меня всю суматоху
сложит.*

*Не в пору голос мой наделал им
тревог!*

София

*По смутном сне безделица трево-
жит;*

Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

*Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала*

Траву

Какую-то, не вспомню наяву.

Вдруг милый человек, один из тех,

кого мы
Увидим – будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и
умен,
Но робок... Знаете, кто в бедно-
сти рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса.

Мы в темной комнате. Для довер-
шенья чуда

Раскрылся пол – и вы оттуда,
Бледны, как смерть, и дыбом во-
лоса!

Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь – и мучили сидевшего
со мной.

Он будто мне дороже всех сокро-
вищ,

Хочу к нему – вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот,
свист чудовищ!

Он вслед кричит!.. —
Проснулась. — Кто-то говорит. —
Ваш голос был; что́, думаю, так
рано?
Бегу сюда — и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти и любовь, и страхи и цве-
ты.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе ис-
правно
Всем слышится, и всех сзывает до
зари!
На голос мой спешил, за чем
же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припа-
ло
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву
страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для доклада,
Что в ход нельзя пустить без
справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не
дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертель-
но,
Чтоб множество не накоплялось
их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

Явление 5

София, Лиза.
Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и
потеха!
Однако нет, теперь уж не до сме-
ха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что́ мне молва? Кто хочет, так
и судит,
Да батюшка задуматься прину-
дит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...

Ты можешь посудить...

Лиза

*Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; – добро еще со
мною;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора
долой.*

София

*Подумаешь, как счастье своерав-
но!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум
не идет,
Забылись музыкой, и время шло
так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.*

Лиза

*Вот то-то-с, моего вы глупого
сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?*

Твердила я: в любви не будет в
этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка
таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с
чинами,
А при звездах не все богаты, меж-
ду нами;
Ну разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог
давать он ба́лы;
Вот, например, полковник Скало-
зуб:
И золотой мешок, и метит в ге-
нералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сро-
ду, —
Мне всё равно, что за него, что в
воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а боль-
но не хитер;

Но будь военный, будь он стат-
ский,
Кто так чувствителен, и весел, и
остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? – Слезами
обливался,
Я помню, бедный он, как с вами
расставался. —
Что, сударь, плачете? живите-ка
смеясь...
А он в ответ: «Недаром, Лиза,
плачу,
Кому известно, что найду я воро-
тяться?
И сколько, может быть, утра-
чу!» —

Бедняжка будто знал, что года
через три...

София

Послушай, вольности ты лишней
не бери.
Я очень ветрено, быть может,
поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изме-
нила?
Кому? чтоб укорять неверно-
стью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспита-
ны, росли;
Привычка вместе быть день каж-
дый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но
потом
Он съехал, уж у нас ему казалось
скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюб-
ленным,
Взыскательным и огорченным!!..
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко —
Охота странствовать напала на

него.

Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так
далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он
водах,
Не от болезни, чай, от скуки, – по-
вольнее.

София

И, верно, счастлив там, где люди
посмешнее.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть
готов,
Враг дерзости, – всегда застенчи-
во, несмело
Ночь целую с кем можно так про-
весть!
Сидим, а на дворе давно уж побе-
лело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,

Сударыня, мое ли это дело?

София

*Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь
проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сво-
дит. —
Смеешься! можно ли! чем повод
подала
Тебе я к хохоту такому!*

Лиза

*Мне-с?.. ваша тетушка на ум те-
перь пришла,
Как молодой француз сбежал у
ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.*

(Продолжает хохотать.)

София (с огорчением)

*Вот так же обо мне потом заго-
ворят.*

Лиза

*Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурац-
кий
Вас несколько развеселить помог.*

Явление 6

С*офия, Лиза, Слуга, за ним Чацкий.*
Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

Явление 7

С*офия, Лиза, Чацкий.*
Чацкий

*Чуть свет – уж на ногах! и я у ва-
ших ног.*

(С жаром целует руку.)

*Ну поцелуйте же, не ждали? гово-
рите!*

*Что ж, ради? Нет? В лицо мне по-
смотрите.*

Удивлены? и только? вот прием!

Как будто не прошло недели;

Как будто бы вчера вдвоем

Мы мочи нет друг другу надоели;

Ни на́волос любви! куда как хоро-
ши!
И между тем, не вспомнюсь, без
души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не
прищуря,
Верст больше седьмисот пронес-
ся, – ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколь-
ко раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется
эдак?
Мне кажется, так напоследок,
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за
дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.

Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь. —
Не можете мне сделать вы упрека.

Кто промелькнет, отворит
дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из
далёка —

С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой
вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему
на свете! —

Ах! боже мой! ужли я здесь
опять,
В Москве! у вас! да как же вас
узнать!

Где время то? где возраст тот
невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут
и там,
Играем и шумим по стульям и

столам.

*А тут ваш батюшка с мадамой,
за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется,
что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что
скрипнет столик,
дверь...*

София

Ребячество!

Чацкий

*Да-с, а теперь,
В семнадцать лет вы расцвели
прелестно,
Неподражаемо, и это вам извест-
но,
И потому скромны, не смотрите
на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне
дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.*

София

*Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный
взгляд...*

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?

Что нового покажет мне

Москва?

Вчера был бал, а завтра будет два.

Тот сватался – успел, а тот дал промах.

Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!

Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.

Ну что ваш батюшка? всё

Английского клоба

Старинный, верный член до гроба?

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?

А этот, как его, он турок или грек?

Тот черномазенький, на ножках

журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помо-
щью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маске-
рад;
Дом зеленью раскрашен в виде ро-
щи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы
вдвоем
За ширмами, в одной из комнат
посекретней,
Был спрятан человек и щелкал со-
ловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам,
книгам враг,
В ученый комитет который посе-
лился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не

учился?
Опять увидеть их мне суждено
судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не
сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воро-
тишься домой,
И дым Отечества нам сладок и
приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минер-
вой?
Всё фрейлиной Екатерины Пер-
вой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей
полки,
Числом поболее, ценою подешев-
ле?
Не то чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,

Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, помните колпак
его, халат,
Перст указательный, все призна-
ки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить
мы,
Что нам без немцев нет спасе-
нья! —
А Гильоме, француз, подбитый ве-
терком?
Он не женат еще?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж, он и кавалер.
От нас потребуют с именем

быть и в чине,
А Гильоме!.. – Здесь нынче тон ка-
ков
На съездах, на больших, по празд-
никам приходским?
Господствует еще смешенье язы-
ков:
Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить,
как ваш.

Чацкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! – я пользуюсь мину-
той,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он,
кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печա-

ти?
Бывало, песенок где новеньких
тетрадъ
Увидит, пристаёт: пожалуйста
списать.
А впрочем, он дойдет до степеней
известных,
Ведь нынче любят бессловесных.

София (в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь?
или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь
сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, мо-
жет быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и
незрело?
На что же так давно? вот доброе
вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пусты-

не,
Спешу к вам, голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то
строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!.. —
И всё-таки я вас без памяти люблю. —

(Минутное молчание.)

Послушайте, ужли слова мои все
колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ла-
ду.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду.
Велите ж мне в огонь: пойду как
на обед.

София

Да, хорошо – сгорите, если ж нет?

Явление 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.
Фамусов

Вот и другой.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов *(ей вслед вполголоса)*

Проклятый сон.

Явление 9

Фамусов, Чацкий *(смотрит на дверь, в которую София вышла).*

Фамусов

*Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.*

(Обнимаются.)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.

*Рассказывай, чай, у тебя готово
Собрание важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.*

(Садятся.)

Чацкий *(рассеянно)*

Как Софья Павловна у вас похоронена!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого
нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я, чай, надеждами занесся, закол-
дован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало изба-
лован.

Фамусов

«Сон в руку» – мне она изволила
шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

Я? – Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

*Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько по-
добно!*

Фамусов

*Он всё свое. Да расскажи подроб-
но,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?*

Чацкий

*Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет
И не объехал сотой доли.*

(Встает поспешно.)

*Простите; я спешил скорее ви-
деть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Че-
рез час
Явлюсь, подробности малейшей
не забуду;
Вам первым, вы потом рассказы-
вайте всюду.*

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

Явление 10

Фамусов (один)

*Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крю-
ку!
Молчалин давеча в сомненье ввел
меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот фронт-прия-
тель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —*

(Уходит.)

Конец I действия

Действие II

Явление 1

Фамусов, Слуга.
Фамусов

*Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. До-
стань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расста-
новкой.*

*Постой же. – На листе черкни на
записном,*

Противу будущей недели:

*К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.*

Куда как чуден создан свет!

*Пофилософствуй – ум вскружит-
ся;*

То бережешься, то обед:

*Ешь три часа, а в три дни не сва-
рится!*

*Отметь-ка, в тот же день... Нет,
нет.*

В четверг я зван на погребенье.

*Ох, род людской! пришло в забве-
нье,*

Что всякий сам туда же должен
лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни
сесть.
Но память по себе намерен кто
оставить
Житьем похвальным, вот при-
мер:
Покойник был почтенный камер-
гер,
С ключом, и сыну ключ умел до-
ставить;
Богат, и на богатой был женат;
Пережил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно
поминают,
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и
умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одно-
му,
А может, в пятницу, а может, и
в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши,
крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

Явление 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.
Фамусов

*А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.*

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов (Слуге)

Поди.

(Слуга уходит.)

*Да, разные дела на память в кни-
гу вносим,
Забудется того гляди.*

Чацкий

*Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в по-
ру мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.*

Фамусов

*Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета*

Не можно же пускаться мне
вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может,
нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять ты-
сяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет
пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли же-
ниться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы
мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я: во-первых, не блажи,
Именьем, брат, не управляй
оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживать-
ся тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на се-
ребре,
На золоте едал; сто человек к
услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цу-
гом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,

При государыне служил Екатери-
не.

А в те поры все важны! в сорок
пуд...

Раскланяйся – тупеем не кивнут.

Вельможа в случае – тем паче:

Не как другой, и пил и ел иначе.

А дядя! что твой князь? что
граф?

Сурьезный взгляд, надменный
нрав.

Когда же надо подслужиться,

И он сгибался вперегиб:

На кúrтаге ему случилось обсту-
питься;

Упал, да так, что чуть затылка
не пришиб;

Старик захохот, голос хрипкой;

Был высочайшею пожалован
улыбкой;

Изволили смеяться; как же он?

Привстал, оправился, хотел от-
дать поклон,

Упал вдругóрядь – уж нарочно,

А хохот пуще, он и в третий так
же точно.

А? как по-вашему? по-нашему –
смышлен.

Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще
приглашен?

Кто слышит при дворе приветли-
вое слово?

Максим Петрович! Кто пред все-
ми знал почет?

Максим Петрович! Шутка!

В чины выводит кто и пенсии да-
ет?

Максим Петрович! Да! Вы, нынеш-
ние, – ну-ка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с тру-
дом;
Как тот и славился, чья чаще гну-
лась шея;
Как не в войне, а в мире брали
лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они
в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кру-

жево плели.
Прямой был век покорности и
страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота забе-
рет,
Хоть в раболепстве самом пыл-
ком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затыл-
ком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай, приговаривал: – Ах! если бы
мне тоже!
Хоть есть охотники поподли-
чать везде,
Да нынче смех страшит, и дер-
жит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо госуда-
ри.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

*Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк
шутов.*

Фамусов

*Что говорит! и говорит, как пи-
шет!*

Чацкий

*У покровителей зевать на пото-
лок,
Явиться помолчать, пошаркать,
пообедать,
Подставить стул, поднять пла-
ток.*

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

*Кто путешествует, в деревне
кто живет...*

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

*Строжайше б запретил я этим
господам
На выстрел подъезжать к столи-
цам.*

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

*Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.*

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не

терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов (скороговоркой)

*Вот рыскают по свету, бьют ба-
клуши,
Воротятся, от них порядка жди.*

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явление 3

Слуга (входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов

(ничего не видит и не слышит)

*Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.*

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов (оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете
принять?

Фамусов (встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить,
сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торо-
пись.

(Слуга уходит.)

Пожало-ста, сударь, при нем
остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахва-
тал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожало-ста при нем веди себя
скромненько...
Эх! Александр Андреич, дурно,
брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке.
Пустое!

Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я
большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем,
власть господня.
Пожалостя при нем не спорь ты
вкривь и вкось
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую
половину.

(Поспешно уходит.)

Явление 4

Чацкий

Как суетится! что за пруть!
А Софья? – Нет ли впрямь тут
жениха какого?
С которых пор меня дичатся как
чужого!
Как здесь бы ей не быть!!..
Кто этот Скалозуб? отец им
сильно бредит,
А может быть не только, что

отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.
Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвёрнем поскорее.

Скалозуб (густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как чест-
ный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне
ни шагу,
Сергей Сергеич, дорогой!
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на по-
кой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы
усесться.

(Садятся все трое, Чацкий поодаль.)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:

*Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, – наследства не делить;*

*Не знали вы, а я подавно, —
Спасибо научил двоюродный ваш брат, —
Как вам доводится Настасья Ни-
колавна?*

Скалозуб

*Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили,*

Фамусов

*Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встре-
тится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы
детки;
Один Молчалин мне не свой,*

*И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к кресту ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.*

Скалозуб

*В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.*

Фамусов

*Да, счастье, у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орден?*

Скалозуб

*За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.*

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть – так хват,
Прекрасный человек двоюродный
ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу
вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. – читать!.. а после хват!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите
недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах
моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

*Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не
дале,
Об нашем хоть сказать бригад-
ном генерале.*

Фамусов

*Помилуйте, а вам чего недоста-
ет?*

Скалозуб

*Не жалуясь, не обходили,
Однако за полком два года пово-
дили.*

Фамусов

*В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.*

Скалозуб

*Нет-с, старее меня по корпусу
найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;*

Да, чтоб чины добыть, есть мно-
гие каналы;
Об них как истинный философ я
сужу:
Мне только бы досталось в гене-
ралы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье
вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянни-
ца есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам пере-
вода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что ед-
ва
Где сыщется столица, как
Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
ра;

На всё свои законы есть:

Вот, например, у нас уж исстари
ведется,

Что по отцу и сыну честь;

Будь плохенький, да если наберется

Душ тысячки две родовых, —

Тот и жених.

Другой хоть притче будь, надутый
всяким

чванством,

Пускай себе разумником слыви,

А в семью не включают. На нас не
подиви.

Ведь только здесь еще и дорожат
дворянством.

Да это ли одно? возьмите вы
хлеб-соль:

Кто хочет к нам пожаловать, —
изволь;

Дверь отперта для званых и
незваных,

Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех го-
тов обед.

Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый
отпечаток.

Извольте посмотреть на нашу
молодежь,
На юношей – сынков и вну́чат,
Журим мы их, а, если разберешь,

—
В пятнадцать лет учителей на-
учат!

А наши старички?? – Как их возь-
мет задор,
Засудят об делах, что слово – при-
говор, —

Ведь столбовые всё, в ус никого не
думют;

И об правительстве иной раз так
толкуют,

Что если б кто подслушал их...
беда!

Не то чтоб новизны вводили, – ни-
когда,

Спаси нас боже! Нет. А придерут-

ся

К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и... разойдутся.

Прямые канцлеры в отставке – по уму!

Я вам скажу, знать, время не при-
спело,

Но что без них не обойдется дело.

—
А дамы? – сунься кто, попробуй,
овладей;

Судьи всему, везде, над ними нет
судей;

За картами когда восстанут об-
щим бунтом,

Дай бог терпение, – ведь сам я был
женат.

Скомандовать велите перед
фрунтом!

Присутствовать пошлите их в
Сенат!

Ирина Власьевна! Лукерья Алек-
севна!

Татьяна Юрьевна! Пульхерия Ан-
древна!

А дочек кто видал, – всяк голову
повесь...

Его величество король был прус-
ский здесь,
Дивился не путем московским он
девицам,
Их благоденствию, а не лицам;
И точно, можно ли воспитаннее
быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут,
всё с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как
Москва.

Скалозуб

По моему суждению,
Пожар способствовал ей много к
украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли
крехтят!
С тех пор дороги, тротуары,

Дома и всё на новый лад.

Чацкий

*Дома новы́, но предрассудки ста-
ры.*

*Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.*

Фамусов (Чацкому)

*Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика
услуга.*

(Скалозубу)

*Позвольте, батюшка. Вот-с –
Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он
пользы не находит,
Но захоти – так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с го-
ловой
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эда-
ким умом...*

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-ни-

будь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда
непримирима,
Сужденья черпают из забытых
газет
Времен Очаковских и покоренья
Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества от-
цы,
Которых мы должны принять за
образцы?
Не эти ли, грабительством бога-
ты?
Защиту от суда в друзьях нашли,
в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотов-

стве
И где не воскресят клиенты-ино-
странцы
Прошедшего жителя подлейшие
черты.
Да и кому в Москве не зажимали
рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли вы, к кому меня еще с
пелён,
Для замыслов каких-то непонят-
ных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и дра-
ки
И честь и жизнь его не раз спаса-
ли: вдруг
На них он выменил борзые три со-
баки!!!
Или вон тот еще, который для
затей
На крепостной балет согнал на
многих фурах
От матерей, отцов отторжен-
ных детей?!

Сам погружен умом в Зефирах и в

Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их
красе!
Но должников не согласил к от-
срочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожи́ли до се-
дин!
Вот уважать кого должны мы на
безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и
судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется –
враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья
в чин,
В науки он вперит ум, алчущий
познаний;
Или в душе его сам бог возбудит
жар
К искусствам творческим, высо-
ким
и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем!
опасным!! —

Мундир! один мундир! он в преж-
нем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и
красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастли-
вый!
И в женах, дочерях – к мундиру та
же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежно-
сти отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество
не впасть;
Но кто б тогда за всеми не по-
влекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов (про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

Явление 6

Скалозуб, Чацкий.
Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардей-
ским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся будто
солнцам!
А в Первой армии когда отстали?
в чем?
Всё так прилажено, и тальи все
так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-фран-
цузски.

Явление 7

Скалозуб, Чацкий, София, Лиза.
София (бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился!

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?

Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откуда?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза (хлопочет около барышни)

*Кому назначено-с, не миновать
судьбы:*

*Молчалин на лошадь садился, но-
гу в стремя,*

А лошадь на дыбы,

Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

*Поводья затянул. Ну, жалкий же
ездок.*

Взглянуть, как треснулся он –

грудью или в бок?

(Уходит.)

Явление 8

Те же без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

(Чацкий бежит и приносит. Всё следующее – вполголоса, – до того, как София очнется.)

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.

*Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. – Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?*

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София (с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!

*Смотреть на вас, вас слушать
нету сил.*

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

*Туда бежать, там быть, помочь
ему стараться.*

Чацкий

*Чтоб оставались вы без помощи
одне?*

София

*На что вы мне?
Да, правда, не свои беды – для вас
забавы,
Отец родной убейся – всё равно.*

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза (отводит ее в сторону)

*Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в
окно.*

(София в окошко высовывается.)

Чацкий

*Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного
друга.*

София

*Сюда идут. Руки не может он
поднять.*

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

Явление 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

*Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,*

И впрочем, всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

*Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрóметью вбежали. —*

*Мы вздрогнули! – Вы в обморок
упали,
И что ж? – весь страх из ничего.*

София (не глядя ни на кого)

*Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.*

Чацкий (про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

*Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, – подымут: я
опять
Готова сызнова скакать;*

Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, – до этого нет дела.

Чацкий (про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жокé не поддержал, считал он,
видно, мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

*Ах, Александр Андрееч, вот —
Явѣтесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так
неравнодушны.*

Чацкий

*Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.*

(Берет шляпу и уходит.)

Явление 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

*Пораньше; съедутся домашние
друзья
Потанцовать под фортопiano, —
Мы в трауре, так балу дать нельзя.*

Скалозуб

*Явлюсь, но к батюшке зайти я
обещался,
Откланяюсь.*

София

Прощайте.

Скалозуб (*жмет руку Молчалину*)

Ваш слуга.

(Уходит.)

Явление 11

София, Лиза, Молчалин.

София

*Молчалин! как во мне рассудок
цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша
дорога!
Зачем же ей играть, и так
неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен
ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебре-
гать не должно.*

Молчалин

Платком перевязал, не больно
мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно пере-
вязки;
А то не вздор, что вам не избе-
жать огласки:
На смех, того гляди, подымет
Чацкий вас;
И Скалозуб как свой хохол зак-
рутит,
Расскажет обморок, прибавит
сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче
кто не шутит!

София

А кем из них я дорожусь?
Хочу – люблю, хочу – скажу.
Молчалин! будто я себя не при-
нуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела ядохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

*Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко, к вам прыгнуть.*

Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?

Смешно? – пусть шутят их; досадно? – пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,

Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим, —
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, – с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен – на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать
сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притвор-
ства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!

(Уходит.)

Явление 12

Молчалин, Лиза.
Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас
двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

(Хочет ее обнять.)

Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа

—
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо
внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор —

*Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в бели-
лы!*

*Помада есть для губ и для других
причин,
С духами сткляночки: резéда и
жасмин.*

Лиза

*Вы знаете, что я не льщусь на ин-
тересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с гор-
нишной повесы?*

Молчалин

*Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.*

(Уходит в боковую дверь.)

Явление 13

София, Лиза.
София

*Была у батюшки, там нету нико-
го.
Сегодня я больна и не пойду обе-
дать,*

*Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.*

(Уходит к себе.)

Явление 14

Л^{иза}

*Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смер-
ти трушу. —
А как не полюбить буфетчика
Петрушу!*

Конец II действия

Действие III

Явление 1

Ч^{ацкий, потом София.}
Чацкий

*Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин!
Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, давленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!*

Судьба любви – играть ей в жмур-
ки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София (про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нүжды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

*И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.*

София

*Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность
чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы...*

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

*Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не беспо-
лезна.*

Чацкий

*Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...*

София

*Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех
излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда
уклонюсь.*

Чацкий (держит ее)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

*Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, ви-
новат;
Быть может, он не то, что три*

года назад:

Есть на земле такие превращения
Правлений, климатов, и нравов, и
умов;

Есть люди важные, слыли за дура-
ков:

Иной по армии, иной плохим по-
этом,

Иной... Боюсь назвать, но призна-
ны всем светом,

Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.

Пускай в Молчалине ум бойкий,
гений смелый,

Но есть ли в нем та страсть? то
чувство? пылкость та?

Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?

Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?

Чтоб мыслям были всем и всем
его делам

Душою – вы, вам угожденье?..

Сам это чувствую, сказать я не
могу,

Но что теперь во мне кипит, вол-
нует, бесит,

Не пожелал бы я и личному врагу,

А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, все такие не рез-
вы́;
Бог знает, в нем какая тайна
скрыта;
Бог знает, за него что выдумали
вы,
Чем голова его ввек не была наби-
та.
Быть может, качеств ваших
тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто
раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от ча-
су умнее,
Но вас он сто́ит ли? вот вам один
вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести
утрату,
Как человеку вы, который с вами
взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остере-
чься;
Пушусь подалье простыть, охоло-

деть,
Не думать о любви, но буду я
уметь
Теряться по свету, забыться и
развлечься.

София (про себя)

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давеча мог без руки
остаться,
Я живо в нем участие приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем
и без разбору;
Но, может, истина в догадках ва-
ших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презренье к людям так нескрывать?
Что и смирнейшему пощады
нет!.. чего?

Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших
грянет.
Шутить! и век шутить! как вас
на это станет!

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни – смех?
Мне весело, когда смешных встре-
чаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к
другим,
Молчалин вам наскучил бы едва
ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий (с жаром)

Зачем же вы его так коротко
узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме
приобрел:

При батюшке три года служит,
Тот часто бѣз толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит
за порог;
Мы рѣзвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет,
рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных
чума,
Который скор, блестящ и скоро
опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-ни-

будь сказал;
Да эдакий ли ум семейство
осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль – смысл этого
всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромн,
тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит,
—
Вот я за что его люблю.

Чацкий (в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображение.
Но Скалозуб? вот загляденье:

*За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...*

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

Явление 2

Ч*ацкий, София, Лиза.
Лиза (шепотом)*

*Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.*

София

*Простите, надобно идти мне по-
скорей.*

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе...

София

Нельзя, ждем на́вечер гостей.

Чацкий

*Бог с вами, остаюсь опять с моей
загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя
украдкой,*

*К вам в комнату на несколько
минут;
Там стены, воздух – всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдох-
нуть дадут
Воспоминания об том, что невоз-
вратно!
Не засижусь, войду, всего минуты
две,
Потом, подумайте, член Англий-
ского клуба,*

*Я там дни целые пожертвую
молве
Про ум Молчалина, про душу Ска-
лозуба.*

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

Явление 3

Чацкий, потом Молчалин.
Чацкий

*Ах! Софья! Неужли Молчалин из-
бран ей!
А чем не муж? Ума в нем только
мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало?
Услужлив, скромненький, в лице
румянец есть.*

Входит Молчалин.

*Вон он на цыпочках и не богат
словами;
Какою ворожбой умел к ней в
сердце влезть!*

(Обращается к нему.)

*Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.*

Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за́ день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от
пера?

И положённый час приливам и
отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архи-
вам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:

Умеренность и аккуратность.

Чацкий

*Чудеснейшие два! и стоят наших
всех.*

Молчалин

*Вам не дались чины, по службе
неуспех?*

Чацкий

*Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.*

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

*Татьяна Юрьевна рассказывала
что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...*

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею незнаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

*С ней век мы
не встречались;*

Слышал, что вздорная.

Молчалин

*Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, –
притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы
съездить вам.*

Чацкий

На что же?

Молчалин

*Так: частенько там
Мы покровительство находим,
где не метим.*

Чацкий

*Я езжу к женищинам, да только не
за этим.*

Молчалин

*Как обходительна! добра! мила!
проста!
Балы дает нельзя богаче,
От рождества и до поста,*

*И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у
нас служить?
И награжденья брать и весело по-
жить?*

Чацкий

*Когда в делах – я от веселий пря-
чусь,
Когда дурачиться – дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их
числа.*

Молчалин

*Простите, впрочем, тут не вижу
преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он
вам?*

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

*При трех министрах был началь-
ник отделенья,
Переведен сюда.*

Чацкий

*Хорош!
Пустейший человек, из самых бес-
толковых.*

Молчалин

*Как можно! слог его здесь ставят
в образец!
Читали вы?*

Чацкий

*Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.*

Молчалин

*Нет, мне так довелось с приятно-
стью прочесть,
Не сочинитель я...*

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

*Не смею моего сужденья произ-
нести.*

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

*В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.*

Чацкий

*Помилуйте, мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только
святы?*

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий (почти громко)

*С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась
надо мною!*

Явление 4

Ветер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся; один из них, главный, говорит:

*Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и
свечей!*

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:

*Наталья Дмитриевна, и с мужем,
и к крыльцу
Еще подъехала карета.*

Расходятся, остается один Чацкий.

Явление 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама.

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...

Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до
головы,
Неужли так меня три года изме-
нили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако, кто, смотря на вас, не по-
дивится?
Полнее прежнего, похорошели
страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех
чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж – прелестный муж, вот
он сейчас войдет.

Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните
и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой един-
ственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только
прежде знал,

Что с храбростью его, с талан-
том,
Когда бы службу продолжал,
Конечно, был бы он московским
комендантом.

Явление 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Ми-
хайлович.

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

*Ба!
Друг старый, мы давно знакомы,
вот судьба!*

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

*Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь се-
бя исправно.*

Платон Михайлович

Как видишь, брат:

Московский житель и женат.

Чацкий

Забыв шум лагерный, товарищи
и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятия:
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять
лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях
всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня
вспомнянь!
От скуки будешь ты свистеть од-
но и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей пла-
тишь дань?

Наталья Дмитриевна

*Платон Михайлыч мой к заня-
тьям склонен разным,
Которых нет теперь – к ученьям
и смотрам,
К манёжу... иногда скучает по
утрам.*

Чацкий

*А кто, любезный друг, велит тебе
быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер
или штаб?*

Наталья Дмитриевна

*Платон Михайлыч мой здоровьем
очень слаб.*

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

*Движенья более. В деревню, в теп-
лый край.*

*Будь чаще на коне. Деревня ле-
том – рай.*

Наталья Дмитриевна

*Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни
свои погубит!*

Чацкий

*Москву и город... Ты чудак!
А помнишь прежнее?*

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

*Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул
жилет.*

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

*Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.*

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович
(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж, точно, стал не тот в корот-
кое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро:
ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;

*Осенний ветер дуй, хоть спереди,
хоть с тыла.*

*Платон Михайлович
(со вздохом)*

*Эх! братец! славное тогда жи-
тье-то было.*

Явление 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с ше-
стью дочерьми.

*Наталья Дмитриевна (тоненьким голос-
ком)*

*Князь Петр Ильич, княгиня! боже
мой!*

Княжна Зизи! Мими!

Громкие лобызания, потом усаживаются и
осматривают одна другую с головы до ног.

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый!

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! – Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. – Живее.

Князь (к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитриевны знакомого:
вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

*Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на
поклон;
Танцовщики ужасно стали ред-
ки!..
Он камер-юнкер?*

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О, нет!

Княгиня (громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

Явление 8

Т*е же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка.*

Графиня внучка

*Ах! grand'tатап! Ну, кто так ра-
но приезжает,
Мы первые!*

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

*Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого счита-
ет!
Зла, в девках целый век, уж бог ее
простит.*

*Графиня внучка (вернувшись, направляет
на Чацкого двойной лорнет)*

*Мсьё Чацкий! вы в Москве! как бы-
ли, всё такие?*

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

*В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних спра-
вок
Там женятся и нас дарят род-
ством*

С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки
несть
От подражательниц модист-
кам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Явление 9

Те же и множество других гостей. Между прочими Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

*Eh! bon soir! vous voila! Jamais trop
diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir
de l'attente.[1]*

Загорецкий

На завтрашний спектакль имее-
те билет?

София

Нет.

Загорецкий

*Позвольте вам вручить, напрасно
бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору – всё взято,
К директору, – он мне приятель,*

*—
С зарей в шестом часу, и кстати
ль!*

*Уж с вечера никто достать не
мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже си-
лой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.*

София

*Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.*

Являются еще кое-какие, тем временем За-
горецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлыч...

Платон Михайлович

Прочь!

Поди ты к женищинам, лги им и их морочь;

Я правду об тебе порасскажу такую,

Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому.)

рекомендую!

Как эдаких людей учтивее зовут?

Нежнее? – человек он светский,

Отъявленный мошенник, плут:

Антон Антоныч Загорецкий.

При нем остерегись: переносить
горазд,

И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окромe честности есть множе-
ство отрад:

Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

*Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.
Загорецкий мешается в толпу.*

Явление 10

Те же и Хлёстова.
Хлёстова

*Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянни-
ца?.. – Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы
нет;
Ночь – светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку; —
Вели их накормить, ужю, дружоч-
чек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!*

(Села.)

*Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все ко́шачьи ухватки!*

Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое пле-
мя!
Чорт суций; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят
напоказ...

Я слышала, там... город есть ту-
рецкий...

А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.
Загорецкий выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.
Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сест-
ре Прасковье
Двоих арапченков на ярмарке до-
стал;
Купил, он говорит, чай, в карты
сплutowал;

*А мне подарочек, дай бог ему здо-
ровье!*

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

*Не поздоровится от эдаких по-
хвал,
И Загорецкий сам не выдержал,
пропал.*

Хлестова

*Кто этот весельчак? Из звания
какого?*

София

Вон этот? Чацкий.

Хлестова

*Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто
танцевала,
Я за уши его дирала, только мало.*

Явление 11

Те же и Фамусов.

Фамусов (громогласно)

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился
там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. – Он че-
ловек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил звончее вся-
ких труб!

Явление 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.
Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж дав-
но
Об вас говорено.

Хлёстова (сидя)

Вы прежде были здесь... в полку...
в том...
в гренадерском?

Скалозуб (басом)

*В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-зомлянском мушкетерском.*

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

*А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики,
петлички.*

Фамусов

*Пойдемте, батюшка, там вас я
насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами,
князь! прошу.*

(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова (Софии)

*Ух! я точнёхонько избавилась от
петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец, —*

Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин (подаёт ей карту)

*Я вашу партию составил: мосьё
Кок,
Фома Фомич и я.*

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

*Ваш шпиц – прелестный шпиц, не
более наперстка,
Я гладил всё его: как шелковая
шерстка!*

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

Явление 13

Чацкий, София и несколько посторонних,
которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневан-
ную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что́ я думал? Вот:
Старушки все – народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник
знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! – Кто другой так мир-
но всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!..
Вы давеча его мне исчисляли свой-
ства,
Но многие забыли? – да?

(Уходит.)

Явление 14

София, потом Г. Н.
София (про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного рас-
стройства!
Унизить рад, кольнуть; завист-
лив, горд и зол!

Г. Н. (подходит)

Вы в размышлены.

София

Об Чацком.

Г. Н.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошел?

София (помолчавши)

Не то чтобы совсем...

Г. Н.

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. Н.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!

*А, Чацкий! Любите вы всех в шу-
ты рядить,*

Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

Явление 15

Г. *Н., потом Г. Д.*

Г. Н.

*С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот
на!*

*Недаром? Стало быть... с чего б
взяла она!*

Ты слышал?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Об Чацком?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

С ума сошел!

Г. Д.

Пустое.

Г. Н.

Не я сказал, другие говорят.

Г. Д.

А ты расславить это рад?

Г. Н.

Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

Явление 16

Г. Д., потом Загорецкий.
Г. Д.

*Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повто-
ряет!
Ты знаешь ли об Чацком?*

*Загорецкий
Ну?*

Г. Д.

С ума сошел!

Загорецкий

*А, знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный
случай вышел;
Его в безумные упрятал дя-
дя-плут...
Схватили, в желтый дом, и на
цепь посадили.*

Г. Д.

*Помилуй, он сейчас здесь в комна-
те был, тут.*

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. Д.

*Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако – чур! – секрет.*

Явление 17

З*агорецкий, потом Графиня внучка.
Загорецкий*

*Который Чацкий тут? – Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. —
Вы слышали об нем?*

Графиня внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в
одно вы слово.

Явление 18

Те же и Графиня бабушка.
Графиня внучка

Аh! grand'tатап, вот чудеса! вот
ново!
Вы не слышали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот
мило!..

Графиня бабушка

*Мой друг, мне уши заложило;
Скажи погромче...*

Графиня внучка

Время нет!

(Указывает на Загорецкого.)

*Il vous dira toute l'histoire...[2]
Пойду, спрошу...*

(Уходит.)

Явление 19

Загорецкий, Графиня бабушка.
Графиня бабушка

*Что? что? уж нет ли здесь пош
ара?*

Загорецкий

*Нет, Чацкий произвел всю эту ку-
терьму.*

Графиня бабушка

*Как, Чацкого? кто свел в тюрь-
му?*

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума

от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам в клуб? Пошел он в пусурманы?

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

*Антон Антоныч! Ах!
И он пешит, все в страхе, впопы-
хах.*

Явление 20

Г*рафиня бабушка и Князь Тугоуховский.
Графиня бабушка.*

*Князь, князь! ох, этот князь, по п
алам, сам чуть
тышит!
Князь, слышали?*

Князь

А-хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мошет, видели, здесь по-
лицмейстер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого
схватил?

Князь

И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В солтаты! Шутка ли! переменил
закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в пусурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достань-
те свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

Явление 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

*С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?*

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

*Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.*

Фамусов (входя)

*О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я
открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не
свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть*

что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка
кто кольцом,
Хоть пред монаршим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я – он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

*По матери пошел, по Анне Алекс-
севне;
Покойница с ума сходила восемь
раз.*

Хлёстова

*На свете дивные бывают приклю-
ченья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.*

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий (с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье – вот чума, ученость –
вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел,
и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих,
от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как
бишь их,
Да от ланкарточных взаимных
обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется,
зовут:
Там упражняются в расколах и в
безверьи
Профессоры!! – у них учился наш
родня
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в
подмастерьи.
От женщин бегают, и даже от

меня!
Чинов не хочет знать! Он химик,
он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев,
школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-наше-
му: раз, два;
А книги сохранят так: для боль-
ших okazji.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло
пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий (с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если
б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни –
смерть моя!
Насмешки вечные над львами!
над орлами!
Кто что ни говори:

Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

*Отцы мои, уж кто в уме расстро-
ен,
Так всё равно, от книг ли, от пи-
тъя ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости
достойн;
Был острый человек, имел душ
сотни три.*

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлѣстова

Всѣ врут календари.

Фамусов

*Как раз четыреста, ох! спорить
голосиста!*

Хлѣстова

*Нет! триста! – уж чужих имений
мне не знать!*

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлѣстова

Нет! триста, триста, триста.

Явление 22

Т*е же все и Чацкий.*

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

*Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к
разделке!*

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

*Любезнейший! Ты не в своей та-
релке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты
нездоров.*

Чацкий

*Да, мочи нет: мильон терзаний
Грудí от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от
восклицаний,
А пуще голове от всяких пустя-
ков.*

(Подходит к Софье.)

*Душа здесь у меня каким-то го-
рем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам*

*не свой.
Нет! недоволен я Москвой.*

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знак Софии.)

Гм, Софья! – Не глядит!

София (Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

*В той комнате незначащая
встреча:
Французик из Бордо, надсаживая
грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в
путь
В Россию, к варварам, со страхом
и слезами;
Приехал – и нашел, что ласкам
нет конца;
Ни звука русского, ни русского ли-*

ца

Не встретил: будто бы в отечестве,
с друзьями;

Своя провинция. – Посмотришь,
вечерком

Он чувствует себя здесь маленьким
царьком;

Такой же толк у дам, такие же
наряды...

Он рад, но мы не рады.

Умолк. И тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон.

Ах! Франция! Нет в мире лучше
края! —

Решили две княжны, сестрицы,
повторяя

Урок, который им из детства на-
твержён.

Куда деваться от княжон! —

Я одадь воссылал желанья

Смиренные, однако вслух,

Чтоб истребил господь нечистый
этот дух

Пустого, рабского, слепого подра-
жанья;

Чтоб искру заронил он в ком-ни-
будь с душой,

Кто мог бы словом и примером

Нас удержатъ, какъ крепкою возж-
жой,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ
чужой.
Пускай меня отъзвѣятъ старове-
ромъ,
Но хуже для меня нашъ Север во
сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ всё въ обменъ
на новый ладъ —
И нравы, и языкъ, и старину свя-
тую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то
чудный выемъ,
Рассудку вопреки, наперекоръ сти-
хиямъ;
Движенья связаны, и не краса ли-
цу;
Смешные, бритые, седые подбо-
родки!
Какъ платья, волосы, такъ и умы
коротки!..
Ахъ! если рождены мы всё перени-
мать,
Хоть у китайцевъ бы намъ несколь-
ко занять

Премудрого у них незнанья иноземцев.

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

*Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.*

«Как европейское поставить в параллель

С национальным? – странно что-то!

Ну как перевести мадам и мадмуазель?

Ужли сударыня!!» – забормотал мне кто-то...

Вообразите, тут у всех

На мой же счет поднялся смех.

«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!

Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —

Я, рассердясь и жизнь кляня,

Готовил им ответ громовый;

Но все оставили меня. —

Вот случай вам со мною, он не новый;

Москва и Петербург – во всей России то,

Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжон вселять участие;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур,
слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей
здравых,
И он осмелится их гласно объяв-
лять, —
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец III действия

Действие IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

Явление 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка

(покуда ее укутывают)

*Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей
назвать!*

*Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем
танцевать.*

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне прафо не
под силу,
Когда-нибудь я с пала та в могилу.

(Обе уезжают.)

Явление 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна. Один Лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попощ, что
так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у Фамусовых
было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на
ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,

Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

*Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.*

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович (хладнокровно)

*Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду...*

Лакей (с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович (со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

Явление 3

Чацкий и Лакей его впереди.
Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

*Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу на-
полняли.*

*Чего я ждал? что думал здесь
найти?*

*Где прелесть эта встреч? участие
в ком живое?*

*Крик! радость! обнялись! – Пу-
стое.*

*В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя
праздно,*

*Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый;
вот резвó*

*Домчались к отдыху; ночлег: куда
ни взглянешь,*

*Всё та же гладь и степь, и пусто,
и мертво...*

*Досадно, мочи нет, чем больше
думать станешь.*

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

Явление 4

Ч*ацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).*

Репетилов

Тьфу! оплошал. – Ах, мой создатель!

Дай протереть глаза; откудава? приятель!..

*Сердечный друг! Любезный друг!
Mon cher![3]*

Вот фарсы мне как часто были петы,

Что пустомеля я, что глуп, что суевер,

Что у меня на всё предчувствия, приметы;

*Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хватъ, об порог задел ногою*

И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влечение, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе тако-го друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничтоженьё!

Репетилов

*Ругай меня, я сам клянусь свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?*

Чацкий

*Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.*

Репетилов

*Что́ бал? братец, где мы всю ночь
до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся
из ига,
Читал ли ты? есть книга...*

Чацкий

*А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?*

Репетилов

*Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!*

Сам бредил целый век обедом или
балом!
Об детях забывал! обманывал же-
ну!
Играл! проигрывал! в опеку взят
указом!
Танцѳвщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по де-
вяти!
Всѳ отвергал: законы! совесть! ве-
ру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я
знаюсь
С умнейшими!! – всю ночь не ры-
щу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например?

Репетилов

Что́ ночь одна, – не в счет,

Зато спроси, где был?

Чацкий

*И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?*

Репетилов

*В Английском. Чтоб исповедь на-
чать:
Из шумного я заседанья.
Пожало-ста молчи, я слово дал
молчать;
У нас есть общество и тайные со-
бранья
По четвергам. Секретнейший со-
юз...*

Чацкий

*Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?*

Репетилов

Именно.

Чацкий

*Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ва-
ши тайны.*

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не
разберет.

Я сам, как схватятся о камерах,
присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая
губ;

Мне не под силу, брат, и чув-
ствую, что глуп.

Ах! Alexandre! у нас тебя недоста-
вало;

Послушай, миленький, потешь
меня хоть мало;

Поедем-ка сейчас; мы, благо, на
ходу;

С какими я тебя сведу

Людьми!!!.. уж на меня нисколько
не похожи,

Что за люди, топ шер! Сок умной
молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я по-
скачу?

Зачем? в глухую ночь? Домой, я
спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынчо спит? Ну полно,
без прелюдий,
Решишь, а мы!.. у нас... решительные
люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим – подумаешь, что сотни
голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и
недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! топ шер! Без дальних
я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Гри-

горий!!

Чудак единственный! нас со смеху морит!

Век с англичанами, вся английская складка,

И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.

Ты не знаком? о! познакомься с ним.

Другой – Воркулов Евдоким;

Ты не слыхал, как он поет? о! диво!

Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:

«А! нон лашьяр ми, но, но, но».[4]

Еще у нас два брата:

Левон и Боринька, чудесные ребята!

Об них не знаешь, что сказать;
Но если гения прикажете назвать:

Удушьев Ипполит Маркелыч!!!

Ты сочинения его

Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?

Прочти, братец, да он не пишет ничего;

Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать,
писать;
В журналах можешь ты, однако,
отыскать
Его отрывок, взгляд и нечто.
Об чем бишь нечто? – обо всем;
Всё знает, мы его на черный день
пасем.
Но голова у нас, какой в России
нету,
Не надо называть, узнаешь по
портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся
алеутом
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может
быть не плутом.
Когда ж об честности высокой
говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные?
Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, по-

думать ужас!
Однако ж я, когда, умишком по-
натужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг калам-
бур рожу.
Другие у меня мысль эту же под-
цепят,
И вшестером, глядь, водевильчик
слепят,
Другие шестеро на музыку кла-
дут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не на-
градил,
Дал сердце доброе, вот чем я лю-
дям мил,
Совру – простят...

Лакей (у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

Явление 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

Репетилов (к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов (Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отпра-
вился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет нүжды, я тебя нечаянно сыс-
кал,
И просим-ка со мной, сейчас, без
отговорок:
У князь-Григория теперь народу
тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским

на убой,
А во-вторых, таким вещам на-
учат,
Каких, конечно, нам не выдумать
с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обмо-
рочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гля-
ди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи
встретил,
Как, может быть, никто и нико-
гда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры ме-
тил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,

С его женой и с ним пускался в ре-
верси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом
построил,
С колоннами! огромный! сколько
стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял – шиш, по служ-
бе – ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упрёку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче
ль мне?
Секретари его все хамы, все про-
дажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важ-
ны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты – ду-
ши мытарства,
Лахмотьев Алексей чудесно гово-
рит,
Что радикальные потребны тут
лекарства,

Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покуда-ва уехал.)

Явление 6

Р*епетилов, Загорецкий.
Загорецкий*

*Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..*

Репетилов (с досадой)

*Все врознь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.*

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут вся-
кие турусы,
И дельный разговор зашел про во-
девилъ.
Да! водевилъ есть вещь, а прочее
всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же
вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

*А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.*

Репетилов

Дичь.

Явление 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерьми, немного погодя Хлестова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

*Княжны́, пожалуйста, скажите
ваше мнение,
Безумный Чацкий или нет?*

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомнение?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

*Дрянские, Хворовы, Варляньские,
Скачковы.*

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы́?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!

Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов (затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это
слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить
опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец

Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!!.. Едемте. Князь, ты
везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в ше-
стиместной.

Хлёстова (с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все (друг к другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий
тоже.

Явление 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бед-
ный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча
забот!
Скажите, из чего на свете мы

хлопочем!

Хлѣстова

*Так бог ему судил; а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим,
хоть брось.*

*Изволил вовремя явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, господь с
тобой.*

Молчалин уходит к себе в комнату.

*Прощайте, батюшка; пора перебе-
ситься.*

(Уезжает.)

Явление 9

Р*епетиллов со своим лакеем.*

Репетиллов

*Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.*

(Уезжает.)

Явление 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий (выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я
ушами!

Не смех, а явно злость. Какими
чудесами,

Через какое колдовство

Нелепость обо мне все в голос по-
вторяют!

И для иных как словно торже-
ство,

Другие будто страдают...

О! если б кто в людей проник:

Что хуже в них? душа или язык?

Чье это сочиненье!

Поверили глупцы, другим переда-
ют,

Старухи вмиг тревогу бьют —

И вот общественное мненье!

И вот та родина... Нет, в нынеш-
ний приезд,

Я вижу, что она мне скоро надо-
ест.

А Софья знает ли? — Конечно, рас-
сказали,

Она не то чтобы мне именно во
вред

Потешилась, и правда или нет —

Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не доро-
жит.

Но этот обморок, беспмятство
откуда?? —

Нерв избалованность, причуда, —
Возбúдит малость их, и малость
утишит, —

Я признаком почел живых стра-
стей. — Ни крошки:

Она, конечно бы, лишилась так
же сил,

Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свеч-
кою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!

Ах! голова горит, вся кровь моя в
волненьи.

Явилась! нет ее! неужели в виде-
ньи?

Не впрямь ли я сошел с ума?

*К необычности я точно приго-
товлен;
Но не виденье тут, свиданья час
условлен.
К чему обманывать себя мне са-
мого?
Звала Молчалина, вот комната
его.*

Лакей его (с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

*Буду здесь, и не смыкаю глазу
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, – а беды медленьем
не избыть.
Дверь отворяется.*

(Прячется за колонну.)

Явление 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.
Лиза

Ах! мочи нет! робею.

*В пустые сени! в ночь! боишься до-
мовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с
нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то
здесь, внизу.*

(Осматривается.)

*Да! как же! по сеням бродить ему
охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному
толкнуться.*

(Стучится к Молчалину.)

*Послушайте-с. Извольте-ка
проснуться.
Вас кличет барышня, вас барыш-
ня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.*

Явление 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потя-
гивается и зеваает), София (крадется свер-

ху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жил-
ках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только
на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволóчим.

Лиза

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает
дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что?
открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ниче-
го
Завидного. Дай бог ей век про-
жить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы впло-

вину
К ней то же чувствовать, что
чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а сви-
жусь – и простыну.

София (в сторону)

Какие низости!

Чацкий (за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям
без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я слу-
жить,
Слуге его, который чистит пла-
тья,
Швейцару, дворнику, для избежа-
нья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова

была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого чело-
века...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толкова-
ли.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной
нашей крали.
Дай, обниму тебя от сердца пол-
ноты.

Лиза не дается.

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

*Нейдите далее, наслушалась я
много,
Ужасный человек! себя я, стен
стыжусь.*

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

*Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решусь.*

Молчалин

*(бросается на колена, София отталкивает
его)*

*Ах! вспомните! не гневайтесь,
взгляньте!..*

София

*Не помню ничего, не докучайте
мне.
Воспоминания! Как острый нож
оне.*

Молчалин (ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

*Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш от-
вет,
Солжете...*

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

*Шутил, и не сказал я ничего, ок-
роме...*

София

*Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.*

Молчалин встает.

*Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стойте
вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не*

застала,
Чтоб никогда об вас я больше не
слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. – Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ноч-
ной тиши
Держались более вы робости во
нраве,
Чем даже днем, и при людях, и
въяве;
В вас меньше дерзости, чем кри-
визны души.
Сама довольна тем, что ночью
всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в гла-
зах,
Как давеча, когда я в обморок упа-
ла,
Здесь Чацкий был...

Чацкий (бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

Явление 13

Т*е же, кроме Молчалина.*

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,

Важнее давишной причина есть тому,

Вот наконец решение загадке!

Вот я пожертвован кому!

Не знаю, как в себе я бешенство умерил!

Глядел, и видел, и не верил!

А милый, для кого забыт

И прежний друг, и женский страх и стыд, —

За двери прячется, боится быть в ответе.

Ах! как игру судьбы постичь?

Людей с душой гонительница, бич! —

Молчалины блаженствуют на

свете!

София (вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.

Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.

Ваш батюшка вот будет благодарен.

Явление 14

Ч*ацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.*

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей! Свечей побольше, фонарей!

Где домовые? Ба! знакомые все лица!

Дочь, Софья Павловна! страмница!

Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,

Как мать ее, покойница жена.

Бывало, я с дражайшей половиной

Чуть врознь – уж где-нибудь с
мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя
прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота
напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так
наказан!..

Чацкий (Софии)

Так этим вымыслом я вам еще
обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в об-
ман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую те-
терю,
Не знает ни про что, не чует ни-
чего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты
недослышал?

В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих
проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и
обновы;
Там выучилась ты любовников
сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в избу, марш, за птица-
ми ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не
оставлю,
Еще дни два терпение возьми;
Не быть тебе в Москве, не жить
тебе с людьми;
Подальше от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Са-
ратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святыми
зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни
проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет
заперта:

Я постараюсь, я, в набат я при-
ударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, госу-
дарю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

*Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить
хотят,
Растерян мыслями... чего-то
ожидая.*

(С жаром.)

*Слепец! я в ком искал награду всех
трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот сча-
стье, думал,
близко.
Пред кем я давеча так страстно
и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избра-
ли?
Когда подумаю, кого вы предпо-*

чили!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в
смех?!

Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений
сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладил
дила,
Ни развлечения, ни перемена
мест.

Дышал, и ими жил, был занят
беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный
мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки –
всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пре-
сек,
И перед тем, как навсегда рас-
статься,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный чело-
век?..

(Насмешливо.)

Вы помиритесь с ним, по размыш-

леньи зрелом.

Себя крушить, и для чего!

Подумайте, всегда вы можете
его

Беречь, и пеленать, и спосылать
за делом.

Муж-мальчик, муж-слуга, из же-
ниных пажей —

Высокий идеал московских всех
мужей. —

Довольно!.. с вами я горжусь мо-
им разрывом.

А вы, сударь отец, вы, страстные
к чинам:

Желаю вам дремать в неведенъи
счастливом,

Я сватаньем моим не угрожаю
вам.

Другой найдется благодравный,
Низкопоклонник и делец,

Достоинствами наконец

Он будущему тестю равный.

Так! отрезвился я сполна,

Мечтанья с глаз долой — и спала
пелена;

Теперь не худо б было сряду

На дочь и на отца,

И на любовника глупца,

И на весь мир излить всю желчь и
всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула
судьба!
Все гонят! все клянут! Мучите-
лей толпа,
В любви предателей, в вражде
неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых
простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками,
вздором, —
Безумным вы меня прославили
всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет
невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не
ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по
свету,
Где оскорбленному есть чувству
уголок!..
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

Явление 15

Кроме Чацкого
Фамусов

*Ну что? не видишь ты, что он с
ума сошел?*

Скажи сурьезно:

*Безумный! что он тут за чепуху
молол!*

*Низкопоклонник! тесть! и про
Москву так грозно!*

А ты меня решила уморить?

Моя судьба еще ли не плачевна?

*Ах! боже мой! что станет гово-
рить*

Княгиня Марья Алексевна!

Конец

Молодые супруги Комедия в одном действии, в стихах

Действующие лица

Арист.
Эльмира.

Сафир.

Гостиная в Аристовом доме.

Явление 1

Арист (входит)

*Сегодня завернул некстати я
домой:*

*Придется утро всё беседовать с
женой.*

*Какие странности! люблю ее по
чести,*

*Меж тем приятнее, когда мы с
ней не вместе.*

*Однако впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё од-
но.*

Явление 2

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье.

Эльмира

А! здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

*Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?*

Эльмира

Я слава богу.

Арист (в сторону)

Веселый разговор.

(Вслух.)

*Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выез-
жать?
Как взаперти пробыть весь день –
не понимаю.*

Эльмира

*Свой дом всем прочим я домам
предпочитаю.*

Арист

*Но прежде отчего езжала всюду
ты?
И ныне способы к тому не отня-
ты.*

Эльмира

*Веселость светская меня к себе
манила,
Когда я дней моих тебе не посвя-
тила;
Большой же ныне свет мне стал
казаться мал.*

Арист

*Но отчего же я от света не от-
стал,
А дорожку тобой всё более и боле?*

Эльмира

*Пожалуй, выезжать я буду поне-
воле.*

Арист

Притом и не видать в тебе та-

лантов тех,
Которыми сперва обворожала
всех.
Поверь, со стороны об этом ду-
мать можно,
Что светских девушек образова-
нье ложно,
Невинный вымысел, уловка мате-
рей,
Чтобы избавиться от зрелых до-
черей;
Без мыслей матушка проронит
два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рису-
нок новый;
Едва льзя выпросить на диво по-
смотреть.
Выносят наконец ландшафт или
портрет,
С восторгом все кричат: возмож-
но ль, как вы
скрómны! —
А, чай, работали художники на-
емны.
Потом красавица захочет слух
прельщать, —
За фортопьяны; тут не смеют и
дышать,

Дивятся, ахают руке столь бег-
лой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлажива-
ет скрипкой;
Потом влюбленного как в сети
завлекли,
В загоне живопись, а инструмент
в пыли.
Всё это сказано меж нами не для
ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью прошла моя по-
ра;
В угодность же тебе я буду петь с
утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. – Уже подхо-
дит лето,
Какие меры братъ располагаешь
ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приня-

ты.

Арист

*Оставим городской шум вечный,
пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни
летни.*

Эльмира

Пожалуй.

Арист

*Но, боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близь города най-
дут;
При том соседство там ужасно
как наскучит.*

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

*Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето
как-нибудь.*

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

*Куда ж направим путь,
В Крым или на Кавказ?*

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

*Куда угодно мне – вот это беспо-
добно!
Я мнение твое желаю знать дав-
но,
Чего б хотела ты?*

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

*Так, видно, далее не ехать нам за-
ставы.*

Эльмира

*Везде, где вместе мы, мне ра-
дость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь уга-
дать
Всё то, что мысленно ты мо-*

жешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

*Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.*

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

*По крайней мере, мне казалось
иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...*

Арист

Никогда.

Эльмира

*О, если б ложные мне виделась
приметы!*

Арист

*Я рад с тобою быть... однако где
газеты?*

(В сторону.)

*Над ними всё-таки пристойнее зе-
вать.*

Эльмира

*Он занят чтением, – мне тоже
книгу взять.*

Явление 3

Прежние и Сафир.
Сафир

За чтеньем муж с женой, – вид
важный и
степенный!
Примерная чета! боюсь, неоце-
ненно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что
вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Не позволительно и утренней по-
рою
Скучать, любезный мой, с супру-
гой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостями был за-
нят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты до-
мой?

Досадно, по тебе мы поздно спо-
хватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.

В Аглаю, знаешь, как Сердаликов
влюблен?

Я настоял на том, чтобы взбе-
сился он:

С Аглаей всё шептал и танцовал
нарочно;

А он краснел, бледнел, дрожал,
ворчал, ну точно

Не раз обманутый ревнивый на
часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в ду-
раках.

Арист

Везде, где только бал, она необхо-
дима.

Эльмира (в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

Явление 4

Арист и Сафир.
Сафир

*Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторож-
ней будь.
Ба! да она ушла.*

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

*Не совестно ль тебе с женою
столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так
небрежно?*

Арист

*Да, очень совестно, пожалуй, по-
брани.*

Сафир

*В уединении она проводит дни,
До утра твоего ждет с бала воз-
вращения.*

Арист

*А мне что за нужда? Какие уте-
шенья!*

*Что с ней я, что один, не всё ли
мне равно?*

*Хожу по комнате, глазею с час в
окно;*

*Скажу ей что-нибудь, – она мне
потакает,*

*И речь в устах моих, не кончась,
замирает.*

*У нас с Эльмирою эмблемой при-
няты*

*Не розовы, мой друг, а маковы цве-
ты.*

Сафир

*И тягостно тебе согласие до-
машне?*

Арист

*Да, сударь, тягостно согласие все-
гдашне.*

Зачем она молчит и убегает

свет?

Причиной спесь иль лень; ума в ней, что ли, нет?

О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?

И дарований тьма, – она их все скрывает;

Прекрасная собой, – одета не к лицу!..

Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,

Как в первый раз меня Эльмира обнимала!..

Немые ласки те божественны сначала,

А в продолжении весьма надеются.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца – три века!..

С Эльмирой можно близь тенистого просека,

Под свесом липовым, на бархат-

ном лужку
Любится, нежится, как надо
пастушку,
И таять весь свой век в безмолвии
неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в про-
чем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, ти-
ха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою
была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно
только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худо-
го.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эль-
мира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен
тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет ме-
ней;

Потом, как врозь она привыкнет
быть с тобой,

Не мудрено, что ей понравится
другой.

Потом – как раза два она тебя об-
манет,

Глядь, в очередь свою виновной
охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе
через год

Берет любовника; – единобразье
скушно,

И муж на то глядеть обязан рав-
нодушно.

Всё это сбыточно, всё это быть
должно

Со мною, как с другим, – так раз
заведено.

Однако до тех пор хотел бы я в
Эльмире

Все видеть способы искусства,

средства в мире,
Рядиться, нравиться, приятной,
ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой про-
слыть;
Чтоб рой любовников при ней был
ежечасно,
Но ею прѣзренный, рой жалкий и
несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой
смотря:
Старайтесь круг ее, а наслажда-
юсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество
большое;
И скрашивать на что суждение
пустое?
Скажи, что молод ты супругом
путным быть,
Не в силах качества жены своей
ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти,
обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено

свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее же-
не?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги долж-
ность свята,
А у вертушки той я, может
быть, десятый;
Но с нею в забытьи я время прово-
жу,
С женою ж разговор едва ли нахо-
жу;
И наконец тебе доверить можно
смело,
Что ныне, как в суде мое решают
дело
И, может, приберут именование к ру-

кам,
Я, вместо чтоб скакать по
стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, – к пре-
лестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, про-
поведуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, судáрь, к жене. – Вот суций
ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало
верных жен.

Явление 5

Сафир и Эльмира, одетая с бóльшим вкусом, чем прежде.

Эльмира

*Мне споры ваши все из спальни
были слышны.
К увещеванию слова, труды из-
лишни,
И горести мои известны вам од-
ним.
И опасалась в них довериться род-
ным,
Чтоб не доставить тем худой
Аристу славы.*

Сафир

*Он виноват кругом, но вовсе ли вы
правы?*

Эльмира

*Уж вы всё знаете, судите вы ме-
ня.
С тех пор, как я за ним, доселе,
несмотря
На частые его отсутствия, хо-
лодность,*

Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противоречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуясь когда, ропщу? Ах!
нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается острада;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы.

Эльмира

Итак, не должно мне покорной
мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это
объяснить.
Тот муж, мы, например, каким
Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожа-
ем,
Что ясных дней его ничто не по-
мрачит,
В беспечности благой живет как
сибарит;
Вседневны ласки он с холодно-
стью приемлет;
Взаимность райская утихнет и
задремлет;
Ему ничто не впрок и чужд сер-
дечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в
его глазах
Вы легкомысленней и больше при-
хотливы;
Увидите, какой он будет боязли-
вый.
Едва опомнится, что может по-

терять
Блаженство, коим стал он так
пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви мину-
тах тайных,
Он в заблуждениях раскается слу-
чайных
И, образумясь, вам покорен будет
вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а лю-
бовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа
другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него го-
това.

Сафир

Не надо умирать; приличней сред-
ство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста
вам обрести.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому
доставил:

Мой муж в рассеяньи, дела свои
оставил,

Но я за них взялась, радела как
могла,

У должностных людей по целым
дням была,

На малу опытность мою с при-
скорбьем глядя,

Мне руку помощи в том подавал
мой дядя.

У мужа тяжба есть по делу одно-
му,

И производится неведомо ему.

Хотя на стороне его и справедли-
вость,

В неправоту ему вменили б нера-
дивость.

Я не щадила просьб, подарков и
хлопот.

Сегодня жданный день решенья
настает.

Я еду, чтоб узнать, успешно ль
окончанье;

Увидит пусть Арист мое об нем
старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?

Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?

Конечно, скажет он, и скажет целый свет:

Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,

Что делаете честь вы редких жен сословью.

Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,

Что нет возможности мне мужу угодить;

Что сердца я его лишаясь невоз-

вратно.
Так! должно верить мне сему,
хоть неприятно.
Он вовсе действует тем чув-
ствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так па-
мятны, так сладки,
Он всё любил во мне – и даже
недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уве-
рять!
Как вас не полюбить? вам сужде-
но пленять.
Но узников своих чтоб приучить к
неволе,
На то потребно средств еще го-
раздо боле;
Они, сударыня, для вас не мудре-
ны;
Зачем отбросили свои таланты
вы?
Искусством нравиться пренебре-
гать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наря-
да,

Но что вы, как теперь, одеты не всегда?

Зачем не ездите в собрания иногда,

Которых можете быть первым украшением?

Там возбужденные правдивым восхищением

Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, —

Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый,
Безмрачный?

Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,

Захочет он сравнять с горячностью тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафира

О нет! конечно, нет; но видя каж-

дый раз
Везде угодников, вздыхателей
круг вас,
Сам будет угождать, к своему
привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить
другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до ми-
нуты сей
Скрывалась дома я, таилась от
людей
Не для того, чтоб быть мне от
других отличной, —
Любить веселье мне подобно всем
прилично:
Утехи, счастье, всех радостей со-
бор,
В Аристе мне одном мечтались
до сих пор.
Он насмехается над чувствами
моими.
С теперешней поры и я прощаюсь
с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет
здесь,

То целый день и ночь искать их буду в чуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

*И сим поддержите честь пола
своего.*

*Я знаю, женщинам нет легче
ничего,*

*Как пременять свой вид, и даже
свойства, мненья...*

*Но, кстати, вы теперь начните
превращенья:*

*Сыграйте что-нибудь и спойте в
добрый час;*

*Пусть Музы, Аполлон и, словом,
весь Парнас*

*Благоприятствуют успешному
началу.*

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортепиано и поет.)

1

*Боги! Лидя, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?*

* * *

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

*И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту! – Продолжайте.*

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не
осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привя,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, —
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

* * *

Что, ежели Арист пришел бы сей
порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам
не свой!

Явление 6

Эльмира, Сафир и Арист, входит и останавливается в дверях.

3

*И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час.
И любовник в упоеньи
Счастлив – будто в первый раз.*

* * *

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

*Неподражаемо! божественно!
прекрасно!*

Эльмира

*Я не заметила тебя; давно ль ты
здесь?*

Арист

*Что ж делать: где талант, быва-
ет также спесь.*

*Но чьим обязан я всесильным
убежденьям?*

*Кто приманил тебя к забытым
упражненьям?*

*Ты думала ль меня приятно уди-
вить?*

Эльмира

*О! благодарностью ты можешь
не спешить:*

Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!

*Я сколько приставал и падал на
колена,*

*И всё не мог тебя на это прекло-
нить.*

Эльмира

Как будто бы мужья умеют по-
просить;
Их просьба на приказ ужасно как
походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок
навеян.

Эльмира

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазейн.

Арист

И в магазейн?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

*Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.*

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

*Но объяснись, пожалуйста,
Пустыннический дух ужели
впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до
небес
Уединение ты мне превозносила?*

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?

*И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых посто-
янных!*

Эльмира

*Ты первый недруг был всех этих
правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.*

Арист

И всё-таки Сафир.

Эльмира

*Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я
мненья;
Ты, верно, очень рад?*

Арист (сухо)

*Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых
ты слов
Так скоро, – невзначай?*

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те обще-
ства противны,
Где предвещает он веселья непре-
рывны;
Где можно нравиться легко в мо-
их летах.
Нет! больше не сижусь я в четырех
стенах.
Пускай к рассеянью кто нову
страсть осудит:
Сафир ее внушил, и отвечать он
будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж
боюсь,
Что красноречием невольно воз-
горжусь.

Эльмира

Недаром – в полчаса вы совер-
шить умели
То, в чем бы во сто лет другие не
успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан

такой.

Так вместе на́ вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи
торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужа
ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний,
полуслов
Старалась до сих пор быть сколько
можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся
на бале,
Двусмысленно о том свет будет
говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает
быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше
цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

*Нету,
По мне, небесного.*

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

*Подписан приговор! мой вкус уже
порочен!*

Эльмира

*Порочен не скажу, а переменчив
очень.
Но с вами нехотя я время упушу,
Прощайте; ежели найду, чего
ищу,
Я буду истинно довольна и счаст-*

*лива.
Сафир! желайте мне успеха.*

(Уходит.)

Явление 7

Арист и Сафир.
Арист

Что за диво!

Сафир

*Каков с Аглаей ты? – Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскал?*

Арист *(не внимая ему)*

При всем том как мила!

Сафир

*Надеюсь, для тебя всего милее
света.
Увы! надолго ли?*

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

*О! этим славится не без причин
она;
Что более в ней есть?*

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

*Приятно сладостных часов воспо-
минанье!
А где произошло с любезною сви-
данье?
Что сделалось с тобой! как ты
задумчив.*

Арист

*Да,
Я таковой ее не видел никогда!*

Сафир

*Вскружила голову тебе совсем Аг-
лая,
Скажи по совести?*

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

*Другая уже? я как вкопанный
стою!*

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

Явление 8

Прежние и Эльмира.
Эльмира

*Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встре-
тилась досада.*

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может, но скажи...

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

*Я верю, но скажи, в чем происхо-
дит дело?*

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашу-

мела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!

Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

*Не может разве быть несчастья
иного?*

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

*Загадки этой я не разрешил бы
век.*

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!

В забаву для себя всё обратить умеет.

Но если новое мне платье не успеет,

То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:

Едва ты явишься, и, позабыв наряды,

На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;

Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй, подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня.

(Тихо ему.)

Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист (в сторону)

Они с ней шепчутся.

Эльмира (громко)

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

*Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.*

Пора уж отомстить мне за его

проказы.

(Уходит.)

Явление 9

Арист и Сафир.
Арист

*Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совертят,
Не правда ли, Сафир?*

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

*Не ждал от дружбы я услуги
столь приятной.*

Сафир

Пожалуй, объяснись.

Арист

*Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь
открыл?*

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

*Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином
разврате?
Коль ветреность мою так мож-
но называть.*

Сафир

Арист!

Арист

*Когда же мнишь любовь ее снис-
кать,
То лучше отложи все ковы в дол-
гий ящик.
Такой ли ж женщине приятен пере-
сказчик?*

Сафир

*Уж это чересчур! – Вот на – рука
моя,
Что ей не говорил о том ни слова
я.*

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

*Кто! – мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить
смело.*

Арист

*Ужели у меня есть скрытные вра-
ги,
Привыкшие мои изведывать ша-
ги?..*

Сафир

*Ты всё колеблешься? Я повторяю
снова:
Не я о том сказал, даю честное
слово.*

Арист

*Довольно; извини, прости меня,
Сафир.*

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

*Я очень чувствую, что это быть
не может.
Не знаю, ныне что весь день меня
тревожит?*

Сафир

А повод к этому?

Арист

*Эльмира. – Посуди:
Блаженство обрел я на ее гру-
ди;
Смиренный, тихий нрав, испытан-
ный во многом,
Любви достаточным казался мне*

залогом.

Я так уверен был, беспечен, что,
ей-ей,

В объятиях ее не помышлял об
ней.

Внезапно кротость та пожерт-
вована вздору;

Эльмира вне себя от шляпки, от
убору:

Она собирается на бал, а я – ска-
зать стыжусь! —

И в провожатые уж боле не го-
жусь.

Сафир

Ну, что ж? ей, может быть, еди-
нообразье скушно,

И ты на то глядеть обязан равно-
душно.

Арист

Я это говорил, я точно не был
прав:

Еще не знал тогда я ревности
отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность...

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

*Мой друг, не вовсе ль ты рассудок
потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам
желал,
К приманкам светскости не
столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.*

Арист

*Пременичивости тень убийствен-
на тому,
Кто вверился, как я, блаженству
своему. —
Постой, что давеча она тебе шеп-
тала?*

Сафир

*Вот, видно, на меня опять сомне-
нье пало.
Весь толк о шляпке был; ты, вер-
но, слышал сам?*

Арист

*Неправда, выдумка, я вижу по гла-
зам.
Скажи мне истину сейчас – или
ни слова.*

Сафир

*По крайней мере, нет тут ничего
такого,
Что неприятность бы могло те-
бе подать.*

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой? в лице весь изменил-

ся.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я... ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так...

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.

(Уходит.)

Явление 10

Сафир, один.
Сафир

*И это был Арист! он может
быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример веле-
речивым;
Блаженства сущностью они не
дорожат:
Его утративши, по нем же загру-
стят.*

Явление 11

Сафир и Эльмира.
Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

*Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пре-
счастливый;
И в сей записочке еще подтвер-
ждено,
Что в пользу дело всё Ариста ре-*

шено.

*Прочтите, – с сим письмом слуга
мне повстречался.*

*Успехом наконец пой поиск увен-
чался.*

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.

*Отчаянно брюзглив и недоверчив
стал;*

*Любезные черты ревнивца он яв-
ляет.*

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

*Что хочет женщина, то сбудет-
ся всегда.*

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:

*Я радуюсь тому, о чем иная пла-
чет;
Мой муж ревнив!*

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

*То значит, что ему досталось
унывать.*

Эльмира

*О! я берусь его достойно нака-
зать:
От дядюшки письмо я утаю до
срока,
Его промучаю весь день.*

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

*Мной чувства жалости совсем
отдалены;
С ума его сведу.*

Сафир

*По милости жены
Не первый попадет в число он су-
масшедших.*

Эльмира

*Нет! а раскается он в шалостях
прошедших,
Ручаюсь вам за то.*

Явление 12

Прежние и Арист, в дверях.
Сафир

*Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не
очень чист
И наказания примерного достоин.*

Эльмира

*И накажу его, он может быть по-
коен.*

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

Чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не уви-
дал.

Арист

И так сбылись мои правдивые со-
мнения!
Скажи, бессовестный, еще в недо-
уменьи
Не знаю, как судить мне по тво-
им словам:
Помощник, что ли, ты иль обо-
льститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною осо-
бой
Прикидываться вам: сей день вас
обличил;
Довольно времени я легковверен
был.

Сафир

Одумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.

Скажи, судáрь!.. Иль нет, оставь покуда нас;

Мы лучше свидимся с тобою через час,

Тогда произойдет короче объяснение.

Сафир

Но что ввело тебя в такое иступленье,

Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неужели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать недосужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

*Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.*

Сафир

*Иду.
Он, право, жалок мне!*

Арист

*Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам
не нужен третий?*

(Сафир уходит.)

Явление 13

А *рист и Эльмира.
Эльмира*

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

*Не вам расспрашивать, сударыня,
а мне.*

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

*Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу
явно,
Как женской честности вы*

*презрели закон,
Как вами я забыт, поруган,
оскорблен!*

Эльмира

*Поруган! оскорблен! – какие выра-
женья!
Но ваши не хочу я разрешать со-
мненья
И не отдам письма.*

Арист

*Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испы-
тать?*

Эльмира

*Подумайте – читать письмо чу-
жое низко,
И хлопотен надзор над женской
перепиской.*

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

*Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим ода-*

рена,
Но ваши тайны мне всегда каза-
лись святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж
виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет ча-
сто вам
Любезная для вас, прелестная Аг-
лая,
И может быть, еще прелестница
другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете рав-
нять
Мои вы с вашими? Иль вам рас-
толковать:
Мои суть шалости, а ваши пре-
ступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы настав-

ленья?

Арист

*Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам не верен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.*

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)

Эльмира

*Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.*

Арист

*В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь*

причине;
Нет! повод вы к сему мне подали
не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчис-
лить,
По коим должен был об вас я худо
мыслить;
Довольно было бы смешно не за-
мечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с
вами;
И часто думал я, что, кстати,
между нами,
Страдаете всегда вы болью голов-
ной,
Когда случается вам выезжать
со мной. —
Сегодня поутру, на что искать
мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в

печали,
Когда напоянул я об деревне
вам;
Конечно, скоро бы прибегнули к
слезам,
К упрекам, жалобам! – на дело не
похоже!..
Является Сафир, я ухожу – и что
же?
Откуда всё взялось на бедствие
мое:
Веселость, острота, наряды и пе-
ньё,
Все, словом, женские чертовские
приманки.
Я в дверь, вы со двора, и очень спо-
заранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня
вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намек-
нул?
Изменник! над моим ругался как
несчастьем!
Как утешал меня притворным
соучастьем!
Непринужденно как смеялся,
ободрял!
От горькой истины как хитро

*отвращал!
Как другом и женой жестоко я
обманут!
Но более меня обманывать не
станут.
Что вы потупили глаза? вы сму-
щены?
Подайте ж мне письмо.*

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

*Я очень чувствую; однако непри-
стойно
Вам это замечать.*

Эльмира

*Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы
больны – в жару.
Не сами ль ныне вы твердили по-
утру,
Чтоб одевалась я нарядней, выез-
жала,
Чтоб дарованьями не столь пре-
небрегала?
По воле вашей я за это принялась,*

*И вышло невпопад; – как угодить
на вас?
Откуда прихотей вы набрались?*

Арист

*Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и
есмь, и буду!
Подайте мне письмо.*

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

*Как можете еще такой спокой-
ной быть?*

Эльмира

*Да это оттого, что нрав имею
ровный.*

Арист

*Пожалуй, говорить я стану хлад-
нокровно.
Письмо я требую; прошу его от
вас
Не для того, чтобы с сей вывеской
тотчас*

Повсюду разглашать ваш стыд,
мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет
известье;
Над этим случаем свет едкость
изострит,
Печальну истину раскрасит, рас-
пестрит;
Еще похвалит вас, что мужа об-
манули.
Нет! лучше припасу две роковые
пули:
Одну бездельнику, другую для се-
бя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите, – я могу ль так вдруг
возненавидеть?
Подайте мне письмо, – ах! дайте
мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой ка-
зался мил,
Всё притворялись вы, я всё обма-
нут был.

*Вы усмехаетесь; – кто смеху здесь
предметом?*

Эльмира

*Я думала теперь, ей-богу, не об
этом.*

Арист

*Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо, – ведь на-
добно ж отдать?
Подайте, – право, я за вас боюсь.*

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;

Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает.)

*«Не надлежало б так Ариста ба-
ловать,*

*Эльмира, милый друг! но так и
быть; и дело*

*Он ныне выиграл, – ты этого хо-
тела.*

*Прощай, я остаюсь усердный дядя
твой».*

Н.

*Эльмира! я дурак! прости мне, ан-
гел мой!*

Эльмира

*Насилу сделались опять вы спра-
ведливы.*

Арист

*Я недоверчивый, неистовый,
строптивый!*

*Какие клеветы произносил с серд-
цов?*

Для оправдания мне неостанет

слов.

Явление 14

Прежние и Сафир.
Сафир

*Вот неожиданность! хоть бы в
волшебных тѣнях;
Супруга нежная в слезах, муж на
коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! –
что, брат?*

Арист

*Пред ней я, пред тобой, пред всеми
виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье
безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать
бы трудно;
Но мой неправый гнев... но и про-
ступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе
любви моей?*

Эльмира

Нет, беспорочной мне была хо-

лодность платой,
И ревность, я когда казалась ви-
новатой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб уда-
лился я
В леса дремучие, в безлюдные
края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с
тобою
Веселья бурные, утраченные
мною.

Эльмира

Такие жертвы я, конечно, отка-
жу:
Приятность в городе сама я нахо-
жу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице
иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу от-
ныне —
Днем, утром, вечером, и в пол-
день, и в полночь;
Все вертопрашества и суетности

прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видишь будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю – пусть он всем обязан будет вам.

(Аристу.)

*Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась*

я воле,
Затем, чтоб ты ценил мое сми-
ренство боле.
Так! он любовь твою мне возвра-
тить хотел,
Старался, сколько мог, – и, мо-
жет быть, успел.

Конец

Студент

Комедия в трех действиях

Действующие лица

Евлампий Аристархович Беневольский, студент из Казани.

Федька, его слуга.

Звёздов.

Звёздова, жена его.

Саблин, брат ее, гусарский ротмистр.

Варинька, воспитанница Звёздовых.

Полюбин, влюбленный в Вариньку.

Прохоров.

Иван, слуга.

Швейцар.

Трое слуг.

Мальчик из ресторации.

Действие в Петербурге, в доме Звёздова.

Действие первое

Явление 1

Беневольский, Федька, Иван.

Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительство Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

Иван. Его-с.

Беневольский. А я его гость.

Иван. Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

Беневольский. Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани

познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами; с тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили между прочим вот что... Барин твой сказывал, что его супруга воспитывает прелюбезную девицу.

Иван. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольский. Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее соплатницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете. С тех пор батюшка скончался, и я, сказав прости казанскому расаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом, всё. Ну, поняли ли?

Иван. Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

Беневольский. Всё равно. Вели ей стоять на

улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир незнаемый, смутная будущность!

Иван (отходя, говорит Федьке). Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

Явление 2

Беневольский, Федька.

Беневольский. Что он тебе сказал?

Федька. Барин-де твой, видно, большой искусник.

Беневольский. Искусник... Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный? (*Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш.*) Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу. (*Пишет.*) Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани...

Федька. Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибиточка-то всё вытрясла, проклятая.

Беневольский. Вступаю в новый для меня свет. Ну, однако, какой же новый? Я его знаю,

очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом, Бедной Молочницей? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

Федька. Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы съестного да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги, – и сытехоньки, и горя половина.

Беневольский. Не говори вслух, ты мне мешаешь.

Федька. Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

Беневольский (не слушая его). Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, лю-

бительниц талантов, какую-нибудь Нинону, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники – я их устрашу сатирами, они станут уважать меня; тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными в двадцати, в тридцати из лучших домов; я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, – он будет моим Меценатом, мне дают пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что с вами, сударь?

Беневольский. Сколько ты от меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самим известно.

Беневольский. Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: всего сорок рублей на месяц.

Беневольский. Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

Федька. С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ка, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да лягте-ка отдохнуть.

Беневольский. Тысячу, тысячу.

Федька. Да где же вы, сударь, возьмете? Вы, помнится, говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани, да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь всё записано.

Беневольский. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

Федька. Вот оно что; ну, барин, так богатеете же скорее.

Беневольский. Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарований от преосвященного, от вице-губернатора, от самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена; если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раску-

пят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр дрянь, а за всё придется важная сумма.

Федька (смотря в окно). Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

Беневольский. Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

Федька. Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйста, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

Беневольский. На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный... Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

Федька. Да там всего, сударь, фрак лиловый да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольский. Подавай его.

Федька. К чему вам переодеваться!

Беневольский. Какое тебе дело?

Федька. С вас не взыщут: вы человек приезжий.

Беневольский. Молчи!

Федька. Образумьтесь, где теперь выклады-
вать из чемодана: вам и комнаты еще не от-
вели.

Беневольский. Не умничай!

Федька. Притом власть ваша: есть хочется,
ей-богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь... Нет, барин,
мне таким способом служить будет не в охо-
ту.

Беневольский. Олух! прибери эту тетрадь и
карандаш да ступай за мной: я сам вытащу
чемодан и выну платье. Скорей! Скорей! (*Ухо-
дит с Федькой и в дверях встречается с Полю-
биным.*)

Явление 3

Полюбин и Иван.

Полюбин. Стало, никого нельзя видеть;
а это кто вышел?

Иван. Приезжий, сударь, из Казани.

Полюбин. Из Казани! и зовут его?

Иван. Беневольский.

Полюбин. Ах! Боже мой!

Явление 4

Полюбин и Варинька.

Варинька. Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин. Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька. О, конечно, нет. Представьте, я давеча сижу перед окном у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит... вы еще его не видали?

Полюбин. Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька. Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят, Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу притти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин. Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька. Нет нужды: он, конечно, ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят

лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтобы я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадется на глаза. Боже мой! как тяжело зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами, как собственностью! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин. Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; принявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька. Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин. Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, всё-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и немудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька. Пойду, брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду. *(Полюбин целует*

у нее руку.) Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин. Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей, – кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастье.

Варинька. Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете. *(Подходя к окну.)* Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин. Кто? Беневольский? *(Смотрит в окно и хохочет.)*

Варинька. Нет, не только теперь, – если бы я и вас не знала, ни под каким видом не вышла бы замуж за этого безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть, она встала. Приезжайте ужо, простите. *(В дверях.)* Будьте же здесь ужо непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает, когда увидимся.

Явление 5

Полюбин, вскоре после Беневольский.

Полюбин (смотря на часы). Теперь по-

ловина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обеду, — Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский (*шаркая*). Ваш покорнейший слуга-с.

Полюбин. Здравствуйте!

Беневольский. Позвольте с вами познакомиться.

Полюбин. Очень рад вас видеть.

Беневольский. Что-с? так точно-с. (*В сторону.*) Непостижимо. Я, верно, в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

Полюбин (*в сторону*). Бесценный. И это мой соперник.

Беневольский. Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

Полюбин. Вы не ошибаетесь.

Беневольский (*в сторону*). Как краткословен! Он меня убивает.

Полюбин. Вы недавно сюда приехали?

Беневольский. С час будет.

Полюбин. Из Казани?

Беневольский. Я сын волжских берегов.

Полюбин. Вам здесь всё должно быть ново?

Беневольский. Ничто не ново под солнцем.

Полюбин. Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

Беневольский. Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастье.

Полюбин. Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

Беневольский. Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес – вы это называете неудивительным?

Полюбин. Не я, а вы: вы сказали, что ничем уже не удивляетесь.

Беневольский. Я разумел моральные явления.

Полюбин. Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки. – Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

Беневольский (приосанившись). Вы знаете,

как меня зовут?

Полюбин. Беневольский, кажется.

Беневольский. Да-с.

Полюбин. Так что ж?

Беневольский. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? там эти безделицы, я их, ей-богу, полагаю безделицами, так... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литеррами Е. А. Б. и несколько точек, вместо имени – Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольский. Нет! ну, так «Вестника Европы»?

Полюбин. Тоже нет.

Беневольский. Помилуйте, а «Музеум»? Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?

Полюбин. Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский. Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольский (смотрит на него с презрением и отходит в сторону). Не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума», ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! – Я перед ним робел! и я перед ним скромничал! *(Садится на стул.)* Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы – вот все мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзией?

Полюбин (в сторону). Каков же! Однако вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями немудрено, что вы со временем попадете...

Беневольский (с восторгом). В чины?

Полюбин. В государственные люди... каких, конечно, у нас немного.

Беневольский (вскакивая со стула). Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражд-

данское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин. Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник.

Беневольский. В ваши лета?

Полюбин. Представьте, чем вы можете сдаться!

Беневольский. Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбин. Я? нисколько!

Беневольский. Как же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбин. Что ж делать?

Беневольский. Зачните его читать, сделайте одолженье, зачните; право, это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здоровом рассудке. – Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта; но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! – О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

Полюбин. А поэзия?

Беневольский. Прелестная игра воображения, отрада в скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром... *(Задумывается.)*

Явление 6

Беневольский, Полюбин, Саблин.

Саблин. Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь! *(Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону.)* Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это чорт знает, что такое!

Полюбин. Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

Саблин. Казанский?

Полюбин. Как видишь, налицо.

Саблин. Чудо!

Полюбин. Хочешь ли, я вас познакомлю. *(Саблин делает знак согласия.)* Евлампий Аристархович! позвольте представить вам моего друга, Евгения Ивановича Саблина. *(Беневольский раскланивается.)*

Саблин (Беневольскому). Для первого зна-

комства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свету промышляете?

Беневольский. Как ваш вопрос? извините. *(Тихо Полюбину.)* Я не понимаю его.

Полюбин (тихо Беневольскому). Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский (Полюбину). Вы меня обяжете.

Полюбин (Саблину). Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, донныне занимался только изящной словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в «Сыне Отечества».

Беневольский (Полюбину). Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалою.

Полюбин. В ней нет ничего лишнего.

Беневольский. Вы так думаете?

Полюбин. Присягнуть готов. *(Саблину.)* И сверх того, в «Вестнике Европы».

Беневольский. Пощадите скромность поэта.

Полюбин. И где, бишь, еще?

Беневольский. В «Музеуме». – Да перестаньте. Хоть это всё очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал

не ищу.

Саблин. И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин. Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай...

Саблин. Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу. (*Беневольскому.*) Это до вас не касается.

Полюбин. Кроме, что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться со временем государственным человеком.

Саблин. Чем чорт не шутит! – Так вы метите в министры? а?

Беневольский. Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин. Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри, пожалуй! он еще дуетя!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете

недолго, скорей бы вакансия очистилась.

Беневольский (в сторону). Житель Виотии в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

Саблин (Полюбину). Неужели ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Вареньке?

Полюбин. Э, братец! от твоего зятя всё возможно.

Саблин. Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старше. Здесь неловко говорить: идем завтракать на бульвар.

Полюбин. Пойдем.

Саблин. А ужо как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя как душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! как можно таким выродиться! Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил. (*Беневольскому.*) Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану Царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны, – это наш полк; на другом и лошадь, коли

она у вас есть, и сами вы умрете с голоду, – это стихотворство; а на третьем и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны, – это статская служба. Во всяком случае, вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдём к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

Явление 7

Беневольский (*один*). Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны. Тот статский советник, в порядочных людях, и не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мере, видно, что ему это совестно, больно: он мне после угождал взорами, речью нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором *Виргилий* говорит: *Barbarus has segetes*,^[5] – еще храбрится своею глупостью. Однако он мне дал мысль: ступайте к нам в полк... Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну,

что ж? разве нельзя всё это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательные! всё в жертву вам!.. Но, боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса, – величественный стан, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идет – две женщины!.. Сердце, ты вещун! – это она с субреткою... Мой идеал!.. Она!..

Явление 8

Звёздова, Варинька, Беневольский.

Звёздова. Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде... Что с вами сделалось? Не дурно ли вам?

Беневольский (кланяясь). Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова. Вы долго ехали из Казани?

Беневольский. Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова. Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

Беневольский. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова. Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

Беневольский. В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

Звёздова. Разве вы бывали прежде в Петербурге?

Беневольский. Никак нет-с.

Звёздова. Когда ж вы могли ее видеть?

Беневольский. Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутивного, крылатой фантазии.

Звёздова. Да где же?

Беневольский. Везде: образ ее носился в облаках воздушных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних...

Звёздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольский. Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова (тихо Вариньке). Он говорит так странно...

Варинька (тихо Звёздовой). Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневольский (в сторону). Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова. Вы, кажется, поэт?

Беневольский. Так! Я не ошибся! Я счастлив! Я любим!

Звёздова. Что такое?

Беневольский. Вы меня узнали?

Звёздова. Узнала ли я?..

Беневольский. Вы меня поняли?

Звёздова. Нет, право...

Беневольский. Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

Звёздова (Вариньке). Он с ума сходит.

Варинька (Звёздовой). Помилуйте, с чего ему сойти?

Беневольский. Я желал, и свершилось; я искал бессмертия в любви, божества в природе, – и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

Звёздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольский. Сердце имеет свою память. Вы заметили тот восторг, который не в си-

лах был я удержатъ при первой нашей встрече? – в нем слышали вы голос пиитической совести.

Звѣздова. Я, сударь, в жизнь мою ничего подобнаго не видала и не слышала. (*Вариньке.*) Побудь с ним, ради бога, мне сил недостает его слушать. (*Уходит.*)

Явление 9

Беневольский, *Варинька* (она все время печальна и сердита).

Беневольский (не примечая, что *Звѣздова* ушла). Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольский. Краска стыдливой скромности, конечно, разыграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в этой груди?

Варинька. Нужды нет; вообразите себе, что я ваша невеста, и доканчивайте, как начали. Оно в своем роде, право, хорошо.

Беневольский. Верю, милая.

Варинька. Милая! Как он смеет!..

Беневольский. Но ты не моя невеста, ты не она.

Варинька. Дай бог!

Беневольский. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей невесте!

Беневольский. Положение ее должно быть...

Варинька. Несносно.

Беневольский. Стрелы любви, конечно, язвительны, богатыри могучие по три дня не едали и не спали от них. Илья Муромец... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрелы любви, подобно копью Ахиллову, исцеляют собственную рану... Ох! я опять забыл, что ты не поймешь.

Варенька. Авось пойму: продолжайте.

Беневольский. Если б ты, красавица, взялась мне помочь, поговорить своей барышне...

Варинька (в сторону). А! я служанка.

Беневольский. Если б ты растолковала ей, как выгодно быть подругою стихотворца!..

Варинька. К чему это? Невеста ваша всё сама от вас слышала.

Беневольский. В самом деле! С каким жа-

ром я изъяснялся! Как ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно... Только жаль...

Беневольский. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольский. Понапрасну! Поверь, что нет. Я примечал всё время и заметил, что она...

Варинька. А кто она?

Беневольский. Вот вопрос забавный: она, что вдруг явилась и наполнила душу радостью, а потом исчезла как призрак, невеста, избранная мне рукою тайного Провидения, словом, она.

Варинька. Ах, сударь, она – не она.

Беневольский. Как не она?

Варинька. Вы говорили не с нею.

Беневольский. Не с нею! С кем же?

Варинька. С хозяйкою здешнего дома, с женою вашего покровителя.

Беневольский. С женою... Невозможно! Нет, нет... Какое тут правдоподобие!

Явление 10

Варинька, Беневольский, Иван.

Иван (Вариньке). Барыня вас спрашивает.

Варинька. Слава богу! (Уходит.)

Явление 11

Б*еневольский, Иван.*

Беневольский (ей вслед). Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобия, это шуточный вымысел субретки. *(Ивану.)* Постой хоть ты.

Иван. Что прикажете?

Беневольский. Представьте себе, что мне сказала горничная.

Иван. Какая, сударь, горничная?

Беневольский. Ну, вот, что сейчас отсюда вышла.

Иван. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здесь в доме воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневольский. Моя невеста! Я погиб. Зловещий человек! Что ты сказал?

Иван. Сущюю правду-с.

Беневольский. Но как же мне не ошибиться? Входит женщина молодая, ни дать ни взять мой идеал. Кому же взойдет в голову, что она жена старика Александра Петровича Звёздова? С ней другая должна была показаться мне горничною.

Иван. Станет ли, сударь, горничная раста-барывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, среди бела дня, где все люди ходят? Довольно, что и урывкою пошаливают.

Беневольский. Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света.

Иван. Как вам угодно.

Беневольский (в размышлении). Из тысячи книг собирал я познания о свете, и вдруг одна нечаянность всё превращает в ничто. O fatum! – Нет, не виню тебя, ученье! Так, догадываюсь, понимаю, я сам виноват, я читал же... как забыть? как не вспомнить? Это одно и то же положение; они хотели испытать меня: одна притворилась горничной, другая моей невестой, а я не угадал. Но – не дам им торжествовать, оборочу им же в обиду, скажу им, что я знал всё и нарочно притворялся, чтоб помучить хитрую. Эту развязку я читал, очень помню.

Иван. Еще ничего не прикажете?

Беневольский (в сторону). Этот человек мо-

жет мне послужить. Он так хорошо одет; верно, много значит в доме. Я читал, что у знатных есть слуги, которые в доме всё делают и даже управляют господами. (Громко.) Послушай, мой друг, полюби меня, делай, что я тебе скажу.

Иван. Что будет угодно?

Беневольский (дает ему деньги). Вот тебе для знакомства. Не откажись...

Иван. Кто, сударь, от денег отказывается?

Беневольский. Не откажись подать мне те сведения, что я от тебя потребую. Ты, верно, всё в доме знаешь до утонченности... все тайны тебе известны.

Иван. Виноват, сударь, я вчера только поступил сюда в услужение. Александр Петрович изволил меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу вам, что хотите; почтенная, целомудренная девица, шестидесяти лет; я у ней исправлял должность буфетчика.

Беневольский. Какое мне до нее дело? – Судьба меня преследует. Но крайней мере впредь, братец, старайся всё видеть, всё слышать, всё знать, что здесь происходит.

Иван. О! вперед, сударь, будьте уверены, всю подноготную выведаю.

Беневольский. Под завесой тайны слушай всё: где что, кто кому тихо станет шептать.

Иван. Да, сударь, коли очень тихо будут шептаться, и не услышишь.

Беневольский. Лови малейшие намеки, наблюдай за телодвижениями, за выражением лиц, из того выводи свои заключения, сшей себе тетрадку, всё записывай; вот тебе карандаш.

Явление 12

Звёздов, *Беневольский, Иван* (Звёздов вбегает в мундире).

Звёздов. Фрак! поскорее фрак! Ох! устал до смерти. – А! Иван, ты здесь! Целое утро тебя давеча искали, и говорят, ночью был бог знает где... Нет, брат, у меня своих шатунов куча, поди, откуда пришел, живи опять у своей княжны, ты мне не надобен. (*Садится перед зеркалом, задом к Беневольскому и не примечая его.*)

Иван. Да ваше превосходительство сами меня изволили услать с вечера на дачу.

Звёздов. Ты мне не надобен.

Иван. Власть ваша, а я с тех пор как воротился, один только и сидел в передней. (*Показывая на Беневольского.*) Вот извольте спросить.

Беневольский. Я действительно могу засвидетельствовать...

Звёздов (не слушая и не оборачиваясь). Чтоб его духу здесь не было. – Фрак! поскорее фрак! – А! хорошо. – Да отнести назад картины этому шельме итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; я кому ни показывал картины, все говорят – мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч. Чтоб взял назад свою дрянь хоть за половинную цену, а то подождет же денег лет десять, не у него одного есть вексель на мне. – Да отправить старосту из жениной деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка-плотник не отлынивал от оброку и внес бы 25 рублей, непременно, слышите ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан, – то рекрут для царя, а оброк для господина: так чтоб 25 рублей были наготове. Он, видно, шутит 25-ю рублями; прошу покорно, да где их сыщешь? Кто

мне их подарит? на улице, что ли, валяются? 25 рублей очень делают счет в нынешнее время, очень, очень... Говорят, всё подешевеет, а между тем всё вздорожало; так чтоб Фомка внес 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольский (подкрадывается униженно).
Ваше превосходительство...

Звёздов (вскакивая со стула). Ах! извините, откуда вы? как? с кем я имею честь говорить?

Беневольский. Моя фамилия Беневольский.

Звёздов. А чем я могу вам служить?

Беневольский. Я сюда приехал... вы изволили обещать...

Звёздов. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, всё будет исполнено. – Какая толкотня была нынче во дворце! Какая куча народу! Я ужасно устал, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйста, я человек старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вам очень рад. *(Хочет уйти.)*

Беневольский. Ваше превосходительство, верно, изволили забыть...

Звёздов. Нет, батюшка, всё помню, всё; вам

сказал, что всё будет исполнено. А между тем напишите мне в четырех строках об вашем деле, да воткните здесь к зеркалу.

Беневольский. Мне-с ничего такого не надобно...

Звёздов (в дверях). Помилуйте, батюшка, да коли вам ничего не надобно, так что ж вам надобно?

Беневольский. Я из Казани.

Звёздов (возвращаясь). Как из Казани?

Беневольский. Так точно-с. Я сейчас приехал сюда из Казани: вы там очень знакомы были с моим батюшкой, он имел хождения по вашим делам.

Звёздов. А, помню, помню... Какое было я сделал дурачество! Извини, дружище, здесь такая путаница, себя забудешь; зато и еду скорее в деревню на покой. – Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел. – Ну, здравствуй в Петербурге. Что твой делает отец? здоров ли?

Беневольский. Его уж нет на свете, он отошел к лучшей жизни.

Звёздов. Умер! Ах, какое несчастье! Давно ли? от какой болезни? какой был толстый! Да

в этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого так уморят. – Ходи ко мне почаще, мой милый, обедай, сиди здесь по целым дням, у меня народу бывает много всякого: можешь сделать знакомство. – Где ты остановился?

Беневольский. Покамест под синевой небесной. – Ваше превосходительство обещали покойному батюшке, что по приезде моем в Петербург...

Звёздов. Пристрою тебя к месту? помню, помню, не заботься, всё сделаем.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали также мне дать приют в вашем доме.

Звёздов. Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецким, тотчас отведут комнату; ничего не мудрено, дом большой, весь к твоим услугам, располагай им, как своим.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали мне также в сердце моем заместить ту пустоту, которая...

Звёздов. Что такое, батюшка? переведи пожалуй на простонародный язык. Ты, я вижу, человек ученый, говоришь всё фигурно; а я

простой человек, люблю, чтоб было всё ясно.

Беневольский. У вас воспитывается прекрасное создание.

Звёздов. А! да, да, помню: я тебе обещал Вариньку. Ну, брат, я сдержал слово, ни за кого не выдал, она еще теперь в девушках; а сватались многие, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своих слов. Всё ждал тебя.

Беневольский всё время кланяется.

1-й слуга (входит). Анна Васильевна Растварова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

Звёздов. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга (входит). Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

Звёздов. Какое дело? когда она мне говорила?

2-й слуга. Вчерашний день.

Звёздов. Всё будет исполнено; вели ей доложить, что всё будет исполнено.

3-й слуга (входит). Лев Иванович Недосугов прислал просить ваше превосходительство...

Звёздов. Чего у меня просить! Убирайся к чорту. Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что всё будет сделано, непременно всё, всё, всё.

3-й слуга. Да он сам приказал вам сказать, что он всё уж сделал по вашему делу, только просит вас к себе.

Звёздов. А!.. ну так вели благодарить: очень-де, батюшка, благодарен. Да никого ко мне не пускать; слышите ль? меня нет дома, я как уехал во дворец, так еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь ли? – Тоска в этом городе; нет, скорее в деревню от здешней суматохи. Пойдем, брат, ко мне в кабинет; я немного посплю, а ты мне расскажешь кое-что об Казани. *(Уходят оба.)*

Действие второе

Явление 1

Полюбин, Саблин.

Саблин. Говорят тебе: дай волю и не мешайся не в свое дело.

Полюбин. Как не в свое дело! чье же оно? кто же из нас хочет жениться?

Саблин. С чем приступил! верно, не я. Вот тебе рука моя, что я женюсь разве лет в шестьдесят на какой-нибудь богатой купчихе.

Полюбин. Которая заплатит долги твои, по-веса!

Саблин. Как догадлив и мил! Однако убирайся!

Полюбин. Не хочу, мне надобно самому по-видаться с Настасией Ивановной и попросить ее.

Саблин. Вздор. Звёздов узнает, что ты просил его жену, и нарочно пойдёт наперекор, а я, как брат родной, могу с ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбин. Хорош ходатай!

Саблин. Ничуть не дурен.

Полюбин. Ты всё забудешь.

Саблин. Не забуду, коли обещал.

Полюбин. Ничего не скажешь путем.

Саблин. Всё скажу лучше тебя.

Полюбин. Например, что?

Саблин. То, что ты славный малый, что Беневольский скот, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Вариньке.

Полюбин. А там?

Саблин. Чего тебе еще?

Полюбин. Нет, братец, это совсем не то; я сам поговорю, я скажу сестре твоей...

Саблин. Ну, говори.

Полюбин. Я докажу сестре твоей, что она погубит свою воспитанницу, если откажет мне. Мы друг друга любим и, верно, будем счастливы; состояние мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя дает мне право надеяться вдаль, – ты знаешь, что я заслужил несколько отличий; что же касается до счастья домашнего, и сестра твоя, к горю своему, должна знать его цену, – я уверен, что доставлю его жене моей; ты знаешь меня и скажешь сам...

Саблин. Ну да, ты славный малый.

Полюбин. С другой стороны, я постараюсь

усовестить Настасью Ивановну. Ей стыдно будет выдать Вариньку за студента, в котором нет ни ума, ни души, словом, ничего; недоченный педант, одет как шут, говорит как дурная книга, ничего не знает, думает о себе, что он осьмое чудо.

Саблин. Скот, одним словом.

Полюбин. И что они в нем нашли? Если Звёздов, как приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кроме Вариньки у него ничего нет? Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе, – и отправить с богом.

Саблин. Его надо прогнать к чорту.

Полюбин. Коль скоро его не будет здесь и Звёздов о нем забудет, я уверен, что мне не откажут, и теперь я знаю, почему...

Саблин. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что ж так смешного?

Саблин. Прямой ты шут, наговорил с три короба и сказал всё то же.

Полюбин (смеясь). В самом деле.

Саблин. Ну, прощай же.

Полюбин. Разве лучше?

Саблин. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбин. Знаешь ли что? Я пойду и поставлюсь как-нибудь поладить с Звёздовым: авось он...

Саблин. Ступай и подличай.

Полюбин. Я надеюсь, что ты хоть этот раз сделаешь дело и поговоришь благоразумнее обыкновенного; полно тебе ветренничать.

Саблин. Полно тебе проповедовать, надоел; ступай: вот и сестра.

Явление 2

Звёздова, Саблин.

Звёздова. Куда же Полюбин убежал? Мне сказали, что он хочет со мной поговорить. Я насилу отделалась от хлопот: ведь мы сегодня переезжаем, пришла будто за делом, а он исчез.

Саблин. Я его заслал в кабинет растабарывать и всё тебе за него скажу. Да наперед растолкуй мне, что с тобой сделалось?

Звёздова. Со мной ничего не сделалось.

Саблин. Помилуй, матушка: ты мне век свой читаешь проповеди за всё про всё, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дожидаться не мог.

Звёздова. Я вчера поздно приехала, часу в четвертом; у княжны Дарьи Савишны на даче был детский бал.

Саблин. Ты что за дитя?

Звёздова. Нельзя же не ехать, если зовут.

Саблин. Слыханное ли дело! и ты тут же с ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звёздова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные. Со стороны смотреть и смешно и стыдно: приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же и уедет. И как ему остаться: он зван еще в три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсем не ехать, если только за тем же; другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за крепе, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят в игре, кричат во всё горло или, что еще хуже, при людях шепчутся. Хозяйка хочет занять гостей, музыканты целый час играют по-пустому, никто и не встает: тот не танцует, у того нога болит, а всё вздор; наконец иного упросят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале – и устал

до ужина; тут, правда, усталых нет; наедятся, напьются и уедут спать.

Саблин. А я тебе коротко скажу, что кроме ужина нет ничего хорошего ни на одном бале; я их терпеть не могу еще с десяти лет: как дядюшка заставлял меня насильно прыгать со всеми уродами.

Звёздова. Боже мой! как вы разборчивы!

Саблин. Нет, вы не разбираете... Ты ведь никому не отказывала: подослал бы я к тебе какого-нибудь Евлампия Аристарховича, да... Кстати, что вы с ума сошли с мужем вдвоем? неужели вы в самом деле хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звёздова. Я вовсе не хочу, да Александр Петрович обещал его отцу.

Саблин. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебе напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вас в доме не будет. Это срам сравнивать честного человека, каков Полюбин, с Евлампом Аристарховичем.

Звёздова. Я бы рада всей душой...

Саблин. Это будет курам на смех.

Звёздова. Я, право, не знаю, что делать.

Саблин. Хочешь ли, я дело сделаю? Скажу просто этому студенту, чтоб он со своей кибиткой, с чемоданом и с лиловым фраком убирался вон, пока без греха.

Звёздова. Хуже этого нельзя придумать: Александр Петрович рассердится, и тогда его никак не уговоришь.

Саблин. Пусть его сердится, что мне за дело?

Звёздова. Тебе ничего, но Вариньке тогда не бывать за Полюбиным. А я не хочу заводить шуму в доме. Я придумала гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольского и так напугаю моего мужа приятным обществом казанского студента, что тогда он на всё согласится.

Явление 3

Звёздова, Саблин, Беневольский.

Беневольский. Что я вижу! tete-a-tete!

Саблин. Выдумка хороша.

Беневольский. Выдумка!

Саблин. И ты думаешь, что твой муж не догадается?

Беневольский. Муж! и ты! Это так, точно так.

Звёздова. Мы постараемся от него скрыть.

Беневольский. O tempora! o mores![6]

Саблин. Смотри же, надеюсь на твое обещание.

Беневольский. Мармонтель, ты прав! вот свет!

Звёздова. Ты можешь быть во мне уверен.

Беневольский. Надобно воспользоваться открытием. Я столько читал об этих вещах...

Саблин. Как я тебя люблю за это!

Беневольский. Он любим; всё ясно, вот причина ее равнодушия, когда сегодня утром...

Саблин (приметив Беневольского, Звёздовой). Смотри, пожалуй, оглянись.

Звёздова. Уж не слыхал ли он? *(Шепчется с Саблиным.)*

Беневольский. Они меня заметили. Нечего делать: успокою их, сделаюсь их поверенным, наперсником; они за то постараются о моей женитьбе. Благодарность...

Саблин (Звёздовой). Э! что за беда?

Беневольский (Звёздовой). Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставил меня вам помешать.

Саблин. Догадался, батюшка!

Беневольский. Но поверьте, что я знаю свет, и моя скромность...

Саблин. Что тут скромничать?

Беневольский. Времена патриархальные были почтенны, но они были.

Звёздова. Что вы хотите сказать?

Беневольский. С успехами просвещения, с развитием людкости всё пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна.

Звёздова. Я вас прошу, сударь, объяснить мне, что вы хотите сказать?

Беневольский. Я проник вашу тайну, но я сам имею сердце; законы вас осуждают, но какой закон святее любви?

Звёздова. Если б это я слышала от другого... но на вас я не должна и не могу сердиться. *(Уходит.)*

Явление 4

Саблин, Беневольский.

Саблин. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольский. Вы меня поняли, довольно.

Саблин. Я человек военный и, к стыду мое-

му признаюсь, в стихах ничего не понимаю.

Беневольский. Он думает, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблин (в сторону). Дурак меня взбесит. *(Беневольскому.)* Нельзя ли, шутки в сторону, сказать мне просто, что вы ей такое сказали?

Беневольский. Поверьте, слова мои были столько же невинны, как и мое намерение.

Саблин. За что же она как будто рассердилась?

Беневольский. Или вы не знаете женщин?

Саблин. Знаю или не знаю, это не ваше дело. Я спрашиваю, чем вы ее рассердили?

Беневольский. Может быть, ей показалось неприятно, что незнакомец узнал то, что она хотела бы скрыть от всех, от самой себя. Она слаба, но добродетельна. Мне даже жаль, что это случилось. В наше время как быть иначе. Одна ли взаимность располагает сердцами? Родители жертвуют судьбой детей своему корыстолюбию, выдают молодую девушку за человека знатного и богатого, но старого и немилостивого, в оковы супружества вплетает она розы любви, ищет друга и счастлива, если найдет достойного.

Саблин. Как вы смеете думать о почтенной женщине?

Беневольский. Помилуйте, разве маркиза дю-Шателе не была другом Вольтера, разве Жан-Жак?..

Саблин. Знаете ли вы, господин студент, что вы мне надоели до смерти? Я слушал ваш вздор целый час и думал, авось уйметесь; но вижу, что молчать, то хуже, и теперь скажу вам наотрез: вы целый час бредили как во сне и только помешали мне с сестрой об деле говорить.

Беневольский. Ваша сестрица! Нет, скажите, вы не шутите?

Саблин. Стану я с ним шутить.

Беневольский. Сделайте милость, извините. (*В сторону.*) Ну, в чем я виноват?

Саблин. Мне, батюшка, ваши извинения, право, не нужны.

Беневольский. Я пойду к вашей сестрице и оправдаюсь перед ней...

Саблин. Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вам говорю, оставьте ее в покое.

Беневольский. Она может подумать обо мне...

Саблин. Она об вас и думать не хочет.

Беневольский. Я надеюсь, что вы никому не скажете.

Саблин. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вот и все.

Явление 5

З*вёздов, Звёздова, Варинька, Полюбин, Саблин, Беневольский.*

Звёздова. Не ездите, Александр Петрович, оставайтесь с нами.

Звёздов. Э, матушка, и рад бы остаться, да нельзя: дел берем, а на кого положиться? всё сам ездите да хлопотите.

Звёздова. И дома дела не меньше, ничто не устроено.

Звёздов. Ну, матушка, сама потрудись, не всё же мне одному. В старину, право, живали лучше нашего, а хозяйка сама всем домом заведывала и не ходила к мужу за всякой дрянью.

Звёздова. Ты сам запретил, чтоб без тебя ничего не делали.

Звёздов. Поневоле запретишь, как никто ни за что взяться не умеет. Да что я заговорился? женщин не переспоришь, потерянный

труд и время. – Не правда ли, Полюбин?

Полюбин. Я с вами согласен, с ними спорить не должно.

Звёздова. Давно ли вы против нас?

Варинька (тихо Звёздовой). Не мешайте ему.

Саблин (тихо Звёздовой). Из чего вступилась?

Звёздов. Что вы там все плечьями пожимаете? Вам досадно, что он со мной согласен, а он прав, совершенно прав. Мы с ним целый час разговаривали обо всем, и он обо многом так судит, как нельзя лучше.

Полюбин. Я только придерживался вашего мнения.

Звёздов. Нет, не в том сила; а что дело, то дело. Который час?

Полюбин. Третий в начале.

Звёздов. Ну вот, а я еще никуда не поспел. – Кто там! готова ли карета?

Слуга (входит). Подана уж, у крыльца-с.

Звёздов. Ну, тотчас; что ты торопишь? – Прошу покорно пятнадцать мест объездить: тетка хочет определить бедняка в корпус – надобно просить директора; Взяткин векселя

не переписывает за то, что я ему за год не отдал процентов. Дерет кожу, проценты безбожные, да я еще их стану платить! – пусть припишет. Итальянец – плут надавал дрянных картин, я впотьмах не разглядел, всё копии, и назад не берет; а я нарочно взял на уговоре отдать за половинную цену, если не понравятся: всё же лучше. – А визитов на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки все вышли, куплю мимоездом... Скука смертная в свете жить! И что это все на меня навязались? чего они хотят? – Однако прощайте, пора.

Беневольский. Ваше превосходительство...

Звёздов. А! любезный, что ты в углу притаился? каково дела идут?

Беневольский. Ваше превосходительство, я надеюсь на вас, не изволите ли заехать и обо мне...

Звёздов. Будь уверен, всё сделается. (*К прочим, кланяясь.*) До свиданья, господа.

Беневольский. Если б вы позволили поговорить...

Звёздов. Поговорю... Да что я! чуть не забыл: я уж говорил одному человеку, он обещался прийти ужо, так вы с ним и перемол-

вите. (Кличет.) Человек! если без меня придет Прохоров, доложить тотчас. (Показывает на Беневольского.) Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-с.

Беневольский. Но позвольте узнать, с кем?..

Звёздов. Ты его разве не знаешь? Прохоров? его все знают. Человек очень умный, со всеми авторами знаком, славный человек, вот сам увидишь.

Беневольский. Но, ваше превосходительство...

Звёздов. Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успеем, время не ушло, всё будет. – Да я еще тебя и домашним своим не отрекомендовал, голова кружится от забот. Вот жена моя; прошу любить и жаловать.

Звёздова. Твой гость меня давно знает и любит.

Звёздов. Что за вздор! разве ты с ним виделась?

Звёздова. Он меня видел всегда и везде.

Звёздов. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звёздова. Он на мне жениться хочет.

Звёздов. Как, на тебе жениться!

Звёздова. Он во мне узнал свою невесту, открылся в любви и так хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звёздов (помирая со смеху). Ха, ха, ха, Евлампий Аристархович! Что это на тебя выдумывают? – Неужели в самом деле?.. *(Общий смех.)*

Беневольский. Позвольте изъяснить...

Звёздов (хохочет). Извини, милый, я с природы смешлив... И что ты против меня затеял? ха! ха! ха! легко ли бедному мужу? ха! ха! ха!

Беневольский. Смею уверить...

Звёздов. Верю, верю, что за беда? Не смотри на них, пусть себе смеются, ошибка в грех не ставится. Чтоб в другой раз то же не случилось, – вот твоя невеста. *(Подводит его к Вариньке.)* Знакомьтесь, как бы ни в чем не бывало.

Варинька. Мы тоже знакомы и очень коротко; господин Беневольский меня иначе не зовет, как милая.

Звёздов. Вот еще! какой бойкий! – Однако я уж ничего не понимаю, в пень стал да и только. *(Звёздовой.)* Тебе он изъяснялся в любви?

Звёздова. В любви.

Звёздов (Вариньке). А тебе говорил: милая?

Варинька. Милая.

Звёздов (Беневольскому). Как же это, любезный? растолкуй, ради бога, в кого ты влюблен? на ком хочешь жениться? неужели на обеих? *(Продолжает смеяться.)*

Варинька. Он не захочет жениться на служанке.

Звёздов. На служанке!

Варинька. Да, меня он счел за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звёздов. Ну, Евлампий Аристархович, от часу не легче. Этого бы я ввек не выдумал. — Да как ты, человек умный, человек ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха! *(Все смеются.)*

Беневольский. Одно слово...

Звёздов. Да взгляни, братец, похожа ли она хоть чем-нибудь на горничную?

Варинька (с досадой). Может быть, в глазах господина Беневольского я и в самом деле на это похожа.

Звёздов (Вариньке). Ну, вот и сердится. Как тебе не стыдно! ты бы смеялась этому.

Варинька. Хорошо вам смеяться.

Звёздов. Будто я смеюсь! – Полноте, господа, я вижу, что вы все сговорились против одного, и меня, старика, засмешили. Вот нынче свет каков! рады придраться ко всему, чтоб на чужой счет позабавиться, а, право, не хорошо.

Полюбин. Нельзя с вами не согласиться.

Звёздов. И зачем было рассказывать? к чему мне это знать? женщины не утерпят, если что смешно.

Звёздова. Кажется, ты смеялся больше всех.

Звёздов. Поневоле, когда все хохочут.

Варинька. Я и не улыбнулась.

Звёздов. Ведь ты здесь не одна: вот, например, первый мой шурин любезный, – ему уж не житье, а масляница.

Саблин (в сторону). Несносный человек! сам затевает, а складывает на других.

Звёздов (Саблину). Не сердись, милый, у всякого свой нрав: я насмешек терпеть не могу, а ты охотник. Скажи по совести, многим ли сегодня расскажешь? я чай, ни встречному, ни поперечному спуску не будет, всем проблаговестишь.

Саблин. Вы очень ошиблись, я даже вам не расскажу ничего, что еще знаю о вашем..
приятеле.

Звёздов. А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольский (Саблину). Будьте скромны.

Саблин (Беневольскому). Теперь уж верно не скажу. *(В сторону.)* Звёздов как на огне горит.

Звёздов. Что уж греха таить? Евлампий Аристархович, признавайся.

Саблин. Зачем вам это знать?

Звёздов. Зачем! так, хочется, право; если ты что знаешь, и мне сказать можно, я уж, верно, поскромнее тебя.

Саблин. Бог весть.

Звёздов. Без шуток, что еще?

Звёздова. И я знаю...

Беневольский (Звёздовой). Ради бога!

Звёздова. Но тоже не скажу, чтоб ты не укорял беспрестанно женщин в болтливости.

Звёздов. Коли раз начала, зачем после скромничать?

Звёздова. Ты насмешек терпеть не можешь.

Звёздов (с досадой). А всё мой шурин доро-

гой, всё он; изволил рассердиться, что я ему шутя правду сказал, и вышло по пословице: говорить правду – терять дружбу. Только в этом, брат, извини, я на правду чорт, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будет труда довольно, никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать. – Не так ли, Полюбин?

Полюбин. Ваши слова могут служить наставленьем.

Звёздов (Саблину). Видишь ли, милый? и друг твой так же думает. Правда, он гораздо порассудительнее тебя. – Стало, ты не скажешь?

Саблин. Не скажу.

Звёздов (Звёздовой). А ты?

Звёздова. Не скажу.

Звёздов. Дети вы оба: и брат и сестра. Они, право, думают, что мне очень жаль будет, если я не узнаю; а я и знать не хотел. – Беневольский! ты тоже не скажешь, разумеется?

Беневольский. Я прошу вас...

Звёздов. Бог с тобой, братец, твоя воля; бе-

ды нет, а не хочешь, как хочешь. Мне же ехать пора, и то заговорился. Который час?

Полюбин. Без четверти три.

Звёздov. Ну куда же я поспею? всюду опоздал: а кто виноват? всё вы с пустыми рассказами, да еще и недоговаривают.

Звёздov а. Ты, стало быть, остаешься дома?

Звёздov. Нечего делать, а нужда крайняя была. Пойду хоть к себе, напишу письмо по делу к прокурору; я было и то забыл.

Звёздova. Так мы пойдем в сад до обеда. А гостя своего взял бы ты с собой, он бы помог тебе написать получше; ты же сам признаешься, что на это ленив.

Звёздov (в сторону). Она к нему что-то благоволит. Как ни говори, а женщине любовное признание, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька (Звёздovu). Господин Беневольский, может быть, сам откроет вам наедине то, чего другие не хотят говорить.

Звёздov (в сторону). А Варинька его сживает с рук. Сделаю же обеим назло. *(Звёздовой.)* Нет, матушка, я не хочу приезжего гостя беспокоить своими делами, как-нибудь сам справлюсь. Ему надобно познакомиться с

невестой, так вот мы так и сделаем: вы себе гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а их мы оставим вдвоем, пусть попривыкнут друг к дружке.

Варинька (Полюбину). Ради бога! не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком. *(Она садится с досадой в стороне. Звёздова, Саблин и Полюбин уходят. Звёздов, смотря на них, улыбается.)*

Явление 6

Звёздов, Варинька, Беневольский.

Звёздов (подходя к Беневольскому). Что ты, братец, не весел? чем огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вот и всё.

Беневольский. Однако, ваше превосходительство...

Звёздов. Да, да, да, всё неприятно, правда, я этого сам не люблю. Ты видел, как я за тебя заступился? Все перестали: у меня чтоб этого не было, у меня кто гость, тот гость, кто друг, тот друг, а ты у меня первый.

Беневольский. Вы слишком изволите...

Звёздов. Первый, я тебе говорю: уж коли я тебя, а не другого женю на Вариньке, стало,

всё тут. (Беневольский кланяется.)

Явление 7

Те же и Федька.

Федька (Беневольскому). Поговорите же, сударь, поскорее, а то вашу повозку совсем угонят.

Звёздов. С чем он пришел?

Беневольский. Я не смею сказать...

Звёздов (Федьке). Говори, братец, говори, что тебе надобно?

Федька. А вот сами видите изволите, ваше превосходительство, что случилась оказия.

Звёздов. Смелее говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла с приезде на улице, так по той самой причине ее и гонят.

Звёздов. Как гонят! кто гонят? куда гонят?

Федька. Да вот... как их?.. Господь знает, бутешники, что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться.

Звёздов. Ну, брат, я не полицеймейстер, это не мое дело.

Беневольский. Если бы вы приказали назначить мне небольшой приют...

Федька. Кабы милость была повозку хоть на двор, а для пожитков чулан опростать.

Звёздов. Как! что это я слышу? разве еще ни комнаты, ни сарая, ничего вам не отведено?

Беневольский. Еще нет.

Звёздов. Э, братец! что ж ты давно не скажешь? возьми комнату, две, что хочешь.

Беневольский. Но где?

Звёздов. Где хочешь, любую. – Это твой, что ли, человек?

Федька. Ихний-с. *(Во всё время разговора Звёздова с Федькой Беневольский ухаживает за Варинькой, которая от него отворачивается.)*

Звёздов. Сходи же, приятель; ты знаешь здесь Штукарева?

Федька. Как не знать-с.

Звёздов. Скажи ему от меня, чтоб он вам сейчас отвел, что надобно, да комнату бы выбрал где получше; слышишь, я-де приказал.

Федька. Я к нему уж и толкнулся было, изволите видеть; да смею доложить, он не дает.

Звёздов. Какой вздор! не дает! – даст, коли я приказываю.

Федька. Смею доложить, он говорит так: что, мол, у нас все-де покои теперь заняты, а пустопорожних не имеется.

Звёздов. Врет он; как не быть пустой комнаты? верно есть. Скажи ему, что он врет.

Федька. Слушаю-с. Да смею доложить, коли он опосле комнаты всё не отведет, а повозку, не в гнев милости вашей... то бишь вашего превосходительства, стонят на съезжую.

Звёздов. Не угонят из моего дома. Делай, что тебе говорят, и не бойся ничего.

Федька. Смею доложить...

Звёздов. Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не дают тебе, что ли, комнаты?

Федька. Так истинно, что не дают-с.

Звёздов. Позови сюда Штукарева; его, кажется, дома нет.

Федька. Никак нет-с, он дома, я его как раз кликну.

Звёздов. Постой! не бегай! ну, что его звать? всё то же. *(В сторону.)* Как быть, чем бы отвязаться? *(Громко.)* Беневольский! да ты, брат, уж и приволакиваешься, а по мне твой... *(указывая на Федьку)* как его?..

Федька. Федор Емельянов, смею доложить.

Звёздов. Ну вот, он с ножом к горлу пристал, а всё за тебя.

Беневольский. Простодушное усердие...

Звёздов. А я не знаю, что делать. Теперь я вспомнил, комнаты у нас теперь, точно, ни одной нет, разве вот эту возьмешь.

Беневольский. Но как же в зале, где все ходят?

Звёздов. Никого не пускай, да и только. Ведь у тебя есть чемодан, сундук, что-нибудь такое?

Федька. Чемодан с бельем-с и сундук с книгами-с.

Звёздов. Ну вот, чего тебе лучше? и загородись со всех сторон, никто не войдет. – Доволен ли теперь? всё сделано? прощай, пойду письмо писать. *(Уходит.)*

Федька *(Беневольскому).* Прикажете, что ли, нести пожитки?

Беневольский *(Федьке).* Внеси в переднюю да подожди, я тебя позову, когда следует; видишь, здесь люди. *(Федька уходит.)*

Явление 8

Беневольский, Варинька.

Беневольский. Давно сердце мое билось

желанием изъяснить вам, как единственной своей владычице...

Варинька. Я удивляюсь, как вы можете со мной говорить!

Беневольский. Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!

Варинька (в сторону). Что это Полюбин нейдет!

Беневольский. Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи... *(Полюбин входит.)*

Варинька (увидя Полюбина). Я ни слушать вас, ни говорить с вами не намерена. Вот кто вам за меня всё скажет. *(Уходит.)*

Явление 9

Беневольский, Полюбин.

Полюбин. Я намерен вам сказать два слова.

Беневольский. Два слова! и в них заключаются всё мое блаженство! слова красноречивые! слова бесценные! говорите, прошу вас, говорите.

Полюбин. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольский. Ах! кто может видеть и не

любить ее!

Полюбин. И так как я сам ее люблю...

Беневольский. И вы ее любите! Вы, конечно, ее брат или друг с младенчества: полюбите же и счастливица, кому суждена рука ее, обоймите его, как друга, как брата...

Полюбин. Потихе, господин Беневольский, не горячитесь. Варвара Николаевна с первого разу, как вас увидела...

Беневольский. Предалась чувству симпатии, которое от мест отдаленных невольно увлекало нас друг к другу?..

Полюбин. Напротив, она вас терпеть не может.

Беневольский. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что вы смеетесь без пути?

Беневольский. Кто вам сказал, что она меня терпеть не может?

Полюбин. Она сама.

Беневольский. Она! и просила вас мне это сказать?

Полюбин. Да, она поручила мне поговорить с вами, и я...

Беневольский. Не трудитесь понапрасну, я давно всё знаю, всё понял.

Полюбин. Вы ничего не понимаете.

Беневольский. Всё, я говорю вам, всё; вот в чем дело...

Полюбин. Совсем нет, дайте мне сказать одно слово.

Беневольский. Нет, позвольте уж мне наперед, и вы согласитесь, что я всё знаю.

Полюбин (в сторону). Что делать с дураком, который свое несет?

Беневольский. Вот извольте видеть: Варинька...

Полюбин. Прошу вас: Варвара Николаевна.

Беневольский. Помилуйте, не всё ли равно? мы можем...

Полюбин. Вы никак не можете.

Беневольский. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна, – слышала, как я при ней изъяснялся в любви ее превосходительству...

Полюбин. Что ж вы твердите о своих проказах? их без того все знают.

Беневольский. Как вы это назвали?

Полюбин. Проказы.

Беневольский. Вы сказали точно так, как оно и есть, и увидите почему. – Ей, напротив, не говорил я ни слова о любви, обошелся с

нею, как со служанкою...

Полюбин. Какая дерзость!

Беневольский. Терпенье, прошу вас, терпенье. Всё это вместе должно было поразить сердце юное, нежное, едва начинающее любить; она на меня рассердилась и, верно, называет меня чудовищем...

Полюбин. Уродом.

Беневольский. Так должно быть, я это всё знаю. Вы видите ли теперь, что вам нечего было мне говорить?

Полюбин. С вами точно говорить напрасно.

Беневольский. Итак, слушайте: я догадался, что они нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманут; но меня обмануть трудно, я всё заметил и внутренне смеялся, смотря на смущение одной и досаду другой. – Вам самим смешно?

Полюбин. Вы имеете дар всякого рассмешить.

Беневольский. Но сделайте одолжение, выведите ее из заблужденья; я ее довольно помучил, пора перестать, не правда ли?

Полюбин. Давно пора. *(В сторону.)* С ним говорить нечего.

Явление 10

Те же и *Саблин*.

(Во время разговора Саблина с Полюбиным Беневольский отворяет дверь. Федька вносит пожитки, они расставляют их по местам.)

Саблин (Полюбину). А, ты здесь! а там по тебе стосковались. Уж я сжалился да пришел за тобой. Ты с приятелем о стихах, что ли, толкуешь?

Полюбин. Какие, братец, стихи! я целые полчаса бьюсь с ним понапрасну, хочу ему сказать, чтоб он Вариньку оставил в покое, если не хочет, чтоб я его самого обеспокоил.

Саблин. Ну что ж он? когда вы деретесь? я секундант, что ли?

Полюбин. Чего, братец! он ни слова не понимает либо не хочет понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблин. Я? Нет, брат, я стихами говорить не мастер. – Да что ты к нему приступил, из чего бьешься? разве тебе честь будет убить студента? Оставь это и положиись во всем на Настасью Ивановну.

Полюбин. Пожалуй; мне, право, его смерти

не хочется.

Саблин. Ступай же туда, тебя ждут к обеду.

Полюбин. А ты?

Саблин. Нет, я иду в ресторацию: Звёздов мне надоел, как собака.

Полюбин. Уведи с собой Беневольского, если можно.

Саблин. Хорошо.

Полюбин. Прощай. *(Уходит.)*

Явление 11

Беневольский, Саблин.

Беневольский (любуясь на пожитки).

*О Лары и Пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златом не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Где я на новосельи
Вас мирно тут и там
Расставил по местам.*

Саблин. Полно возиться с чемоданом, хорошо и так. Скажи мне, где ты обедаешь сегодня?

Беневольский. Я думал, что здесь.

Саблин. Нет, что здесь? скука: Звёздов еще

пустится хохотать да расспрашивать.

Беневольский. Это правда; но где же?

Саблин. Душа моя, мы, кажется, в Петербурге, – здесь рестораций тьма; жаль только, что все никуда не годятся. Всё же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольский. Кто не любит его? О, всемогущее вино! веселие героя!

Саблин. Мы с тобой хоть не герои, а выпьем по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольский. Нет, уж позвольте мне: я столько виноват, что хоть чем-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблин. С уговором: ни об ней, ни об стихах не говорить ни слова.

Беневольский. Ни слова.

*И стукнем в чашу чашей,
И выпьем всё до дна:
Будь верной дружбе нашей
Дань первого вина.*

(Уходят вместе.)

Действие третье

Явление 1

Звёздова, Варинька, Полюбин.

Варинька. Насилу отобедали. Я как на иголках была во весь стол. Александр Петрович нарочно всё хвалил своего несносного студента, а сам, верно, иначе думает; так только, чтоб огорчить других, знает, как это всем противно.

Звёздова. Всё бы ничего, да как быть таким ветреником в пятьдесят лет: теперь вдруг без всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послал за подорожной, за лошадьми, скачет в деревню бог знает зачем.

Полюбин. Неужели это ему сегодня только пришло в голову?

Звёздова. Нет, он и прежде говорил, да нерешительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, так через два-три года или никогда, как все другие его замыслы; у него их тысяча. – Любя вас, меня его отъезд не очень огорчает. Без него Беневольского можно будет уговорить, достать ему место где-нибудь в дальнем университете, отправить его туда, и

даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька. Ах, как бы счастливо! Какие вы добрые!

Звёздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себе. Муж мой едет в деревню, а я с чем здесь останусь? в доме расстройка ужасная, денег нет, всем должны, всё по его милости.

Полюбин. Ах, сударыня, пусть он едет, и позвольте мне быть вам полезным.

Звёздова. Я в вас всегда была уверена, Полюбин. Итак, вашему попечению препоручаю себя, мое хозяйство и всех домашних. Между ними есть кое-кто, об ком вы и без того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы как-нибудь сделать, чтоб муж мой сам собою захотел Вариньку за вас выдать? Сперва я хотела было напугать его тем, чтоб Беневольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится.

Полюбин. Теперь я никак не смею надеяться.

Звёздова. Есть способ очень простой: уверить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы уж больше не хотите, и Варинька не хочет,

вот три причины, чтобы ему того захотеть. Вам известно, что он любит делать всё по-своему.

Полюбин. Но не всегда ему удастся.

Звёздова. Со мною всегда: есть ли кто меня стоворчивее? Теперь только в первый раз желаю поставить на своем, пускаюсь на тонкости, и то, чтоб составить ваше счастье. – Однако ведь он в состоянии уехать не простившись. Пойду, посмотрю; дождитесь меня здесь. *(Уходит.)*

Явление 2

Варинька и Полюбин.

Полюбин. Когда бы она успела!.. Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, может быть, я не умна, а ручаюсь, что век свой проживу без хитростей.

Полюбин. Не ручайтесь, все так говорят до замужества. Впрочем, вы на других не похожи. – И надобно отдать справедливость, вас воспитала женщина редкая; какой пример! на ее месте всякая другая с меньшим умом и с большим лукавством делала бы из своего му-

жа, что хотела, а она пять лет замужем и в первый раз намерена поступать с ним нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька. В первый! Вольно ей говорить, – в сотый раз! Да какое нам дело? лишь бы теперь ей удалось.

Явление 3

Те же и Звёздова.

Звёздова. Он внизу, торопится, распоряжается, велит укладываться. Я послала его звать сюда. – Вы не будете при нашем разговоре; однако, Полюбин, не уезжайте: вам надо же знать, чем это кончится. Да если Беневольский придет, нельзя ли брату поручить, чтоб он его опять увел куда-нибудь: без него всё ловчее может обделаться.

Полюбин. Не беспокойтесь: братец ваш с ним, так не скоро воротятся.

Варинька. Ах! как я стану дрожать, пока вы будете за нас стараться. Дай бог, чтоб вам удалось! боюсь до смерти. *(Звёздова ее целует.)* Пойдемте, пойдемте. *(Уводит с собою Полюбина.)*

Явление 4

Звёздова (одна). Боится, что я не успею; я никак не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой муж, например, дожил до пятидесяти лет и, кажется, насмотрелся, наслышался всего того, что обыкновенно говорят насчет лукавства нашего пола, сам поминутно о нем твердит и никак от него не отделается, когда надобно. Он еще должен образ мой выменять, что я так бережно на это отваживаюсь.

Явление 5

Звёздова, **Звёздов**.

(Он вбегает через боковую дверь и чуть не падает, наткнувшись на сундук и чемодан Беневольского.)

Звёздов. Ох! чорт возьми! лоб было расшиб! Люди! люди! (Входит слуга.) Есть ли в вас смысл человеческий? что вы за беспутные? про что вас держат в доме, такую ораву? подлый народ! зачем эта дрянь тут стоит?

Слуга. Ваше превосходительство сами приказали тут поставить; это добро Евлампия Аристарховича Беневольского.

Звёздов. Провались ты и со своим дураком Аристарховичем! зачем перед дверью?

Слуга. Вы приказали никому в нее не хо-

дить.

Звёздов. Я! чего? когда? все на меня, как на мертвого, клепают. Отставь это к стороне да пошел вон.

Слуга, исполнив приказание, уходит.

Звёздова. И что за мысль поселить этого студента в зале, где все ходят?

Звёздов. А зачем тут ходить? разве мало других комнат?

Звёздова. Да вот ты первый взошел.

Звёздов. Ты же позвала. Тебе всегда до меня дело, когда у меня другие дела. Ну, что надобно?

Звёздова. А вот что. Неужли ты в самом деле отправляешься в деревню?

Звёздов. Неужли!.. Сейчас лошадей приведут.

Звёздова. А я здесь остаюсь?

Звёздов. Здесь.

Звёздов а. Как же я останусь?

Звёздов. Так же, как останешься.

Звёздова. С чем?

Звёздов. Как с чем?

Звёздова. Да у меня ничего нет.

Звёздов. Как ничего? всё есть.

Звёздова. Ничего.

Звёздов. Всё.

Звёздова. Ах, бог мой! ничего, говорят тебе.

Звёздов. Да чего ничего? например?

Звёздова. Первое, у меня нет денег.

Звёздов. У тебя нет, у других есть, можно занять.

Звёздова. Коли дадут.

Звёздов. Еще мы, кажется, не совсем обеднели, в состоянии заплатить.

Звёздова. Ты платить в состоянии, да не платишь, — оттого мало верят. Впрочем, это еще не всё; у меня на руках остается твой Беневольский: что мне с ним делать?

Звёздов. А вот еще стану я много об нем думать! Дурак этакой! ставит свои сундуки перед дверьми; тоги гляди рассержусь, велю всё на двор выкинуть.

Звёздова (в сторону). Счастливая минута! он на него сердит. *(Громко.)* Знаешь ли что? перед твоим отъездом выдадим Вариньку за муж.

Звёздов. За кого?

Звёздова. За Беневольского, разумеется.

Звёздов. Как, разумеется? я думал, что ты

этого не хотела.

Звёздова. Я не хотела прежде, мне казалось, что это Вариньке противно.

Звёздов. Так, стало, Варинька не против этого?

Звёздова. Нисколько: назло Полюбину.

Звёздов. Отчего же назло ему?

Звёздова. Разве ты не знаешь, что он женится?

Звёздов. Откуда мне знать?

Звёздова. Да, намерен жениться на другой с тех пор, как заметил, что здесь в доме ищет понапрасну.

Звёздов. Почему понапрасну? ведь еще он не сватался настоящим образом.

Звёздова. Избегал явного отказа, который немудрено было ему предвидеть: ты при нем Вариньку обещал другому; а впрочем, видно, он не очень был влюблен.

Звёздов. На ком же он женится?

Звёздова. Как, бишь, ее?

Звёздов (в сторону). Что за бестолочь! сейчас я шел коридором, а Полюбин у Вариньки руку целует.

Звёздова. Варинька очень умно рассужда-

ет: коли Беневольский смешон и очень смешон, так это не беда, его можно будет исправить.

Звёздов (в сторону). Да зачем же она дает Полюбину руку целовать?

Звёздова. Для молодой девушки главное выйти замуж, а там, если муж только странный, а не совсем дурак, ее дело иным его странностям снисходить, насчет других стараться вразумить его.

Звёздов (в сторону). Тут есть какие-нибудь плутни.

Звёздова. Притом страстное желание отплатить Полюбину, показать, что она им больше не дорожит, всё это вовсе переменило ее мысли.

Звёздов (в сторону). Плутни, чистые плутни; да к чему бы это?

Звёздова. Я с моей стороны страх рада, за кого бы она ни вышла: надзор над семнадцатилетней девушкой очень трудная обязанность.

Звёздов (в сторону). Из чего она бьется?

Звёздова (в сторону). Ничего не отвечает, верно, раздумал. *(Громко.)* Право, Александр

Петрович, послушайся меня хоть раз в жизни, погоди ездить в деревню, и выдадим Вариньку за Беневольского.

*Звёзд*ов (в сторону). А! а! насилу-то понял: не хочет, чтоб я ехал в деревню, и выдумывает разные тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа. (Громко.) Стало, ты хочешь, чтоб Варинька вышла за этого студента?

Звёздова. Очень хочу.

*Звёзд*ов. И она тоже?

Звёздова. Тоже.

*Звёзд*ов. А Полюбин женится на другой?

Звёздова. На другой.

*Звёзд*ов. Жаль, очень жаль.

Звёздова. Что?

*Звёзд*ов. Беневольский этот не по мне. Как Полюбина с ним сравнить? – я бы охотно передумал.

Звёздова (в сторону). Попался.

*Звёзд*ов. Ну, да если нельзя иначе, так пусть останется все по-прежнему.

Звёздова. Как?

*Звёзд*ов. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, об которой он перестал думать.

Звёздова. Но ведь он больше от того перестал думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звёздов. Нет, нет, ты очень умно делаешь, что советуешь Вариньку выдать за Беневольского.

Звёздова. Мне, право, всё равно, за кого бы она ни вышла, ведь не я замуж выхожу.

Звёздов. Нет, против этого нечего спорить; Беневольский, конечно, шут, ни на что не похож, безалаберная голова; ну да если муж только странен, а не совсем дурак... как, бишь, ты говорила? точно дело. Пусть он женится на Вариньке: быть по-твоему. Человек! человек! *(Слуга входит.)* Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здесь. *(Слуга уходит.)*

Звёздова. Зачем?

Звёздов. Вариньке объявить, чтоб она была готова нынешний же день к свадьбе.

Звёздова. Помилуй, ведь она не крепостная твоя; что за презрение ко всему роду человеческому? надо же сделать помолвку, подумать о приданом, как везде водится.

Звёздов. Ты же меня торопила.

Звёздова (в сторону). Какой сумасбродный!

(Громко.) Зачем же ты послал за Полюбиным?

Звёздов. Хочется узнать, на ком он женится. – Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотела, то и сбудется. Не говори вперед, что я люблю всё делать всем наперекор.

Звёздова (в сторону). Надо же быть такому несчастью! в первый раз отроду соглашается со мною без отговорок и на мою же беду.

Явление 6

Т*е же, Полюбин, Варинька.*

Полюбин. Вы меня звали?

Звёздов. Да, любезный; ты, говорят, женишься?

Полюбин. Я, ваше превосходительство? как вы это разумеете?

Звёздов. Ах, батюшка, да ты, я чай, знаешь, как женятся, – все на один манер. Хорошо, что ты за ум взялся, право, славно; а я ведь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорее, перед моим отъездом.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-с?

Звёздов. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ах! как вы милостивы!

Звёздов. Жаль только, что жених твой запропал. Этот повеса, шурин мой, хоть кого

так развратит, затащил его бог знает куда. Ну! да воротится, и тогда по рукам и к венцу; я вправду думал, что этому не бывать так скоро, авось ли, мол, как приеду назад из деревни; да вот Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька (Звёздовой). Ах! растолкуйте, что это значит?

Звёздов (в сторону). Какие у всех длинные лица! *(Полюбину.)* Ну, любезный, на ком же ты женишься?

Полюбин. Вы слишком жестоко шутите.

Звёздов. Бог с тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я, признаюсь, всегда полагал, что ты ищешь в Вариньке; да вот жена разуверила, говорит, что ты на какой-то другой намерен жениться. Спроси у нее.

Полюбин (Звёздовой). Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневольского ни за что не выйду.

Звёздов. Это что за новость?

Варинька. Зачем же вы сейчас сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звёздов. А разве ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что он мне

противнее смерти!

Звёздов. Кто ж вас поймет! Вот она мне сказала, что ты только и думаешь о Беневольском и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтоб отплатить вот ему. Вольно ж ей было всё это говорить. – Что? разве ты мне этого не говорила?

Звёздова. Я тебе всегда говорила и теперь повторяю, что ты несносен.

Звёздов. Прошу покорно! она же разгневалась! Сама бог знает что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволит сердиться. Ха! ха! ха! что? каков урок? хорошо? будешь помнить вперед, не станешь хитрить со мной? Нет, моя душа, молода меня проводить, я уж пятьдесят лет на свете живу, все твои умыслы тотчас смекнул. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтоб я не ездил в деревню, вот она и затеяла. Он-де, то есть я, очень желает Вариньку выдать за Беневольского, сем уверю его, что Варинька на это согласна, что Полюбин от нее отказался. Вот, мол, – как он увидит, что всё близко к тому, чего ему хочется, авось ли останется, потом дело-то продлится и вовсе,

может, не сбудется, а он покамест раздумает ехать в деревню. – Не так ли?

Звёздова (обрадовавшись). Ах! как ты догадлив!

Звёздов. Ан вышло всё напротив. Об Беневольском я и думать не хочу. Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а в деревню еду сейчас.

Полюбин и Варинька. Как счастливо!

Звёздов. Ну, любезный, я давеча как шел сюда коридором, вы меня не видали, ты у нее украдкой руку целовал.

Звёздова (в сторону). Вот что!

Звёздов (берет у Вариньки руку). Теперь дай сюда. Можешь ее целовать при всех и не советиться. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, с будущим твоим мужем, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, реже будешь промаха давать; а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. *(Жене.)* Ты что, моя душа! не сердись? а? неужели еще сердись? Дай щечку.

Звёздова. С твоей легкостью в нраве недостает одного, чтоб ты имел не более двадцати лет, – ты был бы бесценный человек.

Звёздов. О! я понимаю, что для тебя это в

ином случае гораздо было бы приятнее; ну, да что ж делать, мой ангел! Будь довольна, чем бог послал. – Однако нечего из пустого в порожнее переливать. – Готовы ли лошади?

Слуга (входит). Впряжены-с.

Звёздова. Постой! как же нам быть с Беневольским?

Варинька. Ах! не поминайте об нем.

Звёздов. Я об нем уж говорил одному, Прохорову, давеча со мной встретился. Ну! да что об нем много думать! дураки в Петербурге не бывают без места. Кабы поскорее поспеть в деревню! Шутка ли, я там не был с тех пор, как женился, и мне оттуда пишут такие небывлицы, доходов не высылают. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте без меня. Эй! коляску подавать скорее! дорожный кофак! трость! (*Уходит.*)

Явление 7

Звёздова, Варинька, Полюбин, немного погодя Федька.

Звёздова. Поедемте его провожать и, кстати, сейчас можем переехать на дачу, я почти всё туда отправила. Полюбин, вы с нами?

Федька (вбегает). Ох! прости, господи! ка-

кая тяжелая рука!

Звёздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось.

Звёздова. Кто ты таков?

Федька. Я слуга-с Евлампия Аристарховича.

Звёздова. А! кланяйся ему от меня, скажи, что я уехала на дачу за двадцать верст отсюда на всё лето. *(Уходит.)*

Варинька. И от меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста и выхожу замуж, только не за него, – скажи ему это. *(Уходит.)*

Полюбин. И от меня поклонись ему; я Полюбин и женюсь на его невесте, – можешь ему донести об этом. *(Уходит.)*

Явление 8

Федька *(один).* Эк, что поклонов! знать, мы с баринком-то у праздника! видно, ему здесь житье от господ, что мне от своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрысился! У этих больших бар, кто им первый пырь в глаза, да не вовремя, тот и виноват. Хорошо, что мой-то барин не великий господин; будет ли только исправно пла-

тить? – Ну, да что! Я ведь в Питере понавестрился: за месяц вперед, а не то прощай. Денег нет, – слуги нет, сам себе сапоги чисти!

Явление 9

Федька; Беневольский, Саблин (входят рука об руку, оба несколько шатаются; Саблин поет песню).

Федька. Видно, наши-то навеселе.

Саблин. Вот мы и у тебя в комнате. Ну что? по-твоему, каково едят у этого француза?

Беневольский. Амброзия! (*Садится в кресло и задумывается.*)

Саблин. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормил.

Федька. Вам, барин, приказано сказать...

Саблин. Поди вон, после скажешь.

Федька. Чего после, сударь! нужда прекрайняя. Ее превосходительство...

Саблин. Убирайся, знаешь куда. – Беневольский! выгони его.

Беневольский. Оставь нас.

Саблин. Кстати, там пришел с нами мальчик из ресторации, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопор и стаканов достань в буфете, да чтоб никто в доме не видал, слы-

пишь ли?

Федька. Позвольте наперед вымолвить два словца... мне приказано...

Саблин. Вон! сейчас! не то пятьсот палок! *(Выталкивает его и ложится на сундук.)* Пришли его ко мне в эскадрон, братец, я его научу послушанию. – Ну, что задумался? деньги проиграл! я бы тебе охотно помог, да, ей-богу! никогда копейки нет за душой. То уж здесь, брат, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы от них давно без мундира шатался. Да и ты что за простяк! читал, читал, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну где это видано?

Беневольский. Своенравие судьбы! ее железная рука...

Саблин. Нет, брат, разве у того, кто банк метал, лоб железный! Жаль, что не знаю довольно игры, не к чему придраться.

Беневольский. Как его имя?

Саблин. Кто его знает? я сам впервые отроду его вижу.

Беневольский. Но я по вашему приглашению зашел к нему.

Саблин. Он обедал подле той комнаты, где

мы с тобой сидели; я зачем-то вышел, он стал со мной говорить, познакомился, позвал к себе, – а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. – Хорошо живет; какая куча народу к немушла! я чай, такие же плуты, как он сам.

Беневольский. Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной...

Саблин (зевает). Полно бредить.

Беневольский. Я опять ваш, я опять с вами, мечты уединенья!

Саблин. Шутишь, брат; когда со мной, так не один. Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить.

Беневольский (вынимает бумагу и читает)

Дружись, мой друг, с мечтой...

Саблин (вырывает бумагу и кидает на пол). Брось свой вздор, и без того скучно. *(Федька входит с бутылкой и стаканами.)* А! вот оно! повеселее будет, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Федька. С горя, право, с горя; сходил неодадь, дай-де поравняюсь с господами. *(Прислоняясь к стенке, поет.)* Ах ты козлик, мой

козлик! дедюли мои! гей!

Беневольский. Шш! что ты, с ума сошел?

Саблин (трудясь за бутылкой). Экой пьяница!

Федька. А сами-то что? лежу в грязи, кричу: не брызжи.

Саблин (наливает и поет).

Vive Henri quatre!

Vive ce roi vaillant![7]

Беневольский. О! умолчите! что за охота петь французскую песню? У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали.

Саблин. Пусть они сами свою печаль поют, а я стану петь «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневольский. Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?

Саблин. Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня! Пей же, ну, без гримас!

Беневольский (с стаканом в руке). Вакх!.. тебе!

Саблин (вливает в него весь стакан). Без
росказней!

Федька. Пей, да про себя разумеи.

Саблин (выпивши). Что за бургонское! ста-
кан было проглотил.

Беневольский (сморщившись). Нектар.

Саблин. Беневольский! душа моя! выпьем
еще по стаканчику.

Беневольский. Нет, никак; я еще с обеда
отуманен этими парами.

Саблин. Беневольский! не будь хоть теперь
Беневольский: выпей, не заставляй себя про-
сить. Беневольский, знаешь? я тоже когда-то
учился по-латыни и очень помню одну посло-
вицу... стой! кажется: что у трезвого на уме,
то у пьяного на языке.

Беневольский. In vino veritas.[8]

Саблин. Ну, а ведь ты теперь не трезвый. –
Скажи мне, любишь ли ты меня?

Беневольский. Люблю.

Саблин. А я тебя не люблю, да всё равно: ты
любишь, так докажи, выпей! на! Да полно, я
не в шутку рассержусь; бери же, вот так, по-
целуй меня! стукнем!

Беневольский. Чашу в чашу.

Федька (подкрадывается). Подойду поближе хоть понюхать. (Саблин пьет, а Беневольский ловит эту минуту, чтоб вылить стакан, и попадает прямо Федьке в лицо и на платье.) Что за обливание, сударь? еще я покамест свое платье ношу, когда-то сошьете!

Саблин. Выплеснул! не выпил! Поделом не терплю я этих марателей: всякий из них, последний, презирает всех, думает, что он всех умнее, ничем не дорожит.

Беневольский. Именем дружбы...

Саблин. Плевать я хотел на твою дружбу и знать с тобой не хочу. — Поеду домой. (Смотрится в зеркало.) Раскраснелся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и так бог знает что говорят. (Уходит.)

Явление 10

Беневольский, Федька.

Беневольский (не вставая с кресел). Прозрение буйным чадам Арея! бесчувственные враги изящного! — Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закоснела она в коре невежества; но ты

имеешь душу!.. подыми! (Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол.) Слушай! (Читает.)

Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем лакеем, да, вишь, и увезли его.

Беневольский. Шш.

*Дружись, о друг, с мечтой.
Таинственный покой
Сопутствует нам с нею;
И Грация – печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
С ней будут нам сиять!*

Счастлирое вступление! эта неопределенность будущего, сумрак дальний приготавлиют сердце к тихому, сладостному мечтанью. (Федьке.) А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-с.

Беневольский. Ты врешь.

*С ней будут нам сиять,
Дни мирны ублажать
Души и чувств прельщеньем,*

Как легким сновиденьем...

(Федьке.) Понимаешь ли ты? сновиденье?

Федька. А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

Беневольский. Хочешь ты слушать или нет?

Федька. Как вы приказать изволите.

Беневольский. Так слушай же и молчи!
(Продолжает читать.)

*И мрачных мыслей сын
С мечтою не один;
Он преплывает море
Туманных бурных дум,
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют.*

(Федьке.) Скажи правду: страшно ли это?

Федька. Страшно-с.

Беневольский. Ты понял что-нибудь?

Федька. Ничего не понял-с.

Беневольский (с радостью). И этот дар возбуждать ужас самой незначущей, часто непонятной мыслию, – он неизвестен был доньше: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии. (Продолжает.)

*Ах! скоро ли приспешут
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою-услადой?*

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

Беневольский. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят. *(Продолжает.)*

*Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?*

(Федьке.) Сколько цветов поэзии! А?

Федька. Нечего сказать, что много цветов-с.

Беневольский. Цветы поэзии! Кто вас не чувствует? *(Федьке.)* Не прерывай же меня. Где, бишь, я остановился? да... «пред томным взором...».

Как чистых муз собором

*Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?*

(Федьке.) Ты зеваешь, бесчувственный?

Федька. Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлется, – еще бывало смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость...

Беневольский. Прочь со своими сравнениями, в пыли таящаяся душа! прочь, пока гнев не совсем овладел мною. *(Федька отходит, садится на сундук и засыпает. Беневольский продолжает читать.)*

*Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым
Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью, в бесконечность!
А там! – награда... вечность!*

И это я написал! это излилось из моего пера! – Федька!.. Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремленья, этого позыва души – туда! к че-

му-то высшему, неизвестному! – Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввысь из среды обыкновенности! – Рука фортуны отяготела надо мною, я проиграл мои деньги, но дары фантазии всегда при мне, они всё поправят. Вельможи, цари будут внимать строю моей лиры, и золото и почести рекою польются на певца. Но я ими не дорожу, я доволен одною славою, уделом великим.

Явление 11

Те же и Швейцар.

Швейцар. Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Беневольский. Что такое?

Швейцар. Скоро ли вы изволите отселе выбраться!

Беневольский. Пожар? неужли пожар? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! в них всё мое богатство.

Швейцар. Нет, сударь, бог милостив, еще ничто не горит.

Беневольский. Нет? что ж ты сказал?

Швейцар. Я спрашивал, скоро ли вы отселе съезжаете?

Беневольский. Разве тебе Александр Петрович велел?

Швейцар. Нет, он об вас ничего не приказывал; а уж как он изволил отправиться в деревню, а барыня съехала на дачу, так когда вы опростаете комнату? я бы запер.

Беневольский. Не может быть. Как это? давно ли? так скоро? будто Александр Петрович уехал?

Швейцар. Изволил уехать.

Беневольский. В деревню? далеко ли?

Швейцар. Вотчина его Прилиповка в Костромской губернии, верст отселе девятьсот с десятком, да в Рязанской село Потешное, верст будет побольше тысячи, да около Нижнего барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душ тысячи с полторы.

Беневольский. В которую же он теперь уехал?

Швейцар. Да бог весть, люди надвое говорили.

Беневольский. Неужли он ничего не приказывал перед отъездом?

Швейцар. Изволил крепко наказывать, чтоб штучные полы везде починить, где рас-

клеились, да люстру из галдареи вынести...

Беневольский. Да обо мне что?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал.

Беневольский. Верно, ты не знаешь; кто еще в доме есть, кроме тебя?

Швейцар. Ни одного живого человека: барыня шестерых людей забрала с собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольский. Что ж мне делать?

Швейцар. Как станете перевозиться, дайте мне знать с вашим человеком: надо будет здесь убрать после вас.

Беневольский. Зачем же мне переезжать?

Швейцар. Барин крепко наказывал, чтоб здесь никому не оставаться, что-де комнаты все станут заново расписывать.

Беневольский. И мне велел переезжать?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал.

(Уходит.)

Явление 12

Беневольский, Федька.

Беневольский. Федька! Федька! беспросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька (впросонках). Левей, Алёха...

Беневольский. Несносная тварь! вставай!

вставай!

Федька (протягиваясь). Что, сударь? ась?

Беневольский. Ты спишь, мерзавец, и не говоришь мне, что все отсюда уехали и мы с тобою одни остались в опустелом доме!..

Федька. Вишь, сударь, я не раз принимался вам докладывать, да поди-ко вы с вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольский. Говори, что здесь без меня было? что ты видел? Александр Петрович не приказывал ли тебе чего-нибудь?

Федька. Он второпях дал мне толчка, что в ушах зазвенело; только я от него добра и видел.

Беневольский. Но другие что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велели вам кланяться.

Беневольский. Только?

Федька. Нет-с; еще что, бишь, они велели вам сказать?

Беневольский. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да, право, всё из головы вон вышло. – Что, бишь, они велели вам сказать?

Беневольский. Терпенья! дайте мне терпе-

Нья!

Федька. Да, что барышня-то, ваша невеста, – уж не ваша невеста, а выходит замуж за его милость, забыл, как зовут.

Беневольский. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мне в этом кораблекрушении? – Ты не знаешь всех моих бедствий: у меня ни копейки нет денег.

Федька. Ах, создатель! ужли потеряли?

Беневольский. Проиграл.

Федька. В картёж! вот-те благодарствуй!

Беневольский. Без денег! без друзей!

Федька. А еще разумник! грамотник! вот-те разживусь да разбогатею. – «Что ты от меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!» – Ан вышел сам без гроша: я видел, что тебе несдобровать.

Беневольский. Как ты смеешь говорить со мною во втором лице единственного числа?

Федька. Вишь, всё хорохорится: «я-де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропасти!» – ан, лучше бы помнить пословицу: еду – не свищу, а наеду – не спущу. *(Треплет Беневольского по плечу, тот его отталкива-*

ет.) Эка дворянска амбиць! без денег, а спесивится! Пойду, возьму свои пожитки да убе-
русь, поищу себе барина потолковее. (Ухо-
дит.)

Явление 13

Беневольский, Прохоров.

Прохоров (читает записку). Евлампий Аристархович Беневольский, недавно приехавший в Санкт-Петербург, обучался в Казанском университете разным языкам и наукам, знает грамматику.

Беневольский. Это я. Что вам нужды до меня, вам, чуждым моей скорби?

Прохоров. Вы без места, как мне довелось слышать, находитесь?

Беневольский. Я всеми отвержен, душа моя подавлена под гнетом огорчений.

Прохоров (садится). Позвольте присесть. Я некоторое такое место имею, недавно упраздненное, вам особенно свойственное.

Беневольский (в сторону). Он для меня имеет место! стало, слышал обо мне, я здесь известен. (Громко.) Что побудило вас подать мне руку помощи? кого я в вас вижу?

Прохоров. Мое прозвание Прохоров, гово-

рил мне об вас его превосходительство Александр Петрович, у которого вы жительство имеете.

Беневольский. Ах, сударь! я об вас от него столько наслышался, — вы, кажется, близки его сердцу.

Прохоров. Я только с давешней поры имею честь быть включенным в число его знакомых.

Беневольский. Как, сударь! не прежде?

Прохоров. Действительно так. Мы встретились в милютинских лавках, в 9 номере. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое к чему приторговывался.

Беневольский. Он мне сказывал, что ваше имя пользуется большой известностью.

Прохоров. Справедливо так. Вы мое имя на заглавных листках многих книг помещенным видеть можете.

Беневольский (в сторону). Ему посвящают книги! *(Громко.)* Позвольте, сударь, и мне поднести вам мои опыты в прозе и стихах, досуги моей беспечной музы; они, конечно, будут приняты публикою с большею благосклонностью, если украсятся вашим именем.

Прохоров. О! государь мой, сие для меня слишком много, я не более как честный со-держатель типографии; но вы хорошо сделаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, он человек достопочтенный и на-дворный советник.

Беневольский. Как! вы содержатель типо-графии?

Прохоров. Истинно так. Не соизвольо ли вам будет дать мне на образец ваше некое рукописание? – Сие весьма необходимо.

Беневольский. К чему ж это? Если вы хотите видеть мой почерк, то я уверяю вас, что он самый плохой, – отрисовка моих идей обнару-живается не в красивых литерах. Если же вы хотите знать мой слог, то можете найти кучу моих произведений во многих известных на-ших журналах, в «Сыне Отечества», напри-мер.

Прохоров. Сие периодическое издание из лучших, нумера выходят всегда аккуратно, буквы отменно четкие, бумага вообще хоро-шая.

Беневольский. О! сударь, с какой точки зре-ния вы смотрите на вещи!

Прохоров. Вы, вероятно, переводите?

Беневольский. И сочиняю.

Прохоров. Весьма похвально. Знаете ли вы правописание?

Беневольский. Помилуйте, я, кажется, сказал вам, что многие мои сочинения помещены в журналах.

Прохоров. Бесспорно, так. Но я скажу вам, государь мой, что многие из наших, впрочем, весьма почтенных словесников, коих сочинениями журналы наполняются, удостаивают меня своими посещениями: из них большая часть не весьма тверды в правописании. Оно же, правописание, разумею я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуважению.

Беневольский. Какая ж это должность?

Прохоров. Должность сия в том состоит, дабы с неусыпным бдением за ошибками, встречаться могущими при книгопечатании, надсматривать.

Беневольский (в сторону). Скорее влачить за собою котомку нищеты, чем взять на себя эту прозаическую, неблагодарную должность.

Прохоров. Вы имеете ежегодно получать в

определенные сроки четыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет.

Беневольский (в сторону). Он мне душу раздирает.

Явление последнее

Те же и Мальчик.

Мальчик. Мне, сударь, пора домой идти.

Беневольский. Что тебе надобно?

Мальчик. Я за вами бутылку с вином давеча принес, этот офицер сказал, что вы заплатите, а меня хозяин наш мусье побьет, коли я промешкаю.

Беневольский. Ах, братец! у меня человек вышел, унес ключ от шкатулки. Милостивый государь! я согласен быть у вас корректором; между тем заплатите за меня небольшой этот долг.

Прохоров. С превеликим удовольствием, в зачет будущего вашего жалованья.

Беневольский. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшие меня из Казани сюда! спутницы неизменные! куда вы исчезли, заман-

чивые?..

Конец комедии

Отрывок из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста»

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге, женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он стоворен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднёю, старается каждому из них угодить и понравиться, и в том успеваает. – Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

Явление 1

Варвара Савишна, Любим, Наташа.
Любим

Да! я обегал всю почтенную родню
И счастья своего покамест не вижу:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. – Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, – там в очках она читала,
Вспрыгнула, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. – Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;

Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

*Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...*

Любим

*Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы да я.*

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку

На свой поставишь лад ты всю
свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-майо-
ром. Ну,
Полюбят также все они твою
жену, —
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы
случайно!..
Он на тебя похож, Любим, да
чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он
был
Такой же ветренный и так же добр
и мил.
Максим Меркулович – тот не то-
го разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с
ними скоро!
Ну, если не пойдут никак они на
лад,
Я, пусть они меня расценят, как
хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй,
мною гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим

(обращаясь к Варваре Савишне)

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной...
вы как раз
Женились бы на ней. – Все перед
нею пас.

Варвара Савишна (посмотрев в окошко)

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?
Что свáрливая?

Варвара Савишна

Да, крикуша!

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у
ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме
попростей
Какого платъица, чтоб мне при-

шлось по талы?

Варвара Савишна

*У Груньки в дэвичьей спросить...
Нет! у Натальи
Передничек ее да шемизетку
взять,
Что в праздничные дни велю ей
надевать.
Уйдите же... она уж подошла к
порогу.*

Наташа (уходя)

Любим!

Любим

*Я за тобой.
Уходят вместе.*

Явление 2

Мавра Савишна, Варвара Савишна.
Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу!
Ведь наш Любим сюда изволил
прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он
навестить,
Да вишь пожаловал в тот самый
час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне про-
воры!
Я чай, разведывал, когда-де побы-
вать?
Когда потрафить так, чтоб до-
ма не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточ-
кой визютной
Меня не наградил; а то ведь тако-
вой

Обычай водится в столицах, об
Святой
И в Рождество. Да что? там веч-
но наглость та же;
Знатнейшие дома – и родственни-
ков даже —
Вот посещают как: сам барин до-
ма спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп
сидит,
Как будто господин; обрыскает
край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо!
мерзость эта
Что не дошла до нас: помиловал
господь!
Да и племяннику нельзя глаза ко-
лоть,
Не подражает в том столичному
он краю,
А всё-таки спесив! увижу – разру-
гаю.
Ведь нет чтоб подождать полча-
сика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его:
куда?
Небось не думает угодность сде-
лать тетке;

А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

Явление 3

М*авра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.
Наташа*

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего

Покойного родня, приехала недавно.

Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет.

Вот дочь ее.

Мавра Савишна

*Она? – Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! – Мы вместе
выростали
С твоею матушкой, дружнехонь-
ко живали,
И батюшка в Москве к нам часто
в дом ходил,
При мне он сватался, при мне по-
молвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно тас-
каюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?*

Наташа

*Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...*

Варвара Савишна

*Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе
жить с тобой.*

(Обращаясь к Мавре Савишне.)

*В глаза и за глаза скажу: непри-
хотлива*

*И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь
иметь.*

Наташа

*Угодно, тетушка, вам будет по-
смотреть?
Там приготовила для вас одно я
блюдо.*

Варвара Савишна

*А! знаю, хорошо. – Останься здесь
покуда.
Сестрица, кажется, не гости вы
у нас,
Не взыщете, а я назад приду сей-
час.*

(Уходит.)

Явление 4

Мавра Савишна, Наташа.
Мавра Савишна

*Что это, матушка? неслыханное
дело!
Кто стряпает теперь?*

Наташа

*К обеду не поспело;
Хватились поздно мы; так, как-
то не пришлось.*

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

*Пирожное одно-с,
И выдумки моей.*

Мавра Савишна

*Твоей? – Оно б не худо,
Да ведь пирожное затейливое
блюдо.
Насущный хлеб теперь один со-
ставит счет,*

Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдёт.

Наташа

Да-с, у меня зато всё сна́добье простое:

Морковка, яйца и кое-что другое,
Да соку положить лимонного
чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

Наташа качает головой.

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!

Как, сахар? шутка ли? что вы? по-
бойтесь бога!

Нет! и без сахару расходов нынче
много.

Мавра Савишна

Да! согрешили мы, крутые време-
на!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому
приучена,
Что дорогой кусок мне видеть да-
же грустно:
Я так люблю поестъ, чтоб деше-
во и вкусно.

Мавра Савишна

Как судишь ты умно! не по ле-
тáм, мой свет;
В иной и в пожилой такого смыс-
ла нет.

Наташа

Помилуйте...

Мавра Савишна

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль
улика,
Что прожила весь век, не нажила
ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты
сама;
Всегда столы у ней, – зачем? кому
на диво?

Наташа

А будто трудно жить, как надо,
бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана бы-
ла,
Хоть матушка моя покойница
жила
Куда не рóскошно, я чай, и вам из-
вестно.

Мавра Савишна

Умна была, – дай бог ей царствие
небесно!

Наташа

Однако странность я одну вам
расскажу.

Мавра Савишна

Как, друг мой? что? – Садись.

Наташа

Вот что...

Мавра Савишна

Да сядь!

Наташа

(севши на краешке стула)

Сижу.
Вот что... спросить у вас позволю-
те: вы давно ли
Расстались с матушкой?

Мавра Савишна

Лет двадцать пять, поболе;
Мы молоды тогда, невесты были
с ней.

(Со вздохом.)

И схоронила я с тех пор уж трех
мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слы-
шать не случилось
Об том, что к Ладовой, к графи-
не, я попалась
На воспитание?

Мавра Савишна

Нет, не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! – Она и
мать моя
Век были по всему противных

свойств и правил.
Не знаю, между их как случай
связь составил,
А только матушка с ней так
дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе от-
дала!
Представьте же себе: я в дом по-
пала знатный,
У Ладовой на всё расход невероят-
ный!
И шляпкам, и шал्या́м, и платьям
счёту нет,
И собирается у ней весь модный
свет:
Вчера концертный день, а нынче
танцевальный,
А завтра что-нибудь другое. – На-
турально,
Вы можете судить, что в эта-
ком дому
До бережливости нет дела нико-
му.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль,
родная,
Смерть жалко! хоть кого испор-

тит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро
щегольство
И весь графинин быт: шум, пыш-
ность, мотовство
И давка вечная в передней за дол-
гами —
Так опротивели, что рада, между
нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы
всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке бы
ходила,
Да лишь бы суетно так время не
губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это
ты?
Я, я свертелась бы от этой сует-
ты!
Вот ум не дѣвичий! – К чему ты
наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она бы-
ла,
На этом месте, здесь. – А! вот
она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может при-
годиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила тру-
диться?

Чем больше думаю и на тебя гля-
жу,

И слушаю тебя, ума не приложу.

Диковина, мой свет! Уж ты ли не
водилась

С большими барами? а всё с пути
не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана то-
му,

Что столько времени жила в
большом доме.

Когда к французенкам поедем
мы, бывало,

Графине только бы купить что
ни попало;
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то и
сё,
И выпрошу себе остатков, лоску-
точков,
Отрезочков от лент, материцы
кусочков,
И дома, запершись, крою себе,
крою.
Теперь же, верите ль, я что угод-
но шью,
Вы не увидите на мне чужой рабо-
ты —
Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или
фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад суций, – и тебе подобной не
сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею выши-
вать.
Бывало, прочие лишь заняты весе-

льем,
На ба́лах день и ночь, а я за руко-
дельем;
Что вышью, продаю; работою
своей
Скопила наконец до тысячи руб-
лей.

Мавра Савишна

*Теперь на свете нет вещей неверо-
ятных.
Скопила! – Чем? – Трудом! воспи-
тана у знатных!
Свершилась над тобой господня
благодать.
Дай, радость, дай скорей себя рас-
целовать! —*

(Обнимаются.)

*Вот, если б был Любим степен-
ный и толковый,
Вот счастье! вот оно! вот! слу-
чай здесь готовый!
И услужил бы всем, родным бы и
себе,
Когда женился бы он, друг мой, на
тебе.
Уму бы разуму его ты научала,*

Любила бы его, мотать бы не да-
вала;
А то, слышь, в Питере он свата-
нье завел!
Там русскую мамзель какую-то
нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? – Я знаю.

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем
мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей
его родне
Она не по нутру. – Не может, чай,
дождаться,
Когда Любимовы родные все сва-
лятся,
Чтоб поскорей по ним наследство
получить;
Того не думает, чтобы самой на-

жить.
Хоть об себе скажу: не без труда
скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям,
трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне
довелось —
При жизни что́ хлопот! по смер-
ти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не
обманулась.
По воле божией, когда б ты при-
глянулась
Любиму нашему и вышла б за
него,
Не расточила бы наследства мое-
го.
Да и полюбишься ему ты, вероят-
но:
Свежа как маков цвет, ведешь се-
бя опрятно,
А франтов нынешних немудрено
прельстить.
Ты по-французскому умеешь гово-
рить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

*И! верно мастерица.
Им только надобно...*

Явление 5

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.
Мавра Савишна

*Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда
ли, она
Любиму нашему ведь по всему же-
на?*

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

*Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого
желаю,
На этом настою. Как хочет он,
Любим,
Я вразумлю его, и, по словам мо-
им,*

Он петербургские все шашни позабудет.

Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет.

Пришли его ко мне. – А между тем, прощай!

К тебе, признаться, я попала невзначай;

Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно

Так кой об чем. – Прости!

(Обращаясь к Наташе.)

Ах! жаль, что недосужно,

А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.

Ты говорила мне, что любишь вышивать;

На это мастерство у нас есть заведение,

Туда свожу тебя, увидишь: загляденье,

Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне.)

Скажи ж Любимушке, чтоб на се-

бя взял труд,
Заехал бы ко мне. – Быть может,
и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься!
не ходи!

Притворная неверность Комедия в одном действии в стихах

Действующие лица

Эледи́на, молодая вдова.

Ли́за, сестра ее.

Росла́влев.

Ле́нский.

Бле́стов.

Комната в доме Элединой.

Явление 1

Ленский, Рославлев.
Ленский

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Рославлев

А так любить, как ты, и не любить – всё то же.

Ленский

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Рославлев

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Ленский

*Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,*

Что я со стороны, куда уйти, не
знал.

Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою – и за де-
ло.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в
том велят!

От этих женщин мы чего не пере-
носим?

А кончится одним: что мы про-
щенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их
бранить.

Они несносны? – Да? – Зачем же
их любить?

Нет, право, за тебя становится
мне стыдно:

Ты знаешь, что прослыть ревни-
вым незавидно;

А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

*Всем кажется, что ты брюзглив
и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.*

Рославлев

*Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непо-*

стоянны.
Вот люди!.. И для них мои по-
ступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем
кажусь.
Да, я пустых людей насмешками
горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я
был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям
новомодным
И переделался на их бы образец,
Или на твой – ведь ты таков же
наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин
воружился;
Однако ж я пока на это не решил-
ся.
Мне с ними весело, им весело со
мною.
А сверх того еще, вот веры я ка-
кой,
Что в добродетелях нам должно
брать уроки
У них. – Мы сами же заводим их в
пороки.

Немножко ветрены, неверны ино-
гда, —
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! – Всегда, судáрь, все-
гда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет неви-
новатых?
Как это мнение приятно для же-
натых!
А, впрочем, нас с тобой никто не
согласит:
Меня вот, например, всё в свете
веселит,
А ты не можешь жить без горе-
сти и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от
скуки
Твоей Элединой понравился дру-
гой,
Ты восхищался бы находкою та-
кой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?

Ни день, ни ночь не спать? С любовью расстаться

И всё-таки потом везде ее следить

И всех бояться?

Рославлев

Всех. – Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестями украшен.

Я признаюсь тебе, мне Блестов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт – я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то при-
нужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем
иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер про-
болтал:
Ты видел... Я сперва совсем не рев-
новал,
Да Блёстовым они так много за-
нимались,
Что нас забыли. – С ним всё время
просмеялись.

Ленский

Они смеялись и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им
на того,
Кто в обществах всегда всех жен-
щин забавляет.
И как ты думать мог, что он их
завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый фронт!
Он слишком в
сорок лет
Везде волóчится, прельщает це-
лый свет,
Острится надо всем, а сам всего
смешнее;

Не вовсе без ума и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвя-
тил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как
он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне
ни больно,
Я бьюся об заклад, что женицин
есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как
он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев (с досадой)

Ну, так они и правы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят
для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним – уловки

против нас!
Видал насмешниця, как ладили
подчас
С людьми, которые казались им
противны.
Да что и говорить? – Мне в жен-
щинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство
против всех,
Обманы вечные, притворный плач
и смех;
И только одному нельзя не поди-
виться,
Как люди до сих пор имеют дух
жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев (с сердцем)

Я спокоен.

Ленский

*Так поди
К своей возлюбленной. – Клянися
ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом по-
виновеньи.*

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

*Хорош! – я в огорченьи, —
А ты... Из дружбы он смеется на-
до мной.*

Ленский

(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

*Бог с тобой!
Вот каковы друзья: хоть плачь я,
хоть бесися,
Он будет хохотать!*

Ленский

*Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обе-
щать,
Что ей хотя дни два не станешь
докучать;*

Ну, отправляйся же.

Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.

Явление 2

Ленский, Блёстов.

Блёстов

(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!

Я в двери, он бежать, – ушел, не поклонился.

Ах, Ленский, здравствуйте! – Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.

Престранный человек. Заметьте, что всегда

Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

*Что?
Вот вздор!*

Ленский

*Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.*

Блёстов

*Зло! очень зло! – Однако,
Кто ж нынче им не мил? без исключения всякой:
Сначала все они как будто далеки,
А после...*

Ленский

*Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни
можно смело...
Да что и называть? – победы ваше
дело.*

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

*И вот, не далеко искать:
Росла́влеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.*

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну, что же?

Блёстов

*Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?*

Ленский

А разве?

Блестов

*Ничего, – одно предположение;
Клянусь вам, ничего. – Ну, вот и
подозренье!*

Ленский

Я и не думал.

Блестов

Нет? – Где вам меня провесть! —

(Рассеянно.)

*А впрочем, хоть и я пленяю как
ни есть,
Хоть Лизе нравится и нет боль-
шого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней
еще куда
Мы на учтивостях – и более ни-
как.*

Ленский

Я верю без божбы.

Блестов (значительно)

*А если бы не так,
На что б решился он?*

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объ-
яснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? – Стре-
ляться не беда!
Но быть ревнивым? – о! в нем во-
все нет стыда.
Отстаньте от него и будемте
друзьями:
Давно заметил я тьму сходства
между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь; –
ужли
Вы баловнем любви невинно про-
слыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? – Но я
вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не дель-
вал ни шагу.

Ленский

*Бесчувственный! и вот пленяете
вы чем!*

Блестов

*Ба! – Не пленяется в наш век ни-
кто, никем, —
Всё дело прихоти и случая слепо-
го;
А люди есть еще: не скажут вам
ни слова,
Чтобы удач своих в любви не при-
плести.
Признаться, этого я не могу сне-
сти!
И как рассказывать о том, что
так ничтожно?
С одной я, например, едва пове-
рить можно,
Совсем не думавши, не знаю как
успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хо-
тел;
И всячески она завлечь меня ста-
ралась,
Чтоб только отомстить – и ах!
сама попалась.
Другой понравился с таким же я
трудом,*

Ну, отгадайте, чем? – любезно-
стью, умом?
Нет! – бледностью лица! – Я был
жестоко болен.
Зато болезнью потом как был
доволен!
Одну имел я связь серьезную, – в
нее
Вмешалось несколько достоин-
ство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, – мне здесь
нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго нико-
гда
Не заставляли ждать. – Вы оста-
етесь?..

Блестов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле до-
кажите,
И хоть Эледину, жестокий, поща-

дите.

(Уходит.)

Явление 3

Блестов (один)

Шути, мой друг, острись! – Я, в
очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлев твой порядочной
ценою
За неучтивости поплатится со
мною,
И дельно. – В дураки попасть им
легче всех:
Один всё хмурится, другому же
всё смех.
Нет! женщин надо знать, – так
знать, как я их
знаю.
Однако ж я и сам неловко посту-
паю:
К обеим вдруг сестрам я письма
написал;
К обеим об любви? – Ну, как в беду
попал?
Да что? – Развязка тут не самая
ль плохая,

Что от одной отказ, – не та, так
всё другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают коротко-
стью со мной?
Да нет! не может быть: они не
разболтают,
В любви и женщины, что надобно,
скрывают.
А вот они идут! – Однако ж не
могу
С обеими теперь быть вместе, –
убегу!

Явление 4

Эллина, Лиза.
Лиза

Как можно целый час смеяться
до упада?

Эллина (хохочет)

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты
рада?

Эледина (хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Эледина

От Блестова. – Как нежно!

Лиза

*Неужли!
Он и ко мне писал сегодня же.*

Эледина

*Забавно!
Да где ж твое письмо? – Дай по-
смотреть...
Вот славно!
Прочти, пожалуйста: он любит
нас равно,
Из слова в слово в них написано
одно.
Каков?*

Лиза (прочитав)

Ну что ж, так нам обеим неза-

видно.

Эледина

Уж Блестов вздумал нас обманывать;
обидно!
Нет, баловать его не надо, – и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Эледина

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! – Ах, друг мой!
как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой
ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни
говорил,
Своей холодностью нисколько мне
не мил;
Твой слишком любит, мой почти
любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Эледина

К Блестову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни
да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Эледина

Напиши; ты страх меня обя-
жешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты
скажешь?

Эледина

Пусть знают. Я сама хочу к нему
писать,
Вот тут-то он начнет мечтать,
мечтать, мечтать,
Зазнается, – и вдруг глаза ему от-
кроем.
Представь себе, как мы Рославле-
ва расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а

потом,
Как ты сама ему признаешься во
всем,
Немного надобно иметь ему рас-
судка,
Чтобы увериться, что это про-
сто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы
его?
А мне не сделать уж ревнивым
своего,
Так я хочу его заставить рассер-
диться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весе-
ло мириться.
Ну, милая, решишь, – пиши; я по-
соблю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люб-
лю.

Эледина

Вот, как теперь гляжу, как Блё-
стов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Эледина

*Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не
будь дитя.*

Лиза

Да как?

Эледина

Ах! полно.

Лиза

Я боюсь не шутя.

Эледина

*А время между тем уходит. – Ну,
скорее!*

Лиза

Что будет?

Эледина

*Ничего.
Лиза садится.
Вот так, начни смелее.*

Лиза

Ах! что я делаю!

Эледина

Поверь мне, не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Эледина

Пусть думает. – Пиши:

(Диктует.)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Эледина (продолжая)

*«И не решилась бы я долго, – но со мной
Рославлев, как назло, несносный
стал такой...»*

Лиза

Несносный, что за вздор?

Эледина

Ну, беспокойный...

Лиза

Точно.

Эледина

Пиши: «Он ревностью, как будто бы нарочно, Надоедает мне».

Лиза

И всё не надоест!

Эледина

«Надоедает мне. – Пусть ищет же невест Потерпеливее; а я не в силах боле Сносить все странности его; – я век в неволе; Его мученья...»

Лиза бросает перо.

Ну?

Лиза

Помилуй, отчего

Ты рада выдумать всё злое на него?

Эледина

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Эледина

Дурно страх!
Ну, да пожалуй я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас.
(Читает.)
«Его мученья...»

Эледина (диктует)

«Так надоели мне, что, словом,
Хоть кого

Готова я любить, да только не его...»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

*Ты шутишь; – да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рославлев с Блестовым, Рославлев
как ревнивый,
А Блестов как дурак.*

Лиза (дописавши)

*Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!*

Эледина

Кто? он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключения
Какого об себе они большого мнения!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Рославлевым не хочешь вовсе знаться. —
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, не понятно!

Явление 5

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.
Лиза

*Ах! вот они! – Куда всё это нам
девать?
Спрячь эти глупости.*

Эледина (нарочно громко)

*Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрывает-
ность ненавижу.*

Рославлев

*Смотри, что так она прилежно
пишет!*

Ленский

Вижу.

Рославлев (Лизе)

*Я ждал вас давеча до половины
дня;
Или решились вы бегать от ме-
ня?*

Лиза

*Да, сударь, с вами я все ссоры пре-
кращаю;
Вы не ошиблись; я – вас точно убе-
гаю.*

Рославлев

*Не убежите же: я вас везде найду.
Лиза перебегает и становится за
Элединою.*

Эледи́на (в сторону)

*Вот любит истинно! а на мою бе-
ду,
Мой Ленский самая холодная осо-
ба.*

(Ленскому.)

Ах! да вы здесь. Давно?

Ленский

*Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?*

Эледи́на

(продолжая писать)

Нет, ничего.

Рославлев

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда пи-
сать свободно,
Хоть бы к соперникам его, – к ко-
му угодно;
Он из учтивости не будет вам
мешать.

Эледина

Хоть бы к соперникам его, – по-
чем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Ленский

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Эледина

К кому ж?

Ленский

Ко мне.

Эледина

Напрасно.

(В сторону.)

Как можно столько быть уверен-

ным в себе!

Ленский

*Ах! позавидует весь свет того
судьбе,*

(Показывая на письмо.)

*Кто нежности от вас такие по-
лучает:
Я вижу по глазам, что чувство
вам внушает.*

Эледина складывает письмо.

*И будто кончили! не лучше ль
продолжать?
Расположения такого долго
ждать.*

Эледина (в сторону)

*Смеется? – Если б я всердцах не
рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б на-
писала.*

(Кличет.)

Кто тут?

Лакей входит.

*На, вот письмо; поди, отдай то-
му,
Кому надписано...*

Ленский

*Куда ж идти ему?
Я здесь покамест.*

Эледина

*Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.*

(Уходит.)

Ленский (с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

Явление 6

Лиза, Рославлев.
(Лиза хочет уйти)

Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!

Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;

Я всё надеялась ваш нрав переме-

нить;
Но больше не хочу игрушкой ва-
шей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристраст-
ны!
Я жду, вы входите: вы были так
прекрасны!
Я видел вас одних; – опять, какой
же след
Вам замечать меня, где тьма на-
роду? – нет!
Вы милы! веселы! – для всякого
другого;
Со всеми ласковы, со мною – ни
полслова.
Вдруг Блёстов с значущей улыб-
кой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою за-
слонял,
Что долго я за ним не мог вас ви-
деть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов
возле. —
Меня упрятали покамест за бо-
стон:

Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня,
ругают;
А вы хохочете – и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из
пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче
есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право,
сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство
позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщи-
нами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! – При-

знаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами рас-
стаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас
неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замол-
чать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни
выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете най-
ти.
Письмо читаю я... тотчас уж по-
дозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам
огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё
беда!
Всё виновата я, – и с вами брань
всегда;
Хоть с Блестовым когда я говорю
учтиво,
Уж слышу там ногой стучат
нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не
любить.
Вот радость! замужем невольни-
цей мне быть.

Невольницей! – Тогда! – Ах! нет!
избави божже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что
терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы нена-
видел!
Мы не поладим век! – Да, я давно
уж видел,
Что есть другой, с кем вы полади-
те скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою
своей:
Знакомы с Вельской вы? – добра,
умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня идти она
согласна;
А с нею век могу я счастливо про-
жить.
И – вы принудите меня ее лю-
бить.

Лиза

*Извольте ж к ней сейчас отпра-
виться, – подите!*

*Рославлев
(хочет идти)*

Я вас послушаюсь, – иду сейчас.

(Воротясь.)

*Скажите,
Кто этот счастливый, что вами
предпочтен?*

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

*Затем, что он
Заплатит дорого... да!*

Лиза

*Что вы? успокойтесь;
Вы что-то стра́шны.*

Рославлев

Как?

Лиза

Я вас боюсь...

(Убегает.)

Рославлев

Не бойтесь!

*Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут...*

Явление 7

Р*ославлев (один)*

*Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым на-
зывают!*

(Ходит взад и вперед.)

*Но в самом деле, мне кого предпо-
читают?*

В это время Блестов показывается.

*Кто знает, может быть, и он со-
перник мой?
И точно! – нынче он доволен так
собой!*

Явление 8

Рославлев, Блёстов.
Блёстов

Вы здесь, Росла́влев? – Ну, опять сердит? Скажите: За что? – Вы влюблены, любимы.

Рославлев

*Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно просить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.*

Блёстов

*Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?*

Рославлев

*Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно*

Сюда вы ездите?

Блестов

*С какими? – Очень странно!
Я видов не имел ни на кого от-
нюдь;
А если...*

Рославлев

*Их на вас имеет кто-нибудь...
Ну, кто ж?*

Блестов

*Когда б от вас хотели допытать-
ся,
Вы не сказали бы, конечно?*

Рославлев

*Может статься.
Но вы? вы скажете? – не правда
ли?*

Блестов

*Бог мой!
Как этак приставать? Вот чело-
век какой!
И даже помолчать он не дает
свободы!*

*Пусть так; вы смущены, я – жа-
лостлив с природы.*

Рославлев

Без предисловия.

Блестов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

*Однако этого не должно б гово-
рить.*

Рославлев (с бешенством)

*Теперь всё говорят, – ну, говорите
ж.*

Блестов

*Милый!
Вы слишком горячи! А если б что
и было,
И если даже есть, так вам нет
нужды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни
при чем.*

Рославлев

Ужли Эледина? – Вот это будет

ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честное слово?

Блёстов

Честное слово. – Вот: всегда бедам чужим

Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.

Я от Элединой давно терплю нападки;

Да, да!

Рославлев

Но, может быть, все это лишь догадки,

Без основания.

Блестов

*Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это
вас тревожит?*

Рославлев

*Нет! потому что их и быть у вас
не может.*

Блестов

*Не может, точно так. Да как у
нас и быть?*

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

*А если, например, здесь можем
мы найти,
Между такими же другими пись-
мецами...
Оно? – Нет, не оно. – А, вот! – про-
читите сами.*

*(Показывает Рославлеву письмо. Тот хо-
чет схватить его, но Блестов не дает, и Рос-
лавлев читает с жадностью.)*

*Заметьте, что Амур лукавое ди-
тя:*

*Всё это писано как будто бы шу-
тя;
Всегда ведь женщины с насмешек
начинают,
А там привяжутся, а там и обо-
жают,
А там...*

(Хохочет.)

*Ну, мочи нет, как Ленский мне
смешон!
Я рад до крайности, что так об-
манут он!
Нет, вы – вы смотрите за Лизой
осторожно,
Вы очень знаете, что женщине
всё можно.*

(Хохочет.)

*А он без милости уверен был в се-
бе.*

Рославлев

*Что ж? Все мы этой же подвер-
жены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои
сбылися!
Я говорил тебе...*

Блестов

*Когда? – как завелися
У нас свидания почаще с нею?*

Рославлев (сердито)

*Нет!
Гораздо прежде. – Ах! и мне таких
же бед
От Лизы можно ждать.*

Блестов

Да, да, – я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять...

Блестов (с значущей гримасой)

*Нельзя; когда я знаю...
И в том, что к грусти вам причи-
ну подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощай же.*

(Уходя, поет из «Жоконда».)

*«В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уеди-
неньи».*

Явление 9

Рославлев (один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!

А Ленский между тем смиряйся перед ним!

*А с Лизой в ссоре я? – Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбить.*

Вот женщины, мой друг! – Что?..

Явление 10

Рославлев, Ленский.

Рославлев (увидя Ленского)

*А! да вот и он
И что-то невесел!*

Ленский (увидя Рославлева)

Опять уж рассержён!

Рославлев (помолчав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

Ленский

Мне тоже, признаюсь.

Рославлев

*Они... невероятно!
Как хитры, скрытны! – в них об-
манется хоть кто.*

Ленский

Как ветрены!

Рославлев (в сторону)

*Да он заговорил не то; —
Неужли угадал?*

Ленский (в сторону)

*Таить немного прока;
Узнает без меня, – а рассказать
жестoko.
Оба сходятся с двух сторон.*

Рославлев (подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому.)

*Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели пре-*

живой,
Да с ней не сговоришь: совсем дру-
гая стала!
И неуступчива, как сроду не быва-
ла!
Тут что-нибудь да есть. – Так! бог
уж ей судья,
А что душой кривит Эледина
твоя.

Ленский

Нет! за Эледину, как за себя, руча-
юсь;
А в Лизе, виноват, я что-то со-
мневаюсь;
Однако ж, не сердись, ведь это ни
к чему,
Будь рассудителен. – А видно по
всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы;
А об самом себе подумать нет
охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

*Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюб-
лена,
Что пишет к этому кому-то; –
это мало,
Что он письмо ее везде, где ни по-
пало,
Показывает всем; и, словом, что
ты сам
Письмо ее читал?*

Ленский

*Да по твоим словам
Тебе известно всё, – а я сказать
боялся.
Так точно: Блестов здесь со мною
повстречался;
И тотчас показал мне, к горю
твоему,
Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь, прошу сказать, у женищин
что же прочно?*

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно...

У Блестова... Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;

Я верить не хотел.

Рославлев

*Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня
пропало!*

*Как глупо вверился и как обманут
я!*

*И кем же? – Решена судьба теперь
моя.*

*Утешимся, мой друг. – Оставим
их в покое.*

Откажемся навек от женщин,

будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так, я очень рад!
Однако ж посуди и то, любезный
брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? – да, дожидайся!
Верна! – Нет, женищинам ты лучше
удивляйся,
Твоей, моей и всем! – Все верны,
хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика бе-
да;
И станешь ли тужить ты об сво-
ей потере?

Ленский (очень хладнокровно)

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью
своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

*Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов, –
в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два
раза.*

Ленский (особо)

От каждой по письму!

(Ему.)

Как ты сказал? – моя?

Рославлев

*Писала к Блёстову письмо, – сам
видел я.*

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев (усиливая голос)

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блестову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла

В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, сударь, да, сударь, я говорю вам: да!

К чему спрашивать? для вас ведь это малость.

Ленский (в сторону)

Так обе к Блестову они писали? – Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались, – велите повторить?

Ленский (с улыбкой)

Нет, вслушался и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? – «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шута, в Блестова, покамест
влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

*Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.*

Рославлев

*Их надо в стыд привести;
Пойдем.*

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.

(Хочет идти.)

Рославлев (его держит)

*Эледина сама, ты помнишь, нам
сказала,
Что нежности она к кому-то со-
чиняла...
Да что? при нас самих записка по-
слана.*

Ленский

*Хоть то в ней хорошо, что ис-
кренна она.*

Рославлев

*Как входит в голову такое рас-
суждение!*

Подумай хоть об том, холодное
творенье:
Письмо Элединой мне Блестов по-
казал,
Письмо от Лизы он тебе читать
давал. —
Неужли позволять над нами так
ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит за-
бавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я
отстал?
Послушай, ты письмо... прокля-
тое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Ска-
зать ты можешь
смело; —
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блестов обещал их письма
выдать в свет.

Рославлев

*Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блестова сыщу.*

(Хочет идти.)

Ленский (удерживает его)

*Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?*

Рославлев (хочет уйти)

Слуга покорный!

Ленский (держит его)

Постой; – поверь же мне, что Блестов не любим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

*Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блестову послали два
письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они
с ума,
Ну, сам ты рассуди.*

Рославлев

*Так точно. – Нет! вернее
Узнать бы. Растволкуй всё это
мне яснее.*

Ленский

*Да всё объяснено. Одна из них
скромна,
Другая меньше, но... обманщица
ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чув-
ствам верю.
Лишь Блестов сделал тут неваж-
ную потерю,
Рассудок потерял, и то не нын-*

че...

Рославлев

Так!

Ты жизнь мне возвратил! – Какой же я дурак!

Я сомневаться мог! – Что значит быть ревнивым!

Сто раз уж перед ней я был несправедливым!

Как до сих пор не знать ума ее, души?

Однако ж ведь они и сами хороши: Сидят и про себя, чай, думают: авось ли

Над легковерьем их мы похочем, – после.

Нет! не умели мы их хитрость угадать?

Нет! очередь не нам над ними хохотать?

Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И, как другу,

Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев (с живостью)

*Вели; приказывай; что хочешь ты,
чего?*

Ленский

*Дай Блестову пожить, не вызывай
его.*

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

*Однако ж если ты судить по-
ропился?*

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

*Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же ве-
рить нам.*

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

*Покуда надобно уйти тебе отсю-
да;*

*Отчаянного роль я стану здесь
играть;*

Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю,

(Почти толкает его.)

всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его.)

Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский

(выталкивает)

Да, ну, поди скорей!

Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.

Явление 11

Л*енский (один)*

Довольно покричал!

Немудрено: я сам уж верить начинал!

А Блестову его соперники достались

В поверенные! – Как? все трое мы попались,

Чтобы Эледину и Лизу забавлять?

Пустое! – Не люблю я женщин баловать.

Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;

Их поздно в руки брать, как будут

нам жена́ми...
Они? я очень рад!

Явление 12

Ленский, Эледина, Лиза.
Эледина (Лизе в глубине комнаты)

Печален! – Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Эледина (Ленскому)
Куда вы шли?

Ленский (печально)
Не знаю.

Эледина
Что за грусть? – Ведь вы смее-
тесь вечно.

Ленский (ходя взад и вперед)
Когда обманывал кто так бесче-
ловечно!
Мужчину завести, уверить, уло-

вить,
Дать слово, – и потом, как
на́смех, изменить.
В досаде этакой от смерти неда-
леко!

Эледина

Зачем же от меня так мучиться
жестоко?

Ленский (остановясь)

Поступок ваш меня, конечно,
оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я гово-
рил.
Отчаянный мой друг мне в голове
вертится...

(Лизе.)

Представьте, он совсем хотел уж
застрелиться.
Всё проклинал: любовь, друзей и
целый свет;
Решил, что для него ни в ком на-
дежды нет.
Что в свете всё обман, что жен-
щины все равно
Лукавы, злы...

Эледина (перебивая)

*А вы, как должно, хладнокровно,
Утешили его?*

Ленский

*Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой го-
ловы;
Он застрелился бы; но выдумкой
счастливой
Я спас его.*

Лиза (испугавшись)

Какой?

Ленский

*Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на
всё готов;
Так убедить его мне стоило двух
слов:
Наталью Вельскую вы знаете?*

Эледина

Ну, что же?

Ленский (Лизе)

Так точно; вас она немного помо-
ложе, —

(Элединой.)

Брюнетка! острая! живая!.. Сло-
вом, он...

Эледина (перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую
влюблен.

Ленский

Вхожу я: в комнате почти не вид-
но света;

Он в горе; на столе лежат два пи-
стоleta;

Я начал утешать, он слушать не
хотел;

Об Вельской речь зашла...

Эледина (перебивая)

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его. — А впрочем, дол-
го бился;

Он спорил, ссорился, но после — со-
гласился.

Эледина (в сторону)

Злодей!

Лиза (в сторону)

Ах!

Ленский (Элединой)

*И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в вос-
хищенье их!
Не могут говорить, хоть гово-
рить хотели,
Зато с каким огнем друг на друга
глядели!*

(Лизе.)

*А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на
них не мог.*

(Элединой.)

*И что ж приятнее, как видеть
двух счастливых?*

(Лизе.)

*В желаниях любви, всегда нетер-
пеливых,*

При мне клялись они друг друга
обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой.)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это
странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то чтоб Блестову я подра-
жать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыс-
кать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.)

Явление 13

Эледи́на, Лиза.

Эледи́на

(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! – и я его любила!

Лиза

А я себя, скажи! за что же погубила?

Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!

И подлинно умно, уж нечего сказать! —

Ах! я от этого Рославлева теряю.

Рославлев

(выходя из кабинета, в котором он прятался)

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)

Эледи́на

Да, я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из
чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где
ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня
божился.
А твой? – С отчаянья почти что
уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением
моим.
Как? на дурацкие мы письма от-
вечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпо-
читаем.

Эледина

Что ж? Из учтивости должны
бы хоть они
Поплакать, пострадать ка-
ких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой
божился,
Что вмиг бы умер он, когда б те-

бя лишился.
Зачем же не сдержал он слова
своего?

Лиза

Зачем? – Ах, боже мой!

Эледина

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым
притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огор-
чаться.
Поддержим честь свою и позабу-
дем их.

Лиза (почти плачет)

Честь? – Разве честь велит обма-
нывать других?

Рославлев

(тихо, в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)

Лиза (плачет)

Как любил! Как думал быть

счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала
ревнивым,
А я с Рославлевым лишаюсь всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе
пеняю!
Когда бы знал...

Явление 14

Рославлев, Эледина, Лиза.

Рославлев (с радостью)

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

Лиза

Росла́влев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите
пустым?

Эледина

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?

Обманщик Ленский!

Рославлев

*Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.*

Лиза

А вы с ним заодно!

Рославлев

*Кто?.. я?.. Нет, не совсем... Ведь
было мудрено
Не усомниться мне – такой я су-
масшедший.
Да что уж толковать о глупости
прошедшей?*

(Элединой.)

*Не ссорьтесь с Ленским; он бесце-
нен! – Без него
Не знал бы никогда я счастья сво-
его.*

(Лизе.)

*Когда бы удалось услышать мне,
как мило
Жалели обо мне? – Как мне при-
ятно было!*

За это вы меня решитесь ли простить?

Лиза

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Эледина (увидя Ленского)

Тс! – тише!

Явление 15

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.
Ленский (будто ищет кого-то)

Точно здесь. – Что если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех.)

Нет, всё известно...

Эледина

Да!

Известно всем, что в вас нет со-
вести, стыда;
Всех рады осмеять вы для своей
забавы
И непростительно как злы и как
лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? – виноват!
А вот несносен кто, всё выбол-
тать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сго-
ворились двое;
А если что-нибудь вперед затею
злое,
Так, верно, без тебя.

Рославлев (с довольным видом)

Пожалуй.

Эледина

Боже мой!
Вот извиняется он как передо
мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя, – при-

знатья я обязан, —
Не вовсе удалась; довольно я нака-
зан.

Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блестов и помирает со смеху.

Явление 16

Блестов, Эледина, Ленский, Рославлев, Лиза.
Блестов (в сторону)

*Забавны взапуски один перед дру-
гим!*

(На ухо Элединой.)

*Зачем обходитесь вы так жесто-
ко с ним?
Он догадается.*

Эледина смеется. Блестов становится меж-
ду Ленским и Рославлевым.

(Ленскому.)

*Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, боже
нас избави!*

Ленский смеется.

(Рославлеву.)

Каков вам кажется ваш Ленский? – право, клад!
Ведь за Эледину он побожиться рад,
Что всё ему верна!

(Все смеются.)

Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, сударь, все; мне так оно сдается.

(Элединой.)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Эледина

Ты понял мастерски, хитрец,
мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:

Я вас в неверности не смел подозревать,

Хоть Блестов, слова нет, соперник преопасный...

Рославлев ревновал... Ну! он любовник страстный,

А я – почтительный, – тут нет других причин;

И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блестова.)

За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев

(самым насмешливым тоном)

Вот Блестов разом как двух женщин обольщает!

Каждый в свою очередь подходит к Блестову с ироническим поклоном, и потом все уходят.

Явление последнее

Блестов (один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?

Да, правда, ведь и мы не лучше в добрый час;

Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши.)

Как будут замужем они, – тогда увидим!

Конец

Проба интермедии Интермедия в одном действии

Действующие лица

Фёколков.
Алегрин.

Резвушков.

Припрыжкин.

Свисталова.

Бемольская.

Машинист.

Суфлер.

Актеры и актрисы.

Действие происходит в провинциальном театре. Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

*Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!*

Прочие актеры и актрисы

*Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?*

Фёколков

*Вот как раз:
В бенефис меня вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.*

Прочие

*Вам помочь
Мы не прочь.*

Фёколков

*Вас, друзья мои, так много, —
Помолчите, ради бога!*

Прочие

*Правда, много нас числом.
Да какая польза в том?*

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Алегрин

Поскорее? – Так за дело!

Взяться надлежит с умом!

Фёколков

*В этом затрудненья мало,
Делайте, как ни попало.*

Прочие

*Хорошо, – да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?*

Фёколков

О, нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Припрыжкин

Комедью?

Фёколков

Интермедью!

Все (кроме его)

*Интермедью! – Боже сохрани!
Интермедью! – Нет, уж искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!*

Фёколков. Неужто, господа, мне быть без бенефису?

Алегрин. Дайте в свой бенефис что хотите, да только не интермедью.

Все (повторяют)

*И какая вам охота? —
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.*

Фёколков. Да, господа, дело праздничное; серьезное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Резвушков (обращаясь к прочим). Ну, уж выведемте его из хлопот; делать так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве наш суфлер примется, – человек он грамотный. Ну-тка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Фёколков. Вылезай, отец родной, я сам
услужу в другое время.

Суфлер. Извольте, располагайте моим
умом, моим пером и моим языком.

Все (кроме его)

*Браво! Фора!
У суфлера
Всё кипит!
Кто коль скоро
Что проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что горазд.*

Суфлер. Смейтесь, смейтесь, господа, а без
меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не
о том речь. – Вам нужна новая пьеса. Для сего
нужно многое, а самое нужное: декорации,
актеры, слова, музыка и танцы... танцы и
пляски.

Резвушков. Верховой, спускай декорацию.
Вот тебе лес и вода.

Свисталова. Актеры все налицо, в костю-

мах и без костюма.

Бемольская. Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин. Музыка у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин. За танцами дело не станет.

Фёколков. Так, стало, самое нужное есть, стоит только к нему присочинить кое-что.

Суфлер. Это ничего не составляет...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушков. Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин. Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пьеса готова.

Свисталова. Не беспокойтесь, он на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,

Природа коему дала

Писать охоту и уменье!

Его ж такие сочиненья,

Что сам едва ль он их поймет,

Да и никто не разберет;

А дело всё на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода, —
Так главное готово.
На завесе река...
Пусть будет же: Ока.
Готово и названье,
Благодаря реке:

Пирушка на Оке,
Иль: За Окой гулянье;
И песнями начать,
И плясками кончать!

Алегрин. Что же нам петь?

Припрыжкин. Какие пляски?

Суфлер. Пойте и скачите, сколько душе
угодно, только не все вдруг.

Фёколков. Однако нельзя без пробы.

Суфлер. Ну, так пробуйте. — Г(осподин) певец, выступайте. Что подтверже, то и пойте. А прочих прошу изготovitься для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы. — Задело! скорей! а не то я перестану сочинять.

Все. Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. По окончании Суфлер говорит:

Суфлер. Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключение?

Фёлков. Неужли заключение?

Бемольская. Что ж вы еще хотите?

(Берет куплеты и поет их.)

Куплеты

*Довольно все плясали, пели!
Покуда вам не надоели,
Всего умнее разойтись.
Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком —
Хоть пошалили, да не слишком.
Притом, кто осуждать нас ста-
нет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.
И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.
На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось*

*Никто не спросит: как оно —
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.*

**Кто брат, кто сестра, или
Обман за обманом
Новая опера-водевиль в 1-м
действии**

Действующие лица

Пан Чижевский, содержатель почтового двора.

Антося

Лудвися

Рославлев-младший, гусарский офицер.

Юлия, жена его.

Рославлев-старший.

Андрей, слуга его.

Вацус, писарж почтовый.

Передовой Рославлева-старшего.

Слуга проезжающих.

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме. Комната: справа от зрителя стол, на нем шнуrowые книги, бумага и проч., с левой клавикорды, на стене гитара, в середине открытый вид в цветник.

Явление 1

Рославлев-младший и Юлия (сидят за столом в цветнике и пьют чай). Антося и Лудвися (одна за клавирами, а другая с гитарой, и поют). Рославлевы слуги (увязывают чемодан и проч.). Писарж (пишет за столом). Пан Чижевский (читает варшавскую газету).

(Краковяк)

Антося и Лудвися

*Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, процветет — и нет!*

*«Милая Магдуся!»
Янек говорил:
«Злых людей не труся,
Молви: ты мне мил!»
Что ж на то Магдуся
Молвила ему? —
«Сердцем отдаюся
Другу моему!»*

Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!

*На любовь и радость нам одна по-
ра!*

*Слышу ли, как зыбкий
Крадется ручей,
Как на ветке гибкой
Стонет соловей,
В розу ли всмотрюся,
Что цветет на срок,
Вспомнится Магдуся
И ее урок.*

*Завтра – гость неверный! про-
шлый гость – вчера!
На любовь и радость нам одна по-
ра!*

*Рославлев-младший и Юлия входят в ком-
нату.*

Рославлев-младший. В дороге чай и песни
всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы те-
перь отдохнули, освежились; отправьте нас
скорее, пан почтмистрж!

Пан Чижевский. Зараз, яснесвещенный!
кони готовы.

*Писарж (между тем показывает ему подо-
рожную и тихо говорит).* Позвольте только

расспросить о имени вашем: мы никак не разберем. (Читает.) «Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву...»

Рославлев-младший. «Гвардии ротмистру Рославлеву».

Пан Чижевский (читает про себя). «...С будущими...»

Рославлев-младший. И славу богу! не только с будущими, но и с настоящею (показывая на жену) назло всем препятствиям.

Пан Чижевский. А, понимаю, понимаю.

Жизнь скучным трактом вам казалась!

Так, взяв любовь в проводники,

Желали вы, чтобы досталась

И радость с легкой вам руки!

Так! к счастью пристани надёжной

Всем мил открытый лист в жене...

Антося

Ах! как хотелось бы и мне

Скорей быть также подорожной.

Пан Чижевский

Любовь и брак!

Рославлев-младший

Одно и то же.

Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе.

Ах, братец – барин пожилой, —

В дороге спутник ненадёжный:

Сестра на вольных навострит,

А брат отстанет и сидит

Один, с законной подорожной.

Явление 2

Те же и *Передовой* старшего Рославлева.

Передовой. Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его высокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский (читает подорожную). «Из Варшавы в Санкт-Петербург майору Рославлеву». (Отходит к письменному столу.)

Рославлев-младший. Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия. Куда нам деваться?

Пан Чижевский. Рославлев из Петербурга

в Варшаву – Рославлев из Варшавы в Петербург.

Рославлев-младший (отводя его в сторону). Тс! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, любезный, драгоценный пан почтмистрж.

Передовой (писаржу). Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

Писарж. Хоть два, только вместе со мною. Слуга и он уходят.

Явление 3

Рославлев-младший, Юлия, пан Чижевский, Антося и Лудвися.

Юлия. Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лошадей проезжающему!

Пан Чижевский. Да не беспокойтесь! вас не обидим! В лошадях, благодаря бога, здесь недостатка нет. Моя станция первая по всему тракту...

Рославлев-младший. Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да и его нужно нам задержать.

Пан Чижевский. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете! Я

знаю всю важность своей обязанности, обремененный доверенностью правительства, – как пойду против постановлений!..

Рославлев-младший. За другими... дорога наезжена.

Пан Чижевский. Что скажут обо мне начальники?

Рославлев-младший. Что говорят о других.

Пан Чижевский

Знать ложен толк в вас о почт-мистрже польском:

Кривнуть душой нас бог оборони!

*Век не споткнутся в месте
скользком*

Ни гонор мой, ни лошади мои!

*Нет! польских почт историю про-
читите*

*И с норовом почтмистржа в
Посполитей*

Не сыщите, ручаюсь вам!

Присяга в нас непобедима,

И Нарушевич скажет сам,

Что наша честь ненарушима!

Юлия. Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька...

Рославлев-младший (впуская в руку

несколько червонцев). Да троньтесь хоть этим... За упокой Нарушевича.

Юлия (снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам). Вот, мои милые, носите то на память обо мне.

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого маршалка дочка
Такой имеет ли навряд.

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему,
А кто дружок?

(Надевая кольцо.)

Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому!

Пан Чижевский. Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

*Кровь польская сказалась в сердце
польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скольз-
ком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я не легко пускаюсь на измену,
Нет, ваших просьб признал и вес и
цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокралися вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.*

Юлия. Как мы вам благодарны!

Пан Чижевский. Оно благодарности не сто-
ит!

Рославлев-младший. Нет, стоит-то стоит, да
не в счете дело.

Пан Чижевский. Но растолкуйте мне те-
перь, зачем вы непременно хотите задержать
однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром
почтмистрж: много тайн перебивает у меня в
руках.

Рославлев-младший. Не мало и останется!

Юлия. Муж мой всё вам расскажет. (*Сест-
рам.*) А вы, милые, подите со мною. Надобно

нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку.

Они уходят.

Явление 4

Рославлев-младший и пан Чижевский.

Рославлев-младший. Узнайте же, что едущий из Варшавы в Петербург Рославлев – мой родной брат. Лишившись родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образ мыслей – всё сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви: он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину, – он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться и прошу его согласия, – он отвечает, что если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. – Я женился и еду к нему с женою: он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то,

что без успеха начал письменно. Вот наша история.

Пан Чижевский. Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

Рославлев-младший. Я сам еще порядочно не знаю, но есть надежда; брат – человек пламенный, и вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще менее.

Пан Чижевский. И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена однако же принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне, читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят, и все в них ищут.

*Бар и барынь все бранят
Под рукою,
Презирать их каждый рад
За спиною;
Но столкнися с мудрецом
Барин знатный,
Иль красотка брось тайком
Взор приятный:
Вдруг начнет иное петь
Наш Сенека,*

*Переменится медведь
В человека;
Смотришь, – он, как и другой,
Гибок, тонок,
Мастер кстати делать свой
Падам-до-ног.*

Рославлев-младший. Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее. (*Уходит в боковую комнату.*)

Пан Чижевский (*пересчитывая деньги из руки в руку*). Скромнее и осторожнее!

Явление 5

П*ан Чижевский, Рославлев-старший* (в фуражке и не снимает ее).

Рославлев-старший. Лошади готовы? Впрягать скорее!

Пан Чижевский. Ясновельможный...

Рославлев-старший. Готовы, я спрашиваю?

Пан Чижевский. Ясноосвещенный, извольте взять терпенье.

Рославлев-старший. Терпенье? – Лошадей, я говорю. Где ж мой передовой?

Пан Чижевский. Гм! Здесь!

Рославлев-старший. А лошади?

Пан Чижевский (нерешительно и боязливо).

Будут.

Рославлев-старший. Ну, сейчас, сию мину-
ту!

*Пан Чижевский (приободряется и отклани-
вается, не трогается и начинает петь, Рос-
лавлев с первого стиха зажимает ему рот).*

Могу сказать вам о почтмистрже поль-
ском...

Рославлев-старший. До песней ли мне те-
перь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать
ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! Живо!
мигом! *(Выталкивает его.)*

Явление 6

Рославлев-старший(один). Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам хотел было сделать три месяца тому назад; но вы, красавицы, меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь, – вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно. *(Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет.)*

(Рондо)

*Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.
Из ваших рук довольно пил отра-
ву,
Довольно я, красавицы, страдал;
Моя тоска была вам на забаву,*

Смеялись вы, – я слезы проливал,

—

Но слез моих вам более не видеть,
Я в школе был и с горя поумнел.

Как я вас обожать умел —

Так вас умею ненавидеть!

Готовьте другим

Оковы и розы,

Обеты, угрозы,

Улыбки и слезы, —

Я стал невредим.

Пускай сердечным суеверам

Еще мерещится любовь;

А я откланялся химерам

И на обман не дался вновь.

Явление 7

Рославлев-старший, Антося и Лудвися.

Антося. Ах, как вы приятно поете!

Лудвися. С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре!

Антося. Продолжайте, сударь.

Рославлев-старший бросает гитару.

Антося. Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися. Мы вам помешали?

Антося. Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев-старший. Уйдите или оставайтесь: мне решительно всё равно.

Антося. Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев-старший. Я терпеть не могу женского голоса!

Антося. Как? Неприятно вам, когда женщины поют?

Рославлев-старший. И даже когда говорят!

Лудвися. Это почти что очень неучтиво!

Рославлев-старший. Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися. Сестрица, он шутит.

Антося. Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися. И я тоже думаю, что он вам мил!

Антося. Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев-старший. В вас?

Антося. Коли не в нас, так у нас по крайней мере!

Рославлев-старший. В здешнем городе?

Лудвися. Хоть и в здешнем доме, как узнать?

Рославлев-старший. Не худо на дорогу.

Антося. Ни за что не ручайтесь! кто истинно до женщин неохотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

Рославлев-старший. Именно так, прощайте. *(Кричит при выходе.)* Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня! *(Уходит.)*

Явление 8

Антося, Лудвися, Юлия (в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами).

Юлия. Ну, каков наш нелюдим?

Антося. Очень забавен!

*Чудак он, право, своенравный!
Его ввести не можно в толк:
На разговор он рыбе равный,
А вежлив, как сердитый волк.
На шутки гневом отвечает
И дуется...*

Лудвися

*Нет дива тут:
Предчувствием он, верно, знает,
Что нами будет он надут.*

Явление 9

Те же, Рославлев-старший, пан Чижевский, писарж, курьер и слуга Рославлева.

Рославлев-старший(держит пана Чижевского за ворот). Ты, бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

Рославлев-старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой тормозат пана Чижевского.

Рославлев-старший

*Скорей, скорей
Лошадей, лошадей.*

Антося и Лудвися

Смелей, смелей

Вы откажите лошадей.

Пан Чижевский

*Я рад вам дать бы лошадей,
Но с час последня пара вышла.*

Рославлев-старший.

Как вышла!

Пан Чижевский

*Есть лошади, да не для вас!
Здесь сверхкомплектных пять у
нас;
Из них не ходят две у дышла,
А три не ходят уж никак!*

Рославлев-старший

*Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя – тебя ходить заставлю!*

Антося и Лудвися

*Вы забываетесь, никак, —
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок.*

Рославлев-старший

*Мне дела нет до вашей шляхты!
Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскачи в Моздок,
Но, верно, хуже этой почты
Нигде по трактам не найдешь.*

Антося и Лудвися

*Как дела нет до нашей шляхты!
Наш герб – подкова и рожок.*

Пан Чижевский

*Да говорят же вам не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!
За городскою эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж и офицер!
Тут панна вслед за офицером!*

Антося и Лудвися

*И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы – совсем без головы.*

Юлия (вслух). Несносный упрямец! с ним не сговоришь; я уже моих людей разослал, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте, с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах, отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при последнем издыхании, упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песня-

ми... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев-старший(расхохотавшись). Какая мысль! а что? может быть. – Тесть любезный, не быть бы тебе...

Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют.

Антося

*Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.*

(Уходит, приседая.)

Лудвися

*Я бешеных, судáрь, боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.*

(Также уходит.)

Пан Чижевский

*Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне сле-
ду!*

(Уходит.)

Рославлев-старший

*Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!*

Явление 10

Рославлев и Юлия.

Юлия. Успокойтесь! мои люди всё сделают, всё достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатаемся каждый по своей дороге, а может быть, по одной и той же. – Вы куда?

Рославлев-старший. В Петербург.

Юлия. А я оттуда.

Рославлев-старший. Тамошний житель? Всегда или временно?

Юлия. Я там служу в гусарах.

Рославлев-старший. Ах, боже мой, так вы знаете Александра Рославлева, – он в них же служит?

Юлия. Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев-старший. Он мой брат родной.

Юлия. Неужели? как счастливо! Следовательно, вы и мне родной, – дайте обнять себя. – А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец чуть было не женился.

Рославлев-старший. Чуть было? стало, ми-

новалась опасность?

Юлия. Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Рославлев-старший(в сторону). Мои письма подействовали. (Громко.) Как я рад встрече с вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвися. (Сестры входят.) Что вам надобно?

Рославлев-старший. Шампанского!

Антося. И! Какие прихоти! в нашем местечке этакое вина не водится. Венгерского, коли угодно?

Рославлев-старший. Чего-нибудь! Что душу располагает к веселью! Скорое!

Юлия. Туда, в цветничок.

(Сестры уходят.)

Рославлев-старший. Расскажите мне о брате, пожалуйста, всё, что знаете.

Юлия. Представьте себе – в его лета жениться.

Рославлев-старший. И на польке, это всего опаснее.

Юлия. Почему же! Я сам поляк.

Рославлев-старший. Нет! будьте справед-

ливы, любовь к отечеству в сторону. Наши кокетки – ученицы перед здешними.

Юлия. Быть так, но братец ваш... ему совсем было голову вскружили, подговорили, заговорили, он уже готов был под венец, но я заклинал именем вашим, не зная вас, и моею дружбою... он образумился; вы видите во мне закоренелого мизогина.

Рославлев-старший. Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Юлия. Со дня моего рождения тверд, как камень, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и волокитства, томных вздохов и нежных поцелуев. Если бы все женщины какой-нибудь благодетельной чумою исчезли с лица земли...

Рославлев-старший. Я бы не охнул.

Юлия. Я также.

Рославлев-старший. Я их терпеть не могу!

Юлия. Я их ненавижу.

Рославлев-старший. Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны сначала, но под конец докучливы.

Юлия. Самые ничтожные, бесполезные!

Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев-старший. Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия. Тем лучше, забот меньше.

Антося и Лудвися входят и подносят налитые стаканы.

Юлия

*Стократ счастлив, кто разум
свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой, —
Я выпью за его здоровье.
Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.
Женись лишь только – и как раз
Родятся ревность, подозренье.
Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму,
И вечная почти беспечность!
Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними.
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!*

Антося и Лудвися устанавливают поднос с

бутылками в цветнике и уходят.

Юлия. Одна есть женщина в свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев-старший. Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия. Нет! двух таких не бывает; она – сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев-старший. О! они все ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия. Не ошибайтесь. Речь идет об моей сестре. Кроткое, невинное существо, и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать – вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом, дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого случая готовы лопнуть с досады.

Антося вбегает.

Антося. Вас сестрица зовет, крайняя нужда!

Юлия. Сейчас.

Антося (ей на ухо). Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия. Иду, я скоро ворочусь к вам.

Явление 11

Рославлев-старший(один). Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако он поселил во мне сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкой?.. Пригожею? – это еще неизвестно, но то верно, что между мною и старым паралитиком она бы недолго колебалась. Разумеется, всё бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится, что ж – попробуем. И я многим нравился... (охорашивается перед зеркалом) конечно, не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

*Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, счастливо и смело
Сердечны шалости одне*

*Имел за главное я дело.
Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил и ими.
Как быть!.. был проведен иными,*

*Зато, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.*

Явление 12

Рославлев-старший и Юлия (в женском платье).

Юлия. Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

Рославлев-старший. Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия (между тем бежит к дверям, в цветник и в окно смотрит). Пан почтмистрж!

Рославлев-старший. Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия. Здешний хозяин обещал мне до-стать шалфея и не идет до сих пор.

Рославлев-старший. Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия. Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

Рославлев-старший. Ближний вашему

сердцу?

Юлия. Ах, сударь, помогите ему, – вы, верно, лекарь.

Рославлев-старший. Почему вы это думаете?

Юлия. Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

Рославлев-старший. Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия. Так я ошиблась, извините. *(Уходит.)*

Рославлев-старший. Ошиблась и не любопытствует знать, кто я! В самом деле это редко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительное – и не любопытна!

Юлия возвращается.

Рославлев-старший. Нашли, кого искали?

Юлия (среди комнаты, печально). Нет-с, не нашла.

Рославлев-старший. Позвольте же, я за вас пойду, разведу, отыщу и приведу.

Юлия. Пожалуйста, я вам много обязана буду.

Рославлев-старший. Сию минуту. *(Ворочается.)* Какое в вас небесное добродушие и как непритворно! Как вы для других себя забыва-

ете! Клянусь вам... что я не видывал ничего подобного.

Юлия. Перестаньте, сударь!

Рославлев-старший. Вы рассердились?

Юлия. Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только, простите мне, они не у места. Помните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изнеможенному страданиями. Идите, спешите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Рославлев-старший. Бегу, лечу. *(В дверях.)* Не оскорбляется похвалами, а не любит их. *(Ворочается.)* Ах! ах! кстати вспомнил, что со мною есть маленькая дорожная аптека, – я вам сейчас принесу ее.

Юлия. Очень кстати! пожалуйста, скорее!

Рославлев-старший(ворочается). Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на английском языке!

Юлия. Я умею по-английски.

Рославлев-старший. А название составов и способов составления и мера приемов по-латыни.

Юлия. Я умею по-латыни.

Рославлев-старший. А драхмы, унции и их дробь?

Юлия. Вес как вес, я по необходимости его знаю: матушка целый год была больна; впрочем, это знание так не трудно, что нечем хватать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

Рославлев-старший. Сию минуту. *(В дверях.)* Сколько познаний, и не выказывает их и не дорожит ими! *(Ворочается.)* Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услугах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, только...

Юлия. Что вы хотите сказать?

Рославлев-старший *(в сторону)*. Куда девалась моя дерзость? *(Вслух.)* Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное, когда вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без сострадания; осмелюсь ли я просить у вас...

Юлия. Чего? скажите!

Рославлев-старший. Поцеловать вас в знак дружбы.

*Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных
Теперь мне сладостнее нет.*

*Меня не страсти пыл волнует —
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.*

Юлия. На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мне не поцеловать вас? Я готова обнять доброго человека, только не мешкайте, бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

Рославлев-старший. Невинна, как ребенок!
(Уходит.)

Юлия (смотрит вслед ему, потом в окно).
Ушел! Войдите!

Явление 13

Юлия, Антося и Лудвися (ведут Юлии мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляет и любит).
Антося

*Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!*

Лудвися

*Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?*

Антося

Болезней всех образчик он!

Лудвися

Вот предисловье похорон!

Антося

*Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча...*

Лудвися

*Но тем болезнь ему с плеча,
Что в ней врачи ему не нужны.*

Рославлев-младший (слабеющим голосом).
Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы,
не пора ли принимать?

Юлия. Шалун, ты уже не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен и не подавай ни малейшего знака жизни.

Рославлев-младший. Уговор лучше денег: я не гожусь в параличные; хочешь, лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, зарублю, развоюсь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену...

Юлия. Не дурачься, мой милый, ты всё испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы? Хочешь, я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

Рославлев-младший. Сажай, вези!

Юлия. Ну, пойдём. *(Уводит его.)*

Явление 14

Антося, Лудвися, Рославлев-старшийи пан Чижевский.

Рославлев-старший. А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

Антося (в сторону). Наш дикарь становится, кажется, обходительнее.

Лудвися. Мы от вас бегали, боялись вам в глаза попасть; вы такие сердитые!

Рославлев-старший. А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

Антося. Она тотчас будет.

Пан Чижевский. У нее нет минуты свободной! всё время посвящено у нее на разумные дела.

Рославлев-старший. Да, кажется мне, что вы об ней знаете: известны ль вам обстоятельства ее жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Всё, что знаем, слушайте!

Она друг сирым и убогим!

Антося

Она благотворит шутя!

Лудвися

Она мудрец рассудком строгим!

Антося

Она невинностью дитя!

Пан Чижевский

*Она благое существо,
В ней человеческого мало...*

Рославлев-старший

*Да, в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!*

Явление 15

Те же и *Юлия* (в мужском костюме).

Рославлев-старший. А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия. Поздравляю с доброй вестью: мало-помалу лошади собираются, и мы скоро отправимся.

Рославлев-старший. Поздравьте лучше меня с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия. Правду сказать, слуга у меня проворный и в дороге – клад: в минуту избегал местечко, переколотил всех жидов...

Рославлев-старший. Как сестрица ваша похожа на вас; но, признаюсь, не сердитесь – черты одни, а миловидности в ней гораздо больше.

Юлия. Уступаю охотно! Я, право, не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите, верно, уже всё изготовлено?

Пан Чижевский. Зараз, ясновельможный капитане! (*Уходит.*)

Юлия. Что у вас за ларчик? не казна ли ва-

ша?

Рославлев-старший. Нет! но на эту пору дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку. *(Хочет идти.)* Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести?

Юлия. О нет, подождите. Вы знаете, что к молодым барышням и знатным барам входить без доклада не можно; дайте мне предварить ее. *(В сторону.)* Победа наша!

Рославлев-старший отпирает ящик и осматривает его снутри.

Антося

*Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз, —
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!*

Лудвися

*Но от нас он не уйдет:
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, судáрь, пилюля!*

Обе уходят.

Явление 16

Рославлев-старший(один). Однако я со своим Ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде, нежели я отказался от любви навсегда... но, признаюсь, три месяца тому назад встреча с нею могла бы сильно на меня подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решил ничего не чувствовать. Но где же она и что так долго медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит: заманчивость, новость, приключение. – Ах! Вот она!

Явление 17

Рославлев-старший, Рославлев-младший (в виде больного в тележке), **Юлия** (развозит его по цветнику).

Рославлев-старший. Какие заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика. (*Обращаясь к ней.*) Я принес обещанное и давно жду вас.

Юлия (*прибегая к нему из цветника*). Дайте сюда, разберемте вместе, я вам много обязана, я вам очень много благодарна.

Рославлев-старший. Я вам во сто раз более... Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным, но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на всё хорошее способен.

Юлия. Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлев-старший. О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах. (*Идет и останавливается; задумавшись.*)

*Ручаться можно ли за что?
Наш ум – ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято*

*Намеренье – не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!*

(Бежит в цветник и везет тележку с большим.)

Юлия (смотря на него). Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Рославлев-старший(дoveзши до Юлии, останавливается; она отпирает аптеку, он поет.)

*Ваш лазарет я прикатил;
Пушусь опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!*

Юлия. Лишь только... что вы говорите?

Рославлев-старший. Лишь только б я вам угодил. Скажите, что вам нужно, я достаточно имею навык в этих травах, порошках, эликсирах, и, может быть, скорее выберу то, что требуется.

Юлия. Какое-нибудь легкое средство к воз-

буждению испарины.

Рославлев-старший. Дайте, примусь за дело. *(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою в стакане, между тем продолжает разговор.)* Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Юлия. Недавно.

Рославлев-старший. Он вам родственник?

Юлия. Несколько.

Рославлев-старший. Нет, от меня не кройтесь, я всё знаю, он вам чужой, совершенно чужой. Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Юлия. Не дивитесь, это делается не по рассудку, но по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет и скорей того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попекусь об этом недужном, и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в добрых делах, и тогда только называйте человека добродетельным. *(Между тем оправляет больного.)*

Рославлев-старший. Как мило она отклоняет от себя всё, что на лезть похоже. Вот рас-

твор, он готов, мне всегда был целебен. Ужасно противен вкусу, но во всяком случае безвреден. *(Подносит Рославлеву-младшему, тот рукой машет, что не хочет.)*

Юлия. Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Рославлев-старший. Как вам угодно; однако какая у него здоровая жилистая рука!

Юлия. Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Рославлев-старший. Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу от этих свивальников.

Юлия (торопливо удерживая его). Оборони боже, не делайте того; малейшее неосторожное прикосновение произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Рославлев-старший(отшедши, смотрит на больного издали). Передвижная мумия, одною ногою уже в гробе, а придется позавидовать жребию подобных ему жалких существ! Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

Когда в вас сердце признает

*Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участия, —
Ужель могли б вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью?
Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наслед-
ство,
Недужным помощь подает
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученье знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может состра-
дать,
Кто сам виною был страданью.*

Будьте искренны, — если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но добрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и всё свое блаженство, неужли бы вы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия. Отчего же нет; но, во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев-старший. Не русским? кем же, ради бога!

Юлия. Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев-старший. Напротив: мужчины, мы все боготворим вас.

Юлия. Свет не из одних мужчин составлен, ваши дамы...

Рославлев-старший. О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их будет из-за угла вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца невольно вырвались; но бесполезно вам высказать всё то, что я теперь чувствую! *(Осыпает ее поцелуями.)*

Рославлев-младший. Он не путем пристаёт!

Рославлев-старший. Больной простонал что-то.

Юлия. Он просится к себе, ему назад пора. *(Юлия идет к больному.)*

Рославлев-старший. Неужели мы расстаемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия. Я вам не запрещаю!

Рославлев-старший(отнимает у нее колясочку). Нет, уж это мое дело; покуда мы вместе, я буду возить больного; любовь села на козлы и правит.

За кулисами слышен хор.

*Любит обновы
Мальчик Эрот!*

В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу.

Рославлев-старший. Какая ярмонка! Что вы, с ума сошли?

Юлия. Пусть их тешатся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня! – У них нынче праздник!

Рославлев-старший(уходит с Юлией и увозит больного). Веселитесь, и я весел.

Явление 18

Пан Чижевский, писарж, Антося, Лудвися,
Андрей – слуга Рославлева-старшего (и
прочие).

Хор

Мазурка краковская

*Любит обновы
Мальчик Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед, —
Вожжи шелковы
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.*

Андрей. Эк, барин-та у меня не путем раз-
возился!

Пан Чижевский. Не он первый, не он по-
следний!

*Судьба проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,
Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай?
(2)
Имея счастье на примете,*

*Век целый возится народ, (2)
Везде возня на этом свете:
Кто возит, а кому везет! (3)*

Антося и Лудвися

*Пускай шумиху с возу счастья
Глупец хватает, вздернув нос,
И после с лихвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)
Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки,
Пока нас молодость везет! (3)*

Явление 19

Т*е же и Рославлев-старший (Андрей между тем заснул на столе).*

Рославлев-старший. Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашею веселостью: у меня и без того голова кругом идет!

Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается, зевая, и потягивается.

Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а в промежутках зевать!

Андрей (зевая и шатаясь). Да помилуйте!

Что же другое делать?

Жизнь наша сон...

Рославлев-старший. Молчать, пьяница! куда девался тот, – как его зовут!..

Андрей. Как его зовут? (*Опять принимается петь.*)

Жизнь наша сон...

Рославлев-старший. Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего рта. (*Про себя.*) Куда девался брат ее? мне непременно нужно видетсья и объяснитсья с ним. Пойду, отыщу его. (*Андрею.*) А тебя я знаю, как про-
резвить. (*Уходит.*)

Явление 20

Андрей (один). В песне-то не то сказано, как,
Абишь, я ее наладил:

*Жизнь наша сон! всё песнь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна;
Родятся люди, люди мрут,
И кое-как пока живут;
Куда как это всё забавно!
Как не зевать? всё – песнь одна:
Или ко сну, или со сна.*

*Иной зевает от безделья,
Зевают многие от дел,
Иной зевает, что не ел,
Другой зевает, что с похмелья!
Как не зевать и проч.*

*Актер в своей зевает роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая пишет журналист,
А сускрибент зевает боле!
Как не зевать и проч.*

*Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком*

*И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать и проч.*

Явление 21

Андрей и Юлия в мужском платье.

Юлия. Где твой барин?

Андрей. Мой барин... а вот он!

Явление 22

Рославлев-старший и Юлия, потом вся компания.

Рославлев-старший(входя, толкает Андрея вон). Прочь! Ах, любезный, новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.

Андрей уходит.

Юлия. Я пришел проститься с вами.

Рославлев-старший. Куда вы? как, уже в дорогу?

Юлия. У нас все готово, идти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отсель во всю конскую мочь.

Рославлев-старший. Ваша сестрица... стойте, погодите... у вас сестра – существо

необыкновенное!

Юлия. Я вам сказывал.

Рославлев-старший. Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Юлия. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградились против нежных впечатлений пылких страстей.

*Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Милльон страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым, —
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.*

*Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он, где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет —
Ему мы скажем: добрый путь!*

Рославлев-старший. Стойте, я ни за что не

отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым – всё наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

*Неужли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненьи?
Ужель не знает, что любовь,
Что сердца трепет, восхищенье?*

*Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает,
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?*

*Ах, точно ль для ее души
Еще счастливец не сыскался,
Который счастья б в тиши
Любви блаженством наслаждался?*

*Ах! нет, – он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процветать:
Любовь, блаженство, радость с*

вами!

Юлия. Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из заблуждения: сердце сестры моей давно уже равнодушно.

Рославлев-старший. К кому? как? равнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Юлия. Будьте терпеливы, дайте всё до конца открыть вам; но пуще не перебивайте меня ни в одном слове.

Рославлев-старший. Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Юлия. Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь; конечно, судьба этого хотела: мы недаром с вами здесь встретились.

Рославлев-старший. Какое таинственное начало!

Юлия. На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, брошенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилую наставницею; здесь она про-

вождала бóльшую часть времени: посещала хижины поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство и своею печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца и матери, приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнью: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них, по крайней мере для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаровательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснялся еще лучше.

Рославлев-старший. Ах, боже мой! уж это не я ли?

Юлия (в сторону). Вот не самолюбив!
(Громко.) Вы, конечно.

Рославлев-старший. Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего не знал.

Юлия. И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? я просил вас дотерпеть до развязки.

Рославлев-старший. Мог ли я выдержать? Продолжайте ради бога, продолжайте!

Юлия (в сторону). Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю. *(Громко.)* Вы тогда кружились в шумных веселостях, могли ли заметить смиренную провинциальную девушку, и которая, может быть, не смела равняться красотой с вашими знакомыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые вперед себя выставляли, – она была стыдлива, следовательно, по-вашему, робкая невинность вас бы самих обречь заставила. Наконец, она вас любила, а вы без примечания проходили мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце живейшим бескорыстнейшим чувством.

Рославлев-старший. Ах! это самая истина; я только теми и занимался, которые обманывали меня. – Но почему всё это вам известно, неужели эта Юлия, ангел на земле, сестра ваша?

Юлия (сбрасывает с себя конфедератку и шинель). Я сама.

Рославлев-старший. Боже мой! Какое пре-

вращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не известна, старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляла на успокоение других. – Ах! другим хорошо; но мне где найти утешение? Прочих тайн моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я всё объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был – последний наш разговор, последнее свидание.

Рославлев-старший. Как! чтоб мне с вами расстаться! едва верю всему, что слышу... иногда в романах начитывал что-то подобное... Я вне себя, я в восторге; нет, нет, я вас не пущу, сударыня!

Слуга (входит). Лошади готовы.

Рославлев-старший. Убирайся! пошел вон! Ах! повторите... мне еще раз об любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите о

расставаньи.

Пан Чижевский (входит). Ясновельможный...

Рославлев-старший. Будь проклят и оставь нас одних!

Юлия. Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на всё отваживаются для достижения цели?

Рославлев-старший. Я... чтоб смел приравнять вас...

Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец.

Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! *(Бросает им червонец.)* Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда.

Юлия старается от него освободиться. Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника.

Юлия. Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюда туда, где никто меня не сыщет.

Рославлев-старший. Нет! нет!

Антося и Лудвися входят.

Антося. Этакое презрение к нашему полу!

Лудвися. На коленях всю комнату изъездил!

Рославлев-старший. Оставьте нас; вам будет праздник, только после, идите!

Рославлев-младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу.

Рославлев-старший(вскрикивает). Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

Рославлев-младший (сбрасывает с себя одежду). Узнаешь ли?

Рославлев-старший. Брат?

Рославлев-младший. Как видишь, и вот моя жена, рекомендую!

Рославлев-старший. Какое дьявольское сплетение!

Антося

*Что, каково свели концы?
Вот с польками быть в ссоре!*

Лудвися

*Напрашиваясь в мудрецы,
Вы назвались на смех и горе.*

Пан Чижевский (кланяясь)

Позвольте ль и мне при том

*Сказать, ясновельможный, слово:
Как вас доехали путем, —
И вам в путь ехать всё готово!*

Рославлев-старший. Как я глуп был! о, как я был глуп! Однако, если дался ей в обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлев-младший. Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или в Петербург?

Рославлев-старший. К вам и как можно скорей, с прекрасной Юлией!.. А может быть, имя вымышленное, всё равно: с твоей женой! Знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Пан Чижевский. Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

Рославлев-старший. Делайте что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

Рославлев-младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

Рославлев-младший

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость всё туман,
Вечно люди будут падки
И к обманам и в обман,
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман.

Лудвися

Бойтесь, – нам твердят из детства,
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства, —
Он обманщик и тиран!
Знать обманы – жребий жалкий!
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки —
Вот несноснейший обман!

Пан Чижевский

Ян, как брат наш, без талана
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с дёнгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем и жупан,
То в болване и кармане

Ты найдешь пустой обман.

Андрей

Я в зевалах мастер ловкий,
Я зеваю трезв и пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызвать изъян.
Раз на винах и на жлудях
Прозевал я свой карман...
Зазевайся в добрых людях —
И тотчас попал в обман.

Рославлев-старший

«Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!»
Вопит Вралькин, так же громкий
И пустой, как барабан.
Счастлив он, пока с ним бродит
Самолюбия дурман;
Но вралей одних ли вводит
Самолюбие в обман?

Юлия (к зрителям)

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто – автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,

*Всем доволен шарлатан! —
Суд же публики правдивый
Не впадет никак в обман.*

Антося

*Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты или пан!
Что, как скажет зритель едкий,
Мненья общего оргán:
«Нас поддели, но напередки
Не заманите в обман!»*

Входят музыканты – жидаы, мазуры, поляки
и русские, и начинается дивертисмент.

Стихотворения

От Аполлона

*На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в
стихах)
Написаны и преданы тиснению
Не по его внушенью!
(Ноябрь 1815)*

Лубочный театр

*Comptable de l'ennui, dont sa muse
m'assomme,
Pourquoi s'est-il nomme, s'il ne veut qu'on
le nomme?[9]
Gilbert*

*Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас okazji разных:
Есть дикий человек, безрукая ма-
дам!
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин
тороватый,
Извольте видеть – вот
Рогатый, нерогатый
И всякий скот:
Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блесткин;
Они хоть не смешны, да сам зато*

уж он
Куда смешон! –
С ним вместе быть, ей-богу!
праздник.
Вот вам его Проказник;
Спроказил он неловко: раз упал
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научен – грешит перед партне-
ром,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит и пишет.
Вот Богатонов вам: особенно он
мил,
Богат чужим добром – всё
крадет, что находит,
С Транжирина кафтан стащил,
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняли у Буйного Соседа.
Что ж вы?.. Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И кстати ль?
Вот вам Загоскин – Наблюдатель;

Вот СЫН Отечества, с ним вечный
состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за со-
бою,
Да уж давно махнул рукою.
Махнул пером – отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером – отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

Эпитафии доктору Кастальди

I

*Из стран Италии – отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей
жизни...
Далеко от своих смерть близкую
обрел!*

II

*Брыкну́ла лошадь вдруг, скользнула
и упала, —
И доктора Кастальдия не стало!..
Апрель – май 1820*

(Н. А. Каховскому)

*Как же вас вносили на неприступный
status, quo ad praesentem[10] и как*

*Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пусты.*

3 мая 1820

Давид

Не славен в братиях измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко господу воскрилит звуки!
Услышал сам господь творец!
Шлет ангела: и светлозрачный
С высот летит на доли злачны;
Взял от родительских овец;
Елеем благодати небесной
Меня помазал. – Что ж сии
Велики братии мои?
Кичливы крепостью телесной!
Но в них дух божий, бога сил,
Господень дух не пропочил!
Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я отженя,
Во сретенье исшел: меня
Он проклял идолами своими;
Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил
И стыд отечества отъял,

Сынов Израеля прославил!

Романс

*Ах! точно ль никогда ей в персях
безмятежных
Желанье тайное не волновало
кровь?
Еще не сведала тоски, томлений
нежных?
Еще не знает про любовь?*

*Ах! точно ли никто, счастливец,
не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы
сгорал
В объятиях ее? в них негой упивал-
ся,
Роскошествовал и обмирал?..*

*Нет! Нет! Куда влекусь неробки-
ми мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-
нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! востор-
ги! трепет! – Вами,
Нет! – не моей душе процветать.*

Декабрь 1823 – январь 1824

«Крылами порхая, стрелами звеня...»

*Крылами порхая, стрелами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете
меня?
Решите задачу Эрота.*

*Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.*

Декабрь 1823 – январь 1824

Эпиграмма

*И сочиняют – врут, и переводят –
врут!*

*Зачем же врете вы, о дети? Де-
тям прут!*

*Шалите рифмами, нанизывайте
стопы,*

*Уж так и быть, – но вы ругаться
удальцы!*

*Студенческая кровь, казенные
бойцы!*

Холопы «Вестника Европы»!

1824

Отрывок из Гёте

Директор театра

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно, иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам
полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь
произвольно,
Чтоб большинство людей оста-
лось мной
довольно,
Которое живет и жить дает.
Дом зрелища устроен пребога-
тый,
И бревяной накат, и пол доща-
тый,
И всё по зву: один свисток —
Храм взыдет до небес, раскинется
лесок.
Лишь то беда: ума нам где до-
биться?
Смотрите вы на брови знатоков,
Они, и всякий кто́ каков,
Чему-нибудь хотели б удивиться;

А я испуган, стал в тупик;
Не то чтобы у нас к хорошему
привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушают, и ловят всё так жадно!
Чтоб были вещи им новы,
И складно для ума, и для души
отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я, при раздаче лож и кресел;
Кому терпенье – труден вход,
Тот получил себе – и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!
Как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит? – Поэт!
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожься, не мучь сует картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,

Толпу, которая пестреющей пучи-
ной
С собой противувольно нас вле-
чет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет;
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной
рукою.
Ах! часто, что отраду в душу
льет,
Что робко нам уста пролепета-
ли,
Мечты неспелые... и вот
Их крылья бурного мгновения
умчали.
Едва искупленных трудами мно-
гих лет,
Их в полноте красы увидит свет.
Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный потомству сохра-
нится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только
то,
Что духом все парят к потом-
кам отдаленным;

Неужто, наконец, никто
Не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как
чародей,
Присутствие порядочных людей!
Кто бредит лаврами на сцене и в
печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль
резец,
Изгибы обнажать сердце,
Тот поробеет ли? – Толпа ему и
кстати;
Желает он побольше круг,
Чтоб действовать на многих
вдруг.
Скорей Фантазию, глас скорби
безотрадной,
Движенье, пыл страстей, весь хор
ее нарядный
К себе зовите на чердак.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настужь, вполовину, так,
Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! – Что зрите-
лей манит?
Им видеть хочется, – ну живо

Представить им дела на вид!
Как хочешь, жар души излей крас-
норечиво;
Иной уловкою успех себе упрочь;
Побольше действия, сплетений и
развитий!
Лишь силой можно силу превоз-
мочь,
Число людей – числом событий.
Где приключений тьма – никто не
перечтет,
На каждого по несколько придет-
ся;
Народ доволен разойдется,
И всякий что-нибудь с собою поне-
сет.
Слияние частей измучит вас
смертельно;
Давайте нам подробности от-
дельно.
Что целое? какая прибыль вам?
И ваше целое вниманье в ком про-
будит?
Его расхитят по долям,
И публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в ви-

ду!
Обречь себя в веках укорам и сты-
ду! —
Не чувствует, как душу мне тер-
зает.

Директор

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей же-
лает,
Способнее оружие изберет;
Но время ваши призраки разве-
ять,
О, гордые искатели молвы!
Опомнитесь! – кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку
порассеять,
И скука вместе с ним ввалилась –
дремлет он;
Другой явился отягчен
Парами пенистых бокалов;
Иной небрежный ловит стих, —
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренья затемня-
ет,
И на устах бездушия печать;

Красавицы под бременем уборов
Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей вы-
соте?
Смотрите им в лицо! – вот те
Окременевшие толпы живым
утёсом;
Здесь озираются во мраке подле-
цы,
Чтоб слово подстеречь и погу-
бить доносом;
Там мыслят дань обрести кар-
тежные ловцы;
Тот буйно ночь проведет в объя-
тиях
бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенья Муз пре-
лестных!
Побольше пестроты, побольше
новизны, —
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

Поэт

Нет! нет! – негодование.
Пооди, ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжа-
нье,
Свободу, в жертву прихотей тво-
их?
Чем равны небожителям Поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца и всех обеты,
Стихии все во власть им преда-
ет?
Не сладкозвучие ль? – которое
теснится
Из их груди, вливает ту любовь,
И к ним она отзывная стремит-
ся
И в них восторг рождает вновь и
вновь.
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся
прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда создания все, слаба их
мысль обнять,
Одни другим звучат противуглас-
но,
Кто съединяет их в приятный
слуху гром

Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного течения?
Кто стройно размеряет их дви-
жения,
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники
тверды?
Превыше всех земных и суетных
честей,
Из бранных листьев кто чудно
соплетаёт
С веками более нетленно и све-
жей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чёла украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не
увядает?
Цветы роскошные родит перед нею
перст
Того, кто спутник ей отрад люб-
ви стезею;
По смерти им Олимп отверст,
И невечернею венчается зарею
Кто не коснел в бездействии
немом,
Но в гимн единый слил красу

небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол – душа Поэта.

1824

Телешовой

**в балете «Руслан и Людмила», где
она является обольщать витязя**

О, кто она? – Любовь, Харита,
Иль Перси, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг – как ветр ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной...
Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! —
Улыбка внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:

Созданье выпретенного мира
Скользит, как по зыбям эфира
Несется легкий метеор.
Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбеж-
ный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горячей страсти
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу, —
Всё в жертву он отдал тебе.
Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство – роз и пальм оби-
тель,
Которым Эльф обворожитель

*В сопутники природой дан,
О, нимфы, девы легкокрылы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы,
И безрассветны души их.
Певцу красавиц что в награду?
Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив
И небо ризой погребальной.*

Декабрь 1824

Хищники на Чегеме

*Окопайтесь рвами, рвами!
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, твержей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.*

*Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,*

На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева,
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? – Вон над тучей
Двувершинный и могучий[11]
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканью свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: – берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
Вглубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

Ждем. – Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече
И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим,
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

Узникам удел обычный, —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный;

*В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи! в чуже – плен!*

*Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрустала!
Пьем бузу! Стоиц, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!
Кам(енный) мост на Малке
Октябрь 1825*

«– По духу времени и вкусу...»

*– По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
– За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..*

*– Ему не свято ничего...
– Он враг царю!.. – Он друг сестри-
цын!..
– Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..*

1826

Освобожденный

Луг шелкóвый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. но я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места.
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

Июнь 1826

А. О(доевскому)

*Я дружбу пел... Когда струнам ка-
сался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя лю-
бил
И призывал, и о тебе терзался!..
О, мой творец! Едва расцветший
век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..*

Прости, отечество!

*Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно! —*

Мы молоды и верим в рай, —

И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжащим виденьем.
Постой! и нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? – Мы мудры
стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб,
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу,
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!!

—
Займемся былью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

«Там, где вьется Алазань....»

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах собирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно-юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть!..

Кальянчи

Отрывок из поэмы

Путешественник в Персии встречается пре-
красного отрока, который подает ему ка-
льян. Странник спрашивает, кто он, откуда.
Отрок рассказывает ему свои похождения,
объясняет, что он грузин, некогда житель Ка-
хетии.

*В каком раю ты, стройный, на-
сажден?*

*Какую влагу пил? Какой весной об-
веян?*

*Эйзедом ли ты светлым порож-
ден,*

*Питомец Пери или Джиннием
взлелеян?*

*Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовме-
щальный*

*И сквозь него проводишь легкий
дым, —*

*Воздушной пеною темнеет ток
кристальный,*

*И ропотом манит к забвенью,
как ручья*

Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасмин-
ной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого Ширазского ли-
ста
Глощают чрез нее мглу алые
уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоцен-
ной!

Когда ж чарующей наружностью
своей
Собрание ты осветишь людей —
Во всех любовь!.. Дервиш отбросил
четки,
Примрачный вид на радость об-
менил:
Не ты ли в нем возжег огонь по-
тухших сил?
Не от твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на ли-
це,
И заиграла жизнь на бывшем
мертвце?
Властитель твой – он стал лишь
самозванцем,

Он уловлен стыдливости румян-
цем,
И кудрей кольцами, по высоте ра-
мен
Влекущихся, связавших душу в
плен,
И груди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирю-
зою,
Твоими взглядами, под свесом
темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным,
миловидным,
Твоей, не скрытою покровами
одежд,
Джейрана легкостью и станом
пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, на-
сажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз
обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием
взлелеян?

«На Иора берегах,
В дальних я рожден пределах,

Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос – едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценный![12]

Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой по-
други?
Корысть ли дороже нам с сыном
разлуки?
Отвержен ли враном невинный
птенец?

Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;

Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Куришь, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам
горящим!

Пылай ты весельем окрест присе-
дящим,
Покуда спалишь ты последний пе-
нек!

Спал я. Вдруг взывают: „бой!“
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно – кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье – сече конец.
Вблизи огня брошен был труп,
обезглавлен.
На взор его мертвый был взор
мой уставлен,
И чья же глава та?.. О, горе!..
Отец!..

Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
„Будь он проклят, кровный твой!“
—

В слух мне клятва загремела —
„Твой отец разбойник был...“

*И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!*

*Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бес-
славным,
Лежать остается – он вепрям
дубравным,
Орлам плотоядным на снесь об-
речен!*

*Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...»*

Домовой

*Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожит нас дед-непо-
сед,
Зла творит много и множество
бед,
Ступней топочет, столами воро-
чит,
Душит, навалится, щиплет, ще-
кочит.*

Статьи, корреспонденции, путевые заметки

Письмо из Бреста-Литовска к издателю «Вестника Европы»

Июня 26-го дня 1814 г. Брест

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вестника Европы» должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего.

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден святого Владимира I степени. Неподрожаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При пер-

вом объявлении о монаршей милости любимому начальнику приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, питическое.

*Так день желанный воссиял,
И к генералу строй предстал
Пиштов всякого сословья;
Один стихи ему кладет
В карман, другой под изголовье;
А он – о доброта! какой примеров
нет —
Все оды принимает,
Читает их и не зевает. —*

Нет; он был тронут до глубины сердца, и подобно всем дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость. Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

*Вождь, избранный царем
К трудам, Отечеству полезным!
Се новым грудь твою лучом
Монарх наш озаряет звездным.
Державный сей герой,
Смирив крамолу
И меч склоняя долу,*

Являет благость над тобой,
Воспомянув твои заслуги неис-
считны:
Тогда, как разрушал он замыслы
наветны,
И ты перуны закалял,
От коих мир весь трепетал;
Тобою внушены кентавры,
Что ныне пожинали лавры
И в вихре смерть несли врагам.
Царь помнит то – и радость нам!
Скорее осушим, друзья, заздравны
чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья
наши
Меж окружающих сподвижников
твоих,
Не подчиненных зри, – друзей, сы-
нов родных.
В кругу приверженцев, в кругу
необозримом,
Ты радость обретешь в сердцах,
Во взорах, на устах.
Блаженно славным быть, бла-
женней быть
любимым!

Всё это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребы-

вание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали на место, где давали праздник, – одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб закончить нужные приготовления.

*Есть в Буге остров одинокой;
Его восточный мыс
Горою над рекой навис,
Заглох в траве высокой
(Преданья глас такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные там нынешней по-
рой;
Преданье кажется мне сказкой,
между нами,
Хоть верю набожно я древности
седой;
Нет, для окопов сих отцы не зна-
ли места,
Сражались, били, шли вперед,
А впрочем, летописи Бреста
Пусть (Каченовский)[13] разбе-
рет);
Усадьбы, города и села
И возвышенности и доли
С горы рисуются округ,
И стелется внизу меж вод пре-*

красный луг.
На сем избранном месте,
При первой ликованья вести,
Подъялись сотни рук;
Секир и заступов везде был слы-
шен стук.
Едва ль румянила два раза свод
небесный
Аврора утренней порой —
Все восприяло вид иной,
Вид новый, вид прелестный,
Творенье феиной руки.
Где были насыпи — пестрелись
цветники,
А где темнелись кущи —
Явились просеки, к веселию веду-
щи,
К красивым убранным шатрам,
Раскинутым небрежно по хол-
мам.
В середине их, на возвышенья,
Стояли светлые чертоги угоще-
нья;
Из окон виден их
В лугу разбитый стан для воинов
простых.
На теме острова был к небу флаг
возвышен,

Чтоб знак веселия узреть со всех
сторон,
И жерлов ряд постановлён,
Чтоб радости отзвѣв вездѣ был
слышен.
На скате ж, где приступен вал,
Один лишь вход удобный,
И город где являл
Картине вид подобный,
Воздвигнули врата искусною ру-
кой
Из копий, связанных цветами,
И укрепили их в полкруге над
столпами,
Униженными осокóй.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами оружие снабдило;
Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне, было, весьма хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блеск воинских

нарядов; к несчастью, никак не мог прибрать рифмы для лядунок и киверов, и так пусть будет это в прозе. Но то, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенном, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял безмолвен, удивлен, обрадован, растроган, потом взошел, или, лучше сказать, внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

*Сей вход отличиям условным был
рубёж;
Но случай подшутил, и что ж? —
Кто чином высшим украшался,
И доблестями тот отличней
всех являлся. —*

Взошед в галерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помещу оттого, что не спросился у кавалериста — сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими

живописными видами. – На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая всё место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник: всё пленяло взор наблюдателя, всё приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось на лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галлерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

*Уж запахом к себе манили яства,
Литавры грянули! – и новые при-
ятства,
Обед сближает всех,
С ним водворяется в собранье сто-
утех,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, приязнь,
непринужденность.
И, словом вам сказать,
Все радости сошлись нас уго-
щать.
Когда ж при трубах, барабанах*

*Заискрилось шампанское в стака-
нах,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зарделось, —
У всякого лицо от нектара крас-
нелось;
Но стихотворец тут перо свое
хоть брось.*

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

*И гости все едва ли
Из-за обеда встали,
Взялись за песни, остроты;
Тут излияния сердечны
Рекою полились: все в радости
беспечны!
Болтливость пьяного есть при-
знак доброты;
Пишты же, как искони доселе,*

*Всех более шумели,
Не от вина, нет; – на беду
Всегда они в чаду:
Им голову кружит другое упоенье*

Сестер Парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она сопутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6.500 рублей.

*Так посвящали мы – честь нашему собранью! —
Зававам час, другой же сострада-
нью.*

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпались по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Мало-помалу стало смеркаться, и

под вечер пригласили всех на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, всё в глазах их переменялось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галерея и всё место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки сельская картина, луга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей радости, нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

*Их взоры нежные шумливость
укрощают
И грустные сердца к веселью воз-
буждают.*

Несколько ракет известили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразиями искусственного огня горело вензелевое имя генерала и владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминирован. Дамы и офицеры смешались

вместе; в галлерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах *полубоярские* затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения, – такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

*Философы в ученом заточеньи,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам
есть досуг.
Здесь узрите вы дружный, брат-
ский круг,
Начальника, отца обширного се-
мейства.
Коль надобно – на смерть идут;
Не нужно – праздники дают.*

*У вас как будто чародейство:
От книг нейдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоро-
течность;
Они не истекут, доколе мы жи-
вим;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.*

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нам стоит 10.000 рублей кроме фейерверка. Кончая мою реляцию, желаю вам так же веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов.

P. S. Посылаю вам 1.000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно, заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

О кавалерийских резервах[14]

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего герцога, сей рассадник юных воинов, который единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорогокупленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был очевидцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частию, который в точности оправдал слова великого нашего государя, изъявившего ему во всемилостивейшем рескрипте[15], *что не нашел иного, коему бы можно было вверить столь важную часть.*

Все сие усмотрит читатель из обозрения кавалерийских резервов, которое я постараюсь сделать как можно внятнее и короче, не входя в излишние подробности.

18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов рескрипт о принятии его в службу и повеление приготовить в Мурома 9.000 кавалерии и по два эскадрона для каждого гвардейского полку. Формирование, возложенное прежде на генерала графа Толстого, не было еще начато по многим важным причинам. – Ни людей, ни лошадей, ни материалов для обмундировки, ниже каких необходимых пособий не было. Едва начали собираться толпы рекрут, как был сказан поход в Новгород-Северск, а не доходя до места, получено повеление итти на Могилев Белорусский. Между тем план формирования переменин и сделан гораздо обширнее. – Повелено было сформировать для каждого армейского полку по два эскадрона из 200 нижних чинов. В Могилеве однако всё более и более приходило в устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съезжаться офицеры, которые все, подстрекаемые духом достойного их

начальника, пылали благородным соревнованием, чтобы споспешествовать к славе действующей армии, и доказательство сему не двусмысленно. В начале марта 1813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму и, едва успела туда вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников испытанных, закоснелых в военном ремесле, и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! в толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы в праве ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии с блестящей наружностью искусные в построениях и всем отличные, достойные телохранители великого! – Но что? одобрение его величества по прибытии их во Франкфурт есть несомненный знак их достоинства.

Из Слонима перешли все кавалерийские резервы в Брест-Литовский и оттоле отпра-

лялись ежемесячно в действующую армию по десяти, двенадцати, двадцати, а в разные времена от августа до января пошло в армию 113, ныне же в готовности 150 эскадронов. И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев, образовалось 65.000 кавалерии.

Кто когда-либо служил в кавалерии, кто хоть малейшее имеет понятие о трудностях сей службы; кто приведет себе на память, что прежде сего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприяли свое начало; кто расчислит, какие запутанности встречаются при начале всякого важного и огромного государственного дела; кто взвесит обстоятельства, коих не в силах отворотить никакая предусмотрительность, например: отдаленность губерний, из коих приводятся лошади, порча их на дороге, неопытность иных гражданских чиновников, коим поручено было в губерниях принимать, разбирать, отводить ремонты и так далее; кто притом знает, чего стоит в кроткого земледельца внушить дух бранный, чего стоит за-

ставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским уставам, — тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2.000 верст) по краям, опустошенным неприятелем; подивится войску, ополченному в случайностях войны, как бы в тишине мира, под сению которого редко что требуется к спеху, и дается времени столько, сколько потребно для совершения нужного дела.

К вящему доказательству, как успешно формировалась кавалерия, служит конница Польской армии, стоявшая под Гамбургом, равно как и большая часть бывшей во Франции, которая вся составлена генералом Кологривовым; притом эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его наголову и взял 200 нижних чинов в плен; также и

Сумской ударил один на два эскадрона и обратил их в бегство, имея в виду сильное неприятельское подкрепление. Теперь, обозрев быстрое и успешное формирование, займемся другим не менее важным предметом.

Утихла буря на политическом горизонте; уже не отзываются громаы ее, и мир, как благотворный луч солнца, озаряет гражданскую деятельность; истинный патриот, не помышлявший о своем стяжании тогда, когда отечество, удрученное бедствиями, взывало к нему, ныне в мирном досуге рассчитывает убытки, претерпенные государством. Убытки сии неизбежны в военное время. Но скажем, к успокоению людей, пекущихся о народном благосостоянии, что кавалерийские резервы, относительно к огромности сего учреждения, весьма мало стоили казне не по одному только бескорыстию командующего сею частию (я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях); нет! не мудрено[16] было бы ему, единственно занятому важным поручением, и прости-

тельно даже не иметь внимания к экономическим расчетам, по-видимому несовместным с пылким духом ревностного военачальника. Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономии, и покажем это на опыте.

В Муроме делались заготовления провианта и фуража на 12.000 человек и 90.812 лошадей. Генерал Кологривов, по прибытии своем туда, прекратил сие, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло притти в одно время и содержаться в одном месте. Последствия оправдали принятые им меры; ибо резервы переменили квартиры, а бесполезные заготовления продались бы с публичного торгу гораздо дешевле, чем стоили казне: таким образом сбережено более полумиллиона казенной суммы.

Военным министерством назначено было употребить вольных ремесленников для скорейшего обмундирования нижних чинов и для делания конского прибора. Сие оказалось ненужным: хозяйственными распоряжения-

ми, употреблением своих мастеров и приучением наиболее к ремеслу рекрут всё сделано равно поспешно, а казенные издержки уменьшены более чем на 200.000 рублей.

С самого начала формирования приводились лошади не только в изнурении, но и в болезнях; должно было продавать их с публичного торгу. Но генерал Кологривов, почитая всегда священнейшею обязанностью пещись о сохранении государственной пользы, завел на свой счет конский лазарет, в коем лошади по большей части вылечиваются и обращаются на службу. Основание и содержание сего заведения не стоит казне ничего, кроме корма лошадям.

Скажу еще одно слово о продовольствии войска, об этой необозримой части государственных расходов. Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались. Польза, проистекавшая от того для казны, можно сказать неисчислима; ибо только во время пребывания кавалерийских резервов в

Брестском и соседственных поветах уменьшение казенных издержек простирается до нескольких миллионов.

Впрочем, нельзя упомнить всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который могла претерпеть казна. Конечно, должно бы более сказать о ревности его к службе, об известной опытности, о невероятных его стараниях и о чудесной деятельности; но он, сколько я знаю, не любит небрежные, хотя правдивые, хвалы; касательно ж до читателей, верно всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя! Хвала мудрому государю, умеющему избирать и ценить достойных чиновников!

О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»

*Iniquitas partis adversaE justum bellum
ingerit.[17]*

Я читал в «Сыне Отечества» балладу «Ольга» и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, – это очень важно, если только справедливо; сомневаюсь, подлинно ли оно так; дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии!

Г. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже, следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образец логики г. рецензента. Может быть, иные не одобряют оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? Г. рецензент читает новое стихотворение; оно не так написано, как бы ему хоте-

лось; зато он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале, и не подписывает своего имени. – Всё это очень обыкновенно и уже никого не удивляет.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике; она, напр(имер), никак не допускает, чтоб

*Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.*

Вступать в город под звон колоколов, плясать под музыку. – Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением, но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно.

Между тем уважим прихоти рецензента, рассмотрим по порядку всё, что ему не нравится.

Во-первых, он не жалуется баллад и повторяет сказанное в одной комедии, что «одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить в сем роде сочинений странный выбор предметов». Странный выбор предметов, т. е. чудесное, которым наполнены баллады –

признаюсь в моем невежестве: я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения.

В «Ольге» г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее.[18]

Также ему не по-сердцу восклицание *ах!* когда оно вырывается от души в стихах:

*Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.*

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую страну:

*На сраженье пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с трубами
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.*

Слово *турк*, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова, и в простона-

родных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: с *песнями*. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез которую описание делается живее; и вот что нужно г. рецензенту: его длинная рецензия доказывает, что он не из краткости бьется.

Далее он изволит забавляться над выражением: *слушай, дочь* – «подумаешь, – замечает он, – что мать хочет бить дочь». Я так полагаю, и верно не один, что мать просто хочет говорить с дочерью. —

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

*... В Украине дальней
Если клятв не чтя своих,
Обошел налой венчальной
Уж с другою твой жених.
Он находит, что проза его гораз-
до лучше:*

*Может быть неверный
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.*

Так переводит он из Бюргера; не видно, между тем, почему это хорошо, а русские стихи дурны. Притом г. рецензенту никак не хочется, чтобы налой, при котором венчаются, назывался налоем венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет: *слезный* ему кажется слишком сухим, в другом тон мертвеца слишком грубым. В этом, однако, и я с ним согласен: поэт не прав; в наш слезливый век и мертвецы должны говорить языком романическим. Nous avons tout change, nous faisons maintenant la medecine d'une methode toute nouvelle.[19]

Вот как в балладе любовник-мертвец говорит с Ольгой:

*«Мы лишь ночью скачем в поле;
Я с Украйны за тобой:
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».*
– *«Ах, войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»*

* * *

– *«Пусть он свищет, пусть колы-*

шет,
Что до ветру мне? Пора!
Ворон конь мой к богу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелюю,
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

* * *

- «Где живешь? скажи нелестно:
Что твой дом? велик? высок?»
– «Дом землянка». – «Как в ней?» –
«Тесно».
– «А кровать нам?» – «Шесть до-
сок».
– «В ней уляжется ль невеста?»
– «Нам двоим довольно места».

Стих: «в ней уляжется ль невеста?» заста-
вил рецензента стыдливо потупить взоры; в
ночном мраке, когда робость любви обыкно-
венно исчезает, Ольга не должна делать тако-
го вопроса любовнику, с которым готовится
разделить брачное ложе? – Что же ей? пре-
даться тощим мечтаниям любви идеаль-
ной? – Бог с ними, с мечтаниями; ныне в ка-
кую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь,

песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос.

*Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом,
Обвила ему вокруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица
Как стрела, как пращъ, как пти-
ца,
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.*

Эта прекрасная строфа, сверх чаяния, по-
правилась и г. рецензенту; он только замеча-
ет, что поэт дал слову *пращъ* значение, ему
несвойственное; – наконец, исписав 17 стра-
ниц, г. Р(ецензент) дописался до замечания
справедливого. Скажу только, что слово *пращъ*
в таком смысле, как оно принято в «Ольге»,
находится также в одном месте у г. Жуковског
о:

*От стука палиц, свиста пращей,
Далече слышан гул дрожащий.*

*Стихотв(орения) Жуковск(ого), т.
I, стр. 107.*

Потом г. р(ецензент), от нечего делать, предлагает несколько вопросов для решения, – от нечего делать, говорю я: потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, напр(имер), в стихах:

*Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор,
С двери вдруг, хлыста ударом,
Спали петли и запор.*

Он спрашивает: что такое *наскакал на забор*? Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что *наскакал на забор* значит: примчался во всю прыть к забору. – «С какой двери (продолжает он) спали петли», и пр. – С той же, на которую в переводе у г. рецензента: *седок поскакал, опустив узду*. Далее в стихах:

*На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю – провалился
И навеки с глаз пропал.*

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? – Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. Он свою рецен-

зию прислал из Тентелевой деревни С(анкт)-П(етер)-б(ургской) губернии; нет ли там колонистов? не колонист ли он сам? – В таком случае прошу сто раз извинения. – Для переселенца из Немечины он еще очень много знает наш язык. Но к концу рецензент делается чрезвычайно весел. Ему не нравится, что

*Ольга в страхе, без ума,
Неподвижна и нема,
и он хочет ее уронить.*

– Да, да! – ведь у Бюргера, – говорит он, – могла же она упасть и лежать. Надобно ее непременно уронить. Куда девалась ваша стыдливость, г. рецензент?

Но за этим следует замечание, которое похоже на дело. В балладе адские духи припевают погибшей Ольге:

*С богом в суд нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грешну душу бог прости.*

Точно, не шло бы адским духам просить бога о помиловании грешной души, хотя это и у Бюргера так: однако три первые стиха, по-

моему, более походят на злобные укоризны, на иронию, чем на проповедь, вопреки г. рецензенту: но, видно, участь моя ни в чем с ним не соглашаться. Его суждения мне не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленький предрассудок, над которым он верно будет смеяться: напр(имер), я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен между прочим хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в русском языке переведет с немецкого:

*Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhengtem Zigel,*

т. е. «пустился во весь опор на железные решетчатые ворота».

Кто переведет это таким образом, как г. р(ецензент): «*быстро на железную решетчатую дверь поскакал (седок), опустив узду*». Так точно французское *ventre a terre*[20] можно перевести брюхом по земле.

У Бюргера Ленора говорит:

Verloren ist verloren.[21]

*А Ольга в русской балладе:
Нет надежды, нет, как нет!*

Рецензент кричит: *Нет! не то! не то! не то!* Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. Но если верить г. рецензенту, он сам по себе не вооружился бы против Ольги, взыскательные неотвязчивые читатели его окружают. Они заставили его написать длинную критику. Жалею я его читателей; но не клевет ли он на них? – В противном случае, зачем было говорить с ними так темно: *«Что касается до меня, то я право ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме того, что, так сказать, нейдут в душу»*. Такой нескладный ответ, натурально, никого не удовлетворит: с неугомонными читателями надобно было поступить проще; надобно было сказать им однажды навсегда: *«Государь мои! не будем толковать о поэзии! она для нас мудреная грамота, а примитесь за газеты»*. Читатели бы отстали, а бесполезная и оскорбительная критика в журнале не наполнила бы 22-х страниц.

Но нет! г. рецензент не мог отговориться:

судить криво, бранить – какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении – подвиг немноготрудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия вроде той, которая сделана на «Ольгу». – Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт – лучшее доказательство.

Переношусь в Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в стихах и в прозе, ко мне, будто невзначай, попалась в руки «Людмила». Читаю и на первом стихе второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманит отдаленье.

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то слишком фигурно, а отдаление просто значит, что предмет удаляется; если принять, что пыль туманит отдаленье, можно будет сказать: что она туманит *удаленье и приближенье*. Но за сим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для рифмы. О, рифма![22] Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость!
Ах! прости надежда-сладость.

Надежда-сладость. – Опять-таки для рифмы! Одно существительное сливают с другим, для того, чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нем необходимо. Напр(имер), девица-краса, любовник-воин, но надежда – всегда сладость. – Далее мать говорит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

.....
Не призвать минувших дней

.....
Что прошло, не возвратимо.

.....
Возвращу ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта – заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчаяние. Вообще, как хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать? Должно думать, что за безрассудные слова, ибо под концом усопших хор ей завывает:

*Смертных ропот безрассуден,
Час твой бил – и пр.*

Но где же этот ужасный ропот, который навлек на нее гнев всевышнего? Самая богобоязненная девушка скажет то же, когда узнает о смерти своего любезного. *Царь небесный нас забыл* – вот самое сильное, что у ней вырывается в горести, но при первом призраке счастья, когда она мертвеца принимает за своего жениха, ее первое движение благодарить за то бога, и вот ее слова:

*Знать тронулся царь небесный
Бедной девицы тоской!*

Неужели это так у Бюргера? Раскрываю «Ленору». Вот как она говорит с матерью:

*O Mutter! Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben.[23]*

Извините, г-н Бюргер, вы не виноваты! Но возвратимся к нашей Людмиле. Она довольно погоревала, довольно поплакала, наступает вечер.

*И зеркало зыбких вод
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны.*

Облеченны вместо облечены нельзя сказать; это маленькая ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов! Но чу! бьет полночь! К Людмиле крадется мертвец на цыпочках, конечно, чтоб никого не испугать.

*Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шопотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила,
Помнит друга иль забыла?» и
т(ак) далее.*

Этот мертвец слишком мил; живому человеку нельзя быть любезнее.

После он спохватился и перестал говорить человеческим языком, но всё-таки говорит много лишнего, особенно когда подумаешь, что ему дан краткий, краткий срок и миг страшен замедленья.

*Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.*

Такие стихи:

*Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски.*

И не прощаются в хорошем стихотворении.

*Поздно я пустился в путь,
Ты моя – моею будь!*

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтоб уговорить Людмилу за собою следовать, очень оригинален:

Чу! совы пустынной крики!

*•••••
Едем, едем. . .*

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив, и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это чу! слишком часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!

•••••
Чу! полночный час звучит.

•••••
Чу! в лесу потрясся лист!
Чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в «Людмиле» есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзый конь заржал.

•••••
Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь? колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы,

например, после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукой и помчалась с ним:

Скоком, лётom по долинам. —

Дорóгой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвый и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги». Но что ж? Людмила верно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

*Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом – земли утроба.*

Впрочем, дорóгой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени, которые

*Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились.*

И вкрут ее:

*Поют воздушны лики,
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок,*

Будто плещет[24] ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую ранний ветерок.

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

Чтоб не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю с себя маску привязчивого рецензента и, в заключение, скажу два слова о критике вообще. Если разбирать творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет – не стоит того, чтобы писать критику; если же есть, то рассмотреть, какого они рода? много ли их или мало? Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения. Вот чего рецензент «Ольги» не знает или знать не хочет.

Июль 1816

О переводе «Семелы» Шиллера

Вы знаете прекрасные сцены Шиллеровой «Семелы». По усиленной просьбе моей, А. А. Жандр согласился перевести их на русский язык и добавить от себя, чего недостает в подлиннике. Вообще он обогатил целое новыми, оригинальными красотами. И в отрывке, который при сем препровождаю, лирическое во втором явлении от слова до слова принадлежит ему. *Грибоедов.*

1817

Письмо к издателю «Сына отечества» из Тифлиса от 21 января (1819 г.)

Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу (не мысленно, а по почте: одно другого побеспокойнее!); вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова, *Россия локтем возлегла*, но теперь его подвинула уже гораздо далее. Окрут

меня неплодные скалы, над головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди светлелись снежные верхи гор, куда я вскоре потом взобрался и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы; но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась: крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы; оттуда один шаг до *Тифлиса*, и я уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачú им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; люблю и теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда об них думаю, навещаю у приезжих обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; всё, что оттуда здесь узнать можно, самые незначущие мелочи сильно действуют на меня, и даже *газетные* ваши вести я читаю с жадностью.

Теперь представьте мое удивление: между

тем, как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на-днях, перебиравши листки *Русского Инвалида*, в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут... И было порадоваться, но что ж прочел? Пишут из *Константинополя от 26 октября*, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя. Это меня и опечалило, и рассмешило.

Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значущем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей, и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно б было

кажется усомниться, тем более что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь. Возмущение народа не то, что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, ни обширна наша Россия. И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет, во-первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что *немецкий граф* – одно и то же: ни тот ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, всё так спокойно и смирно, как бы в земле, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, сберегатели частных прав, каждого удовлетворяют сообразно с правосудием.

На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу *рамбавии* (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда, конечно, из наших никто прежде не заходил. На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои нарумяненные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в *Инвалиде*. В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются; зажиточные исчисляють, сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени, проповедуют Ш(тиллингов) золотой Иерусалим с жемчужными воротами, недостаточные работают; дети их каждое утро являются на улицах и в до-

мах с духовными виршами механика К***, которых никто не слушает, и с ковришками, которые все раскупают, и щедро платят себе за лакомство, им на пропитание. Вечером в порядочных домах танцуют, на *саклях* (террасах) звучат бубны и завывают песни, очень приятные для *поющих*. Между тем город приметно украшается новыми зданиями. Всё это, согласитесь, не могло бы так быть в смутное время, когда богатым татарским князьям пришло бы в голову возмущать всеобщее спокойствие.

Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии *Ермолова*. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно. Имея притом в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и раз-

рыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору *Пестелю* занять Башлы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные, обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбуждителям этого скопления дарована пощада, и одним словом никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним Главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и народов, ему вверенных, — и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем. Впрочем, если и принять в уважение, что экспедиция, о которой я сейчас упомянул, причиною толков о мнимом грузинском бунте, на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать? Они ясно показывают, что события с Кавказской линии также не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случа-

ется в Финляндии.

Я бы, впрочем, не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может.

А где настоящий источник таких вымыслов? Кто первый их выпускает в свет? Какой-нибудь армянин, недовольный своим торгом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передается другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьему не труд-

но мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до «Гамбургского Корреспондента», от которого ничто не укроется, а у нас привыкли его от доски до доски переводить, так как же не выписать оттуда статью из *Константинополя*?

Потрудитесь заметить почтенному редактору «Инвалида», что не всяким турецким слухам надлежит верить, что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться *краем забвения*, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно.

Заметка по поводу «Горя от ума»

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, – так мне ли роптать? – В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, – но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной – дар, искусство; с другой – восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственной личностью, нежели автором и его произведением? Притом, сколько привычек и условий,

ни мало не связанных с эстетической частью творения, – однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда к стати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четыре-х сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, – и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) – искусство угождать ей, то есть делать глупости.

1824—1826

Частные случаи петербургского наводнения

Я проснулся за час перед полднем; говорят, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили с крепости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным троттуарам; скоро их захлеснуло; еще несколько минут, и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья (это было на Торговой, в доме В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас не скоро дойдет; бегаю, распоряжаю – и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса – и тут воды со всех сторон нахлынули, люди с частью вещей перебрались на чердак, сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у Н. П. – Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хоте-

лось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за час пролегла оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. К театральной площади, от конца Торговой и со взморья, горизонт приметно понижается; оттуда бугры и холмы один на другом ложились в виде неудержимого водоската.

Свирепые ветры дули прямо по протяжению улицы, порывом коих скоро воздымается бурная река. Она мгновенно мелким дождем прыщет в воздухе и выше растет и быстрее мчится. Между тем в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука ежедневного человеческого; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упавшую надежду. Первая – гобвахта какая-то, сорванная с места, пронеслась к Кашиному мосту, который тоже был сломлен и опрокинут; лошадь с дрожками долго боролась со смертью, наконец уступила напору и увлече-

на была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи, отломки от строений, дрова, бревна и доски – от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных, различить было невозможно. Вид стеснен был противустоящими домами; я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший и в панораме пространное зрелище бедствий. С правой стороны (стоя задом к Торговой) поперечный рукав на место улицы между Офицерской и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спирались, их с троттуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отсюда обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы; всё изломанное в щепки несло, влеклось неудержи-

мым, неотразимым стремлением. Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще неопрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна (девушка)[25], которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостью членов. Всё это осиротело. Где отцы их, матери!! Возвратясь в залу к С., я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иные совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин уличной поверхности. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами. Между тем вода с четверть часа остановилась на той же высоте, вдали появились два катера, наконец волны улеглись и потоп не далее простер смерть и опустошение; вода начала сбывать.

Между тем (и это узнали мы после) сама Нева против дворца и адмиралтейства гора-

ми скопившихся вод сдвинула и расчленила огромные мосты Исакиевский, Троицкий и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли и с ними люди, иные истощавшие последние силы поверх зыбей, другие на деревьях бульвара висели над клокочущей бездною. В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от потопления, но вскоре исчез из виду, и во весь этот день о нем не было вести. Граф Милорадович в начале наводнения пронесся к Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, как пароходные крылья, рыли бездну, и он едва мог добраться до дворца, откудова, взявши катер, спас нескольких.

Всё, по сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской, было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов выписные изделия быстро поплы-

ли к Аничкову мосту; набережные различных каналов исчезали и все каналы соединились в одно. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядами, исторгнутые, вверх корнями. Ограда ломбарда на Мещанской и другие, кирпичные и деревянные, подмытые в основании, обрушивались с треском и грохотом.

На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Набережные железные перилы и гранитные пиластры лежали лоском. Храповицкий[26] отторгнут от мостовых укреплений, неспособный к проезду. Я перешел через него, и возле дома графини Бобринской, среди улицы очутился мост с Галерного канала; на Большой Галерной раздутые трупы коров и лошадей. Я воротился опять к Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез. По плывучему лесу и по наваленным поленам, погружаясь в воду то одной ногою, то другою,

добрался я до Матилловых тоней. Вид открыт был на Васильевский остров. Тут, в окрестности, не существовало уже нескольких сот домов; один, и то безобразная груда, в которой фундамент и крыша – всё было перемешано; я подивился, как и это уцелело. – Это не здешние; отсюда строения бог ведает куда унесло, а это прибило сюда с Ивановской гавани. – Между тем подошло несколько любопытных; иные, завлеченные сильным спиртовым запахом, начали разбирать кровельные доски; под ними скот домашний и люди мертвые и всякие вещи. Далее нельзя было идти по развалинам; я приговорил ялик и пустился в Неву; мы поплыли в Галерную гавань; но сильный ветер прибил меня к Сальным буянам, где, на возвышенном гранитном берегу, стояло двухмачтовое чухонское судно, необыкновенной силою так высоко взмощенное; кругом поврежденные огромные суда, издалека туда заброшенные. Я взобрался вверх; тут огромное кирпичное здание, вся его лицевая сторона была в нескольких местах проломлена, как бы десятком стенобитных орудий; бочки с салом разметало повсюду; у ног

моих черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумаг с надписью: «‡ 16, февр. 20. Дела казенные».

Возвращаясь по Мясной, во втором доме от Екатерингофского проспекта заглянул я в нижние окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трех столах. Я вошел во внутренний двор, – ни души живой. Проникнул в тот покой, где были усопшие, раскрыл лица двоих; пожилая женщина и девочка с открытыми глазами, с оскаленными белыми зубами; ни малейшего признака насильственной смерти. До третьего тела я не мог добраться от ужаснейшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленников или скончавшихся иною смертью. На Торговой, недалеко от моей квартиры, стоял пароход на суше.

Необыкновенные события придают духу сильную внешнюю деятельность; я не мог оставаться на месте и поехал на Английскую набережную. Большая часть ее загромождена была частями развалившихся судов и их груза. На дрожках нельзя было пробраться; пе-

решед с половиною версты, я воротился; вид стольких различных предметов, беспорядочно разметанных, становился однообразным; повсюду странная смесь раздробленных <...> [27]

Я наскоро собрал некоторые черты, поразившие меня наиболее в картине гнева расшвирипевшей природы и гибели человеков. Тут не было места ни краскам витийственности, от рассуждений я также воздерживался: дать им волю, значило бы поставить собственную личность на место великого события. Другие могут добавить несовершенство моего сказания тем, что сами знают; г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здесь уже не будет.

Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия. Река возвратилась в предписанные ей пределы; душевные силы не так скоро могут притти в спокойное равновесие. Но бедствия народа уже получают воз-

можное уврачевание; впечатления ужаса мало-помалу ослабевают, и я на сем останавливаюсь. В общественных скорбях утешен мыслию, что посредством сих листков друзья мои в отдаленной Грузии узнают о моем сохранении в минувшей опасности, и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем.

Ноябрь 1824

Загородная поездка

Отрывок из письма южного жителя

На высоты! на высоты! Подальше от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник. Но куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? – в Парголово.

В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы. Не роскошные окрестности! Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели;

жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрипучий песок – всё это не располагает странников к приятным впечатлениям. Подымаемся на пригорок и на другой (кажется, на шестой версте); лошадям тяжело, но душе легче, просторнее. Отсюда взор блуждает по бесконечной поверхности лесной чащи. Те же ели, но под скудную тенью их редких ветвей, в их тощей зелени, в бездушных иглах нет отрады, теперь же, с крутизны холма, пирамидальные верхи их сглажены, особенности исчезли; под нашими ногами засинелся лес одной полосой, далеко протяженною, и вид неизмеримости сообщает душе гордые помышления. – В сообществе равных нам, высших нас, так точно мы, ни ими, ни собою не довольные, возносимся иногда парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения!

Другого рода мысли и чувства возбуждает, несколько верст далее, влево от большой дороги, простота деревенского храма. Одинок, и построен на разложистом мысе, которого под-

ножие омывает тихое озеро; справа ряд хижин, но в них не поселяне. Нежная белизна красавиц и торопливость их услужников напоминают... не знаю именно, о чем; но здесь они менее озабочены чинами всякого рода.

Вот и край наших желаний. Всё выше и выше, места картинные: мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по нескольку вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины, – доехали.

Тут всякий спешит на дерновую площадку, на которую взбегают уступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просек виднеются вдали верхи башен петербургских. Так рассказывают, но мы ничего не видали. Наше зрелище ограничивалось тем живописным озером, мимо которого сюда ехали; далее всё было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении. В замкнутой изящной отдаленности, мы любовались тем, что было ближе. Под нами, на берегах тихих вод, в перелесках, в прямизнах аллей,

мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские, с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? – Приходим назад: то место было уже наполнено белокурами крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полу-европейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он

конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами.

Песни не умолкали; затянули: *Вниз по матушке по Волге*; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена! как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили ни красоты девичьей, ни седины старческой, а, по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота, и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостью и славили в песнях.

Время длилось. Северное летнее солнце, как всегда перед закатом, казалось неподвижно; мой товарищ предложил мне пуститься верхом, еще подальше, к другой цепи возвышений. Сели на лошадей, которые здесь сродни горным мулам, но из нашей поездки ничего не вышло, кроме благотворного утомления для здоровья. Дым от выжженных и курившихся корней носился по дороге. Солнце в этом мраке походило на ночное светило. Возвратились опять в Парголово; оттуда в город. Прежнюю дорогою, прежнее уныние. К тому же суровость климата! При спуске с одного пригорка мы разом погрузились в погребной, влажный воздух; сырость проникала нас до костей. И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава; если своротить туда, тинистые хляби вместо суши. На пути не было никакой встречи, кроме туземцев финнов; белые волосы, мертвые взгляды, сонные лица!

Июнь 1826

Характер моего дяди

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историкую предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэллировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил

сплетнями. Образец его нравоучений: «я, брат!..»

Путевые записки

I. Путешествие от Моздока до Тифлиса

Октябрь 1818

1-й переход

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светлооблачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего. Караван, описание, странствующие 600 (человек): ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад – темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.

2-й переход

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час от часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобразуются в дубраву. Смещение времен года; тепло, и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смещение зелени. Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем гусем, всё круче, зов товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальт. На ближнем холме расположим приют.

Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей. Приезжаем к Кумбалеевке; редут. Вечером иллюминация.

3-й переход

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как плотно, навешан в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма облом-

ков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет – со-слать. Владикавказ на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут не глупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть в Владикавказе.

4-й переход

Аул на главе горы налево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо. Замок оссетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево. Подъем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни восхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель. Копны, стога, лошаки на вершине.[28]

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

5-й переход

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества камней; иные из них огромны, один разделен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель.

Под иными оссетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необъятен, – каков же был прежде! Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, *pittoresque*[29]. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора в 25-ти верстах. Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

6-й переход

Ужасное положение Коби – ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем всё по косягу; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и всё камни и снега, солнца не видать. Всё вверх, часто проходим

через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех оссетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, слишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка; едва можно различить на крутой уединенной горке оссетинские жилища. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни оброшенные; на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-по-малу пропадает, всё начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен,

хат, селений, стад овец и коз (по камням всё ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди деревьев, другие в лесу, которые как привешены к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду – грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремится в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспоминание о прежних, – горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посаканур.

Мы в дрожках; один из нас правит.

7-й переход

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблони, груши, сливы, тополи, клен; на скалах руины, много замков. Ананур, карантин. Удаляемся вправо от Ананура. Душет. Замок и замки. Наша квартира как.....[30]

8-й переход

О тъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев.

Отдельные заметки

Я лег между обгорелым пнем и лесистым бубком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними большие деревья. Холмы из-за дерев, фазан в роще; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

Изгибистый Терек обсажен лесом от Моздока до Шелкозаводска. В станицах старообрядцы и жены на службе у гребенцев, дети вооружены. От 15 – до 100 лет. Из 1600—1400 служат.

Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, – нынче самих продавцов вешают.

Телава и Сигнах взбунтовались в 1812 г. В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как

дичь. Коменданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски.

Исправник Соколовский не берет взяток и не имеет жены, которая, из низкого состояния вышедши в классные дамы, поощряла бы мужа к лихоимству.

Казачи бежали. Цицианов спросил подобно царю Ираклию: «Горы их на том же месте? Ну, так и они воротятся».

На мудрое уничтожение стряпчих Цициановым – мерзость провиантских комиссаров. Не скупают вовремя хлеб, всё хотят дешевле. Время уходит, и они, в зимнюю пору и в отдаленных местах, подряжают несколько тысяч арб; волы падают без корма. За отпуск пыли деньги выморжают. Жители обременяются и войска не довольствуются вовремя.

Амилахваров в башне.

Внизу сторожа, в среднем этаже он сам, в верхнем его казна. Вместо окон скважины.

Начальствовал в Кахетии. Смененный получил 2000 руб. сереб(ром) пенсии, которую и сберегает. «Русские даром ничего не дают. Коли придерутся: вот им за 14-ть лет пенсия обратно».[31]

II. Путевые письма к С. Н. Бегичеву

29 января – середина февраля 1819

29^{-го января}

Прелюбезный Степан Никитич!

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако, не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин, и даже князь, который почти не живет в вещественном мире, а всё с своими идеальными Холминскими и Ольгиными, – и угадали, что я вряд ли в Тифлисе найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуэль, карты и болезнь.

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня

моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом (не) сомневаюсь. Кажется, что он меня полюбил, а впрочем, в этих тризвездных особах не трудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre a la Perse».[32] Он рассмеялся, казал[33], что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! – А с нами что тогда будет? Кстати об нем, – что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но

совершенно по-русски, на всё годен, не на од-
ни великие дела, не на одни *мелочи*, заметить
это. Притом тьма красноречия, а не нынеш-
нее отрывчатое, несвязное, наполеоновское
риторство; его слова хоть сейчас положить на
бумагу. Любит много говорить; однако позво-
ляет говорить и другим; иногда (кто без гре-
ха?) много толкует о вещах, которые мало по-
нимает, однако и тогда, если не убедиться,
всё-таки заставляет себя слушать. Эти случаи
мне очень памятливы, потому что я с ним часто
спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был
уверен, иначе бы так не было; однако ни разу
не переспорил; может быть исправил. Я его
видел каждый день, по несколько часов про-
водил с ним вместе, и в удобное время го от-
дыха[34], чтобы его несколько узнать. Он в
Тифлис приехал отдохнуть после своей экспе-
диции против горцев, которую в марте снова
предпринимает, следовательно – менее был
озабочен трудами.

Что ты читал или прочтешь до сих пор,
мною было писано давеча, в два часа пополу-
дни, но червадар, как у нас называют, а по-ва-
шему подводчик, с обозом тогда пришел, ста-

ли развьючивать, шуметь и не дали быть пристальным; теперь, в глубокую ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что поутру или как говорится по...[35] неприступен, а впрочем, готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь... Я(кубович), на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в Инвалиде вздор, на который я в С(ыне) О(течества) отвечал таким же вздором. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием послушников, вешает, жжет их се-

ла – что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, прямигких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писал стихов.[36]

В последний раз на бале у Мадатова я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: «Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь; предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. *Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser*».[37]

Однако свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет: кругом воронье и ястреба с погремушками привязаны к столбам; того гляди шинели рас-

ключают. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

31-го января

Мой милый, я третьего дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя о моем быту, но Е(рмолов) еще так живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было бы несколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех плутарховых героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я(кубович), и жалели, кажется, о моем отъезде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со сто-

роны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый восход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойной ездой. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по-вашему, 40 слишком верст; я поутру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле, и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастью, у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли до Демурчизама. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. Мы ехали по ее течению, а

на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. В диких, снегом занесенных, степях вдруг наехали на такое прекрасное произведение архитектуры, ей-богу. Утешно! и удивляет!.. Я долго им любовался, обзиревал со всех сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен. Река обмывает только половину его, в другой половине каравансарай, верно – пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом, – нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи острые; первая от каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и параллельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай велик, но лучше бы его не было; при мне большой зал был занят овцами; не знаю – куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по

которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галерею, которая висит над рекой. Тут путешественники, кто углем, кто карандашом, записывают свои имена или врезают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженьях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю – почему так близко к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе чрез незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе[38] Страбона, нет ничего подобного этому. Как бы то ни было, Сенаккюрпи, или, как русские его называют, «Красный мост», свидетельствует в пользу лучшего времени, если не для просвещения, потому что Бетанкур мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей, или одного из Софиев, любителя изящного.

Съехавши с мосту, я долго об нем думал; возле меня трясся рысцой наш переводчик Шемир-Бек. Я принужден был ему признать-

ся, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании П(авла) Петр(овича) Свиньина. «Представьте, – сказал он мне, – 8 раз побывать в Персии и не видать Петербурга, это не ужасно ли!» – «Не той дорогой мы взяли», – отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю – рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантов С(ына) Отечества, куда, впрочем, это марание по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромн и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, чтобы они как-нибудь со столика нашего любезного князя не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катерин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно,

но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам – к какому роду принадлежит их зелень.

Зовут обедать, прощай покудова. Если бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле остатков каравансарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому что встали давеча в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлетел и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; не доставало только бороды.

Вечером

Хочешь ли знать, как и с кем я странствую, то по каменным кручам[39], то по пушистому

снегу? Не жалею меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, – свернут вбок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-й ночи, когда он невесту кашемирского султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в «кавалерийском», – здесь скачу, сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лоша-

дью, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музыки, я молчал, а здесь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человекуам. Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давича, напр(имер), сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак, между тем как это оброски от караванов, – в тесных излучинах здешние колючие отрост(к)и цепляют за хлопчатую бумагу, и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во всё утро круг горы стлались; солнце их позлащало, и они тогда, как кипящее огненное море...[40] потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор.

Между ними черная скала Пепис плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление; наконец подошли к ней, – нет приступу и в середине замок; не понимаю – как туда всходят. Мы ночевали в***, но не имели в виду страшилища...[41]

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом, против которого в задней стене камин; по обеим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не заслоненные, не заставленные. Между этими норами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится; и уважителен, и весел.

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского, над пропастями; туманы, туманы над горами.[42]

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня как мы из Тифлиса, три остается до

Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем.

2-го февраля

От каравансарая мы отправились по течению Автафы, встречь ее течению, и пошли ущельем, где около нас повторялись кавказские места, – скалы лесистые, у их подножия, между ними шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными твержами, а здесь руками человека ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место, тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себе из вьюков булаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину

куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Луч-ше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, около которого обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригор-ках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ла-мехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, – сла-вой и любовью награждался в обширном сво-ем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива до-тудова, куда сын Товитов ходил за десятью та-лантами, а всё в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не до-едем...[43]

Эривань. 4-го февраля

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный друг. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но, для верности, на каждый переход приклады-вай верст по пяти, на иной и десять придется лишних, которые, если не домерены межев-щиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса
Версты
Демупчихассанлу 42
Инджа 24
Джогас 24
Каравансарай 30
Биваки: Богас 42
Каравансарай 36
Эривань 50

248 = 41 $\frac{1}{3}$ агачам

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, — разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей, и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег

хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, в других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, – он уклоняется к западу; всё вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили, – пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

*Du centre des deserts de l'antique
Arménie.[44]*

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы, – первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностию; обе вместе завладели большею частию

горизонта, – это двуххолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча, висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженьях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, пояснились две части зданий, одна с другой ничем не соединенные. Мы въехали в пригородок. Но представь себе удар человеку, который в жесто-

кую стужу протрясся полдня в надежде приютиться в укромной горнице; навстречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так же бы оскорбило. Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а навстречу нет никого! Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю и сделает суматоху. Наконец, выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе, на богато-убранном коне, и просит извинения, что адъютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле, мы избрали путь кратчайший, но не тот, которым обыкновенно сюда прибывают. В ту же минуту фаращ, в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висячими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины ста-

новились к нам задом, – это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья в отведенный нам дом, – это меня веселило. Такое особенное предпочтение нам, русским; между тем, как англичане смиренно стгибают колена и садятся на пол, как бог велит и разутые, – мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде чем итти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человек, не взыщешь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток ассафедиты в наших аптеках – резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

Вслед за действующим посохом фараша, за толпою народа, им гонимого, мы въехали

через широкие наружные ворота в дом Мегмет-бея; в круглом, крытом и немощемном подъезде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой – высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую запону, которую здесь завешивают все двери, и вступили в переднюю комнату. Справа зал, слева зал, и один, как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окна косячатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четверугольничков из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обеих залах. Вмиг запылали камины, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку, тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и, следова-

тельно, чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат заступал его место и изъяснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежат. Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во всё мешается, всё указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичом возле кюррикеля или работать веслами в Темзе, – здесь он переводит альбионское строевое ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион, или меньше, по крайней мере он так говорит. Сарбазы порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между тем, он нам смерть надоедает; вот другой день не знаем – как от него отделаться; вообще, неугомное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза, в бумагу, если пишешь, и в (э)ту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с сво-

ей охоты; пребольшой зверь, рога с оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазарович щедро отплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому что нам уже пригляделись.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани – лысый, приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, саранг, полковник, – не в том значении, что за этим чином следует генерал-майор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним несли увесистые подсвечники, подносы с сладостями и лакомства, которыми, если бы их описать, вряд ли бы я разлакомил твое воображение. Но, в каком бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомиться тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до того обрадован его приездом, что если бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату, он бы чрез то великое удовольствие

принес хозяину; а мне, первостепенному миру, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отстать от него далее, объявил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин бы заплакал, Жуковский стукнул бы чашей в чашу, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши – его домочадцами, сам я – Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюдцы с сахарными брашнами – всё это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, который хотя и называется англичанином, а право, нельзя ручаться – из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, – я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитриии, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего ино-

странца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет или Дурьгильбрэд язвительно отзывается на счет персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань. 5-го февраля

На утро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головою болью; надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас иасскул его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гуссейн-хан (из царствующего ныне поколения Каджаров) в здешнем краю первый по боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бейрам, не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов, несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третью долю со всего, что земля производит, а расшутится, так и все три доли его.

Разумеется, что продавцы ждут, покуда он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля, – им часто стесняется и внешняя, несмотря на трактаты, которые, так как и Адам Смитова система, не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание – закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар, кодексу великого пророка, которого уставы неизменны. Одевшись, мы отправились к его высоко-степенству. Нам предшествовал иасскул и так же исправно отправлял свою должность, как фараш накануне. Дома здесь испещрены внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, по большей части дикие. В нашем отечестве роскошь гостинные и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали до зубчатой крепостной ограды, потом, через несколько скваженъ, которые называются улицами, протеснились до последнего двора сардаря. Не знаю – что тебе сказать об его хоромах? Нет ничего целого,

притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку не доберешься. В преддверии, род кануры, и на площадке перед ним толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья – всё это похоже на вход в маскарад. Взошли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими, узорчатыми коврами, и потолок, и весь зал росписан многими японскими узорами; слева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешана с резьбою и с наклейными коймами – это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукружие, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины, – похождения Ростомы, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю. Я имел время на всё это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами сидел на отцовском

особенном ковре возле камина, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровьи высоких особ. Потом все в пояс поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами, потом с тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими приближенными чиновниками, брат сардаря сидел по другую сторону камина, мы к окну на приготовленных для нас стульях, всё прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном. На головах несли огромные серебряные подносы с конфетами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленях. Конфеты совсем для меня нового рода, однако превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего государя по Европе для утверждения всеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену перепутал с Венециею...

Нахичевань. 9-го февраля

Третьего дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133 1/2 версты. Не усталость меня губит, – свирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. Притом, как мне надоели все и всё! Прав Шаховской, – скука водит моим пером; не мудро, что я тебе сообщу ее же! Нет! нынешний день не опасайся ничего: ложусь спать с одним воспоминанием о тебе!

10—13 февраля

Сейчас думал, что бы со мною было, если бы я беседой с тобою[46] не сокращал мучительных часов в темных, закоптелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для меня благодеяние. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным, и всё в глазах моих украшает надежда, что бог даст свидимся, прочтем это

вместе, много добавлю словесно – и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливо созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы там всего пробыли три дня с половиной, и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмядцинский монастырь, в 18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще, кроме как для церемониального посещения сатрапу, не отходил от мангала и от камина, который, по недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть, при въезде и выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы последней осады русскими, дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что я видел в доме богатого и знатного эриванца. Фараши его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой шеей, без зи-

пунов, не согреваются даже достаточною пищею, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачки со своего стола из собственных рук, по кусочку пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что, стало быть, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах объяснялся с сардарем, на прим(ер): о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении наших купцов, высокостепенный был кругом неправ, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И всё это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая. – Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их

боится? У них и историки панегиристы. И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглер-бега и каймакама, и таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-тилетнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пяткам, – разумеется, без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают. Криво ли, прямо ли судят, иногда не как хотят, а как велят, – подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом может быть очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бега.

День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро осыпанный сне-

гом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принял участия ни в чем, что вокруг меня происходило. Потеря не большая; сторона, благословенная летом, в рассказах и в описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся от нас за снегом, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; не замерзшие проезжали вброд. Их множество орошают здешние поля; вода нарочно проведена из горных источников и весною, усыряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда,

необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девалу, большого татарского селения, в 81/4 агача от Эривани, бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять тошное странствие! К счастью, отъехав с пол-агача, поравнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся к шах-зиде! За ним фараши, – один вез кальян, у другого к седлу прикреплена жаровня со всегда готовыми углями для господской курьбы, у третьего огромная киса с табаком для той же потребности. Если бы вместо этой пустой роскоши собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повоз-

ках, не гораздо ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках «Для милых»! Любовь, будто бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неугасимый пожар, и проч. Во всякое другое время я бы заткнул уши; но теперь этот восточный катаклизм пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6-ть агачей до ночлега. Мне пришло в голову, – что кабы воскресить древних спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого, – как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?...[47]

Тавриз. Февраль 1819

Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке. Стоит ли того,

друг мой! Еще бы мне удалось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я же заплатил за свое дурачество. Судьба... В тот самый день, в который... Ну, да бог с ним! Пусть стреляют в других, моя прошла очередь.

*Иные славят Александра,
Иных прельщает Геркулес,
И храбрость Кóнона, Лизандра,
Еще других Мильтиадес.
Есть мужества пример,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британский гренадер.*

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтение, сочиненья, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной, – не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазаро-

вич торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер тоже не выдержал, поехал к водам, а может быть, не воротится. Что ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина всё-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекаешь же вперед, право нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-накрепко. Однако как мне горько бывает!..

III. Путешествие от Тавриза до Тегерана

Февраль – март 1819

Таврис с его базаром и каравансараями. Встреча; почести, Фетхалихан боится каймакама. Обед у англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, англичане, мое мнение на счет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го (февраля?) выезд из Тавриза. Лошади шах-зиды славные; день кроткий, бессолнеч-

ный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, 2 1/2 станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше чем в прежних.

Второй день. Путь вниз, возле гор; справа долина, за которой другая цепь гор. Возле каравансарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня просиял. Из каравансарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан. В виду летний замок. После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх-снежно. Съезд на кáтера(х). Долго еду, спускаюсь в селение, где ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый раз, когда

объезжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много подъемов. Река Миана. Часто переезжаем вброд около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче; оттуда же по горам, на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать. Блужданье по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где проталины, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный издали Занган красиво представляется. Встреча. Перед Занганом в деревне – встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление вес-

ны. Музыка вечером.

Восьмой день там же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот до которых пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четверугольная, как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султани. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Лепные слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид отсюда.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл снег, даже на горах. Скачем до Абгара. Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг перед другом и доскакиваем до ноч-

лега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в 3 1/2 часа поспеваем в Казбин.

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия – мечети, мейданы и проч. Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро славное; мальчик с ослом плачет, что он вперед нейдет. Встреча с ханом, религиозное прение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на терассах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья и башня. С другой стороны замок Алия и горы. И теперь хороши, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дороге. Мы то въезжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и уклоняют-

ся schreck berreks[48] влево; открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань. Наш дом.

Тагирань

Негиристанские горы влево. Демавенд за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с башнями, ворота выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) – это Тагирань.

Визит седеразаму, бодрый старичок. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принятия.

В навруз мы, как революционные офицеры, перед нами церемонимейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые ворота; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через ворота в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутренне-

го двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суеются в промежуточных аллеях; перед троном бассейн с водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся; далее, в продолговатости, другой такой же бассейн.

Взводят на наши места. Три залпа фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Амливово замечание. Муллы, стихи, God save the king,[49] трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля. Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрама.

Накануне, ночью и во весь день, всё варварская музыка.

Наш дипломатический монастырь.

IV. Путевые записки

8—28 июля 1819

8-го июля целую ночь не сплю, изготовляемся в путь. Толпа женщин; раскрываются напоследях. Прощальное посещение се-

дер-азаму. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его летá; упоминает об Румянцеве. – Откланиваемся. – Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полдневный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины. Между гор Демавенд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда. Тьма разнообразных деревьев, черешень, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под поломом, обедаемся фруктами.

9-го июля встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы всё едем[50] вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. «Откуда эти господа?» – «Со страхом повергаюсь в прах перед вашим величеством». – «Усердие всегда водит нас истинным путем». Залп в Сулейманге. Моя встреча с дочерью хана в трах-

тараване. – За Сулеймангой три деревни: самая последняя Сункур-Абид. Насилу доезжаем.

Высокий свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го июля ночью же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепях. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа; кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го июля жар и утром печет немилосердно, всё с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Касбина, срывал молодые фишашки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. Pittoresque.[51]

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что делает эффект на параде, не все-

гда еще полезно в деле, в сражении. Внутренность палатки вся в коврах, а внешняя сторона[52] так и поливается. Касбин. Посылается Эйвас к Хозров-Хану.

Июля 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томошится на своей подушке. Разговор о маскерадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит государю Аббас-Мирзу.

Июля 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: «Ей Али!» и, обратившись в другую сторону, – «Имам-Риза». Поэт Фехт– Али-Хан, лет около 60, кротость в обращении, приятность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

Июля 15. Бунт в Реште, осажденный Хозров-Ханом. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб посылается в Решт.

Июля 17. Шах с избранными из гарема отъезжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнью.

Июля 19. Юсуф-Хан-Спадар делал учение с

пальбою.

Июля 20. Шах его потребовал к себе.

– К чему была вчерашняя пальба?

– Для обучения войск вашего величества.

– Что она стоила?

– 2000 р. из моих собственных.

– Заплатить столько же шаху за то, что палили без его спросу.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Всё это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки – развалины моста. На возвратном пути между ними свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: «да погубит бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно...» [53] Пословица о Каджарах.

Июля 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

Июля 26. Приезд Аббас-Мирзы.

Июля 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

Июля 28. 10.000 отправляются к Багдату против турков.

Разговор с нагиб-султаном. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пицалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

10 августа 1819

Рассказ Вагина

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари[54]. В их бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно, всё ворожил; бывало, запрется у себя, сделает воценого человека, произнесет над ним что(-то) и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова. Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди, возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Мегмед-Али-Мирзы го-

лову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем посла послал, его не выдали. Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди, и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошацьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворожит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия на-двое разорваться. Так и вышло, и всё его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью М(егмед)-А(ли)-М(ирзы) опять воротился к Багдату. Несколько в городе узнали, что он при себе ферман имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и всяких степных арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не

нашли, из...[55] его искры посыпались...[56]
Обмакнул в чернила.

Вали Курдистанский; молитвы Фетали-Шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее.

(17—24 августа 1819)

17 августа. Жар в саду. Амлих плечо сжег. Мианские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Мианачай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особенно при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю, прекрутой.

18 августа. Ночью приезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаток. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаток; гористая дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 каравансарая; прежние разбои, ныне безопасно.

19 августа. Под вечер в Ужданах, в палатках, в виду дворец.

20 августа. Поутру едем во дворец, – двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен ветлами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят. В другой комнате красавицы, азиатки и мадамы; принадлежности – собачка, куропатка, утка.

22 августа. Ханский сынок умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встреча. Таврис. Ханский певец. Ханский мирза.

23 августа.хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 августа. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда бог поведет... Верецагин и шах-зида Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати. Забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резанные уши и батоги при мне.

30-е августа

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь по одиночке, подку-

пает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату, и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Н(аиб)-с(ултан). Если Мазарович будет так продолжать, поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

Н(аиб)-с(ултан). Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему не велик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

Н(аиб)-с(ултан). Я не мешаю русским возвратиться в отечество.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

Н(аиб)-с(ултан). Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу вам.

Я. Может быть в(аше) в(ысочество) так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

Н(аиб)-с(ултан). Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно вашему высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

Н(аиб)-с(ултан). Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было сделано без вашего ведения. Впрочем, вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте объявить.

Н(аиб)-с(ултан). Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали ли мы хоть червонец этим людям: нашептывать же им ни под каким видом не можем, потому что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас заперти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

Н(аиб)-с(ултан). Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем-императором. Однако, в(аше) в(ысочество), позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их расспрашивают.

Н(аиб)-с(ултан). Мои чиновники дело делают, и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем присутствии расспрашивать русских об их желаниии, только что проповедывали им разврат, девками и пьянством их обольщали; когда же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся итти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из баталиона, которые по выходе из моей

квартиры были захвачены, я сделал вам в угодность, своих привел третьего дня, их тщателью спрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые объявили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне представить налицо, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот – мои люди, а прочих, мною требуемых, нет. Притом же ваши четыре чиновника по одиночке каждого из солдат, что я привел, берут на сторону, уговаривают, и бог знает как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих и проч.

Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, так же, как

они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести вашему высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда, отведя их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как вы, Наиб-султан, об их участи заботитесь. Ваше высочество, конечно, не знаете, что их уже за давнее время не удовлетворяли жалованьем в вашей службе, и, верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Наиб-султан. Нет, нет, нет. За что это? Если бы они меня не покидали, продолжали бы мне служить, это бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их ваше высочество не захотите их лишиться платы.

Н(аиб)-с(ултан). Пусть Мазарович дает, они теперь его.

Я. Да, у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидаю от вашего высочества,

что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами итти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца С(амсона) М(акинцева); я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру, и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? – «Он мой ньюкер». – «Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья, и я не должен его видеть». – Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела – и мы расстались.

4—7 сентября 1819

4-го сентября

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября

Ночь, поуостаю[57], днем нахожу своих. Бро-

шенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софьян у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтракаем. – Идем в ущельи, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 пополуночи, пришли в Маранд в 7-мь пополуночи. Виноградная беседка.

6-го сентября

Днюем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-Хану. Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душечъка, задушевный друг». Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза.[58]

«Спевались ли вы в баталионе?» – «Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат». – Сказка о Василье-царевиче, – шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалери-

ями, генерал-стряпчий, пироги собирает, и проч. и проч. «Слышал, сказывает – кто?» – «Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письменный».

Успокоение у разрушенного каравансарая; оттудова равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; потом сквозь ущелье, трещины, расседины. Водопроводы с шумом извергаются из ущельев. Около горы сворачиваем вправо до Гаргар.

Разнообразные группы моего племени, я Авраам.

Выступили из Маранда в 8 1/2 часов вечера, в каравансарае 4 часа утра; оттудова в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах.

V. Ананурский карантин

29^{-го ноября} Вползываем в странноприимную хату, где действительно очень странно принимают. Холод, спрашиваем дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупаем дорогого охапку. Затапливаем, от дыму задыхаемся. Истопили, угар смертельный и морозно по-прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей, – ничего съестного. Наконец, явля-

ется маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и объявляет, что мы в «политическом госпитале» (в мифическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату, иногда, заливают вода по колена, что срок сиденья зависит от комиссара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился комиссар, как смерть курносый.

«Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам комиссар, как смерть, курносый, – мы его, наконец, видели), но Беб(утов) и я не чумные, не прикажите морить...»

VI. Дневник возвратного путешествия в Персию

Январь – февраль 1820

10 января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, кряж гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора и хребет. Озеро. От Код Квеша на возвышении. Перед этим

развалины на утесе, который как будто руками человек сложены из различных камней.

12-го января. Через гору в Гергер. Казармы. Оттуда высочайший Безобдал...

1801. Омар-Хан разбит пшевцами, хевсурцами, в кольчугах, в шишаках, в числе 5000. Русские только были зрителями.

Ad mem(orandum)[59]. — При князе Цицианове Гуляков взял Чары и Беликаны и убит в Чарах в сражении против лезгин: обнадеялся на 15-й Егерский полк, который побежал и смял прочих.

Цицианов армянам: «я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мертвыми».

Возится с солдатами, бьёт одного и после уверяет, что поссорились, награждает деньгами. Рубли превращает в медали после приказа, что гвардии за развод, а его солдатам за штурм дано по рублю.[60]

17-го (января). В монастыре хорошая гостиница, услуга. Бедственное положение патриарха.

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия, копье, кусок от креста. Место, – 4 столпа мраморные, – где было сошествие Христа по представлении, тому назад 1500 лет. Ризница скрыта. Ковры. Типография на 3 станка. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галлереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. Ad mem(orandum): Мехтур.

Патриаршее сравнение: Эчмедзин как роза между терниями. Портрет шахов гравирован в Париже.

19 января. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправо, как преогромный белый шатер. Много деревень, садов, речек. Маленькое ущелье Девалу.[61]

22 января. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар, – окно для света и дыму, без камина. Мирза Мамиш, персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более редет.[62]

Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту – равнина до каравансарая. – По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. – Из Маранда в горы подъем трудный. От каравансарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы.

Отдельные заметки

28 томов книг получил каймакам из Италии, однако говорит, что там еще много осталось хороших.

Визирь, битый по условию каймакама с шах-зидою, за финансы.

Где только персиянин может на словах отделаться без письма, – он очень рад. В важнейших делах обсылаются через фарашей, которые словесно их производят, и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства. В Москве тоже обычай есть с людьми многое приказывать, что гораздо заходит за сферу их деятельности.

Верзилице женщин. Мусульманов обличают в любви с христианками.

5-го марта 1822. Тифлис

Прихожу к Полю; бичё его, который тарелки чистит, принимает депутацию от крепостных своих мужиков. Они жалуются, что им есть нечего; он, князь, им уделает рубль из своего жалованья. И мой бичё, конюх Иван – князь, сын майорский. Прихожу домой, у моего Амлиха гости. «Кто у тебя?» – Цари. – «Как цари?» – Да-с, царевнины сыновья, царевичи, нам соседи.

VII. Крым

24 июля – 12 июля 1825
Июня 24. Середя, Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка – приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр– дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир. Тополи, надгробные камни с чалмами. – Аянь, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к

стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым о(бры-во)м. М. Ш. называет его глазом. Вода холодная, как лед.

После обеда из Анна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Ч(атыр)-Д(агом) и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик, тут дача Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем чрез ущелье Альгар, деревня Човки (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизиль-Кобе, ущелье входит клином в гору, там родник сперва наружу, потом отвесно под землю, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизиль, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму – смесь татарского с польским и малороссийским.

Июня 25. Дождливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чат(ыр)-Д(ага) до Буюк Джанкой, оттудова

вверх довольно отлогая дорога, лесистая, справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма (ее исток между Ч(атыр)-Д(агом) и С(алтан)-Г(орой)), белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чобанов внизу, а далее в равнине всё еще туман. Шатаемся по овчарням.

После обеда. Наелись шашлыка, каймака, на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль всё еще подернута непроницаемою завесою, оттуда тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас производит их от лигурипцев и греков, но они белокуры, черты северные, как у оссетинов на Кавказе.

Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли деревья. Спускаюсь вглубь, впалзываю в узкое отверстие, и там снежное

приятелище – родник замерзший. Скатываем камень, – продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттудова, – синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, – ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синееется вдали; корабль в Алуште, будто на воздухе; море слито с небом. Попадаем в овчарню на восточной вершине, обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, бляение козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?

Июня 26. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Кор-

бек, лесом ручьи. На квартире (крайней кверху) с балкона вид на море. Справа из-за Салтан-горы высовывается Кафель. Балкон под сливою и грецким орешником. – Под вечер пешком в Алушту средними возвышениями, подошвою Чатыр-дага. Замок Алустон в развалинах, налево Шумы, деревня Темирджи на воздухе; возвращаюсь низом, сперва садами, потом тропюю, которая ведет в Бешуй, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно.

27 июня. Опять в гору; сперва лесом, потом голые вершины уступами. Круча.

Панорама с Чатыр-дага:

Впереди под ногами площадь, терраса Чатыр-дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лес, в нем источник Альмы между С(алтан)-Г(орой) и Ч(атыр)-Д(агом). Далее дугою Севастополь, Бахчисарай, Саблы, белые меловые горы, правее Салгир, Акмечеть, еще далее Козлов и море, между всем этим; ближе к месту, с которого смотрю, волнистые холмы, по ним солнце играет. – Спра-

ва Зуя, Карасубазар, над ним дымок, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовского моря голубою полосою окружает с востока степь и дол до Перекопа. – Слева западная часть задней Яйлы, Св. Нос к Балаклаве чернеет. – Обратясь назад – море, даль непомерная, с запада спускается к нему Яйла, из-за ней Кагель, прямо Алушта, к востоку берег изгибом до Судака, выдавшегося далеко в море, точно между Обсерваторией и Горным Корпусом. За Судаком Карадаг и проч. 3 корабля. На вершине (западном зубце, где мы стоим) между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. – За Темирджи несколько слов гор еще ее возвышеннее. – От Чатырь-дага к северу площадь, терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами, из них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые тянутся как лагерь.

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет. Дождь, словно занавесь, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец сечет нас.

Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противуположность, – спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. – Следую направлению верхнего обреза от з(апада) к востоку, смотрю на дольные картины из-за промежуточных скал, как из-за зубцов Кремля. – Сперва Салгир был вправо, потом прямо против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится уже и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизиль-кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Ч(атыр)-Д(аг). Ветер переменялся, облака назад пошли и, после дождя, разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек.

После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту.

Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями при-слонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-дага; около него ручьи и сады в яминах. Всё место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл и Чатыр-дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицерами о Чатыр-даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею.

28 июня. Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кафель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав из-за него выказался Кучук-Ламбат. С одной стороны голый и не самый высокий утес, с другой возвышенный и лесистый Аюдаг, далее выдавшийся в море, окружают приятнейший залив; волны дробятся о берег. Фонтан под фигою; вид благосостояния в селении. Дом. Воскресный день. Бороздин называет это «пользоваться премию природы, не выезжая из отечества». Сад, размарины, *lauriers-roses*, маслины, смоковницы, лилеи, дева утеса в Кизиль-

таше. – Еще родник в саду; беседка к морю, за-
тишь от бури, напоминает такую же в Выду-
беце. Подводные камни, не доезжая до дерев-
ни. Бакланы, дельфины. Venite adoremus.[63]

29 июня. Парфенит, вправо Кизильташ,
шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие
каменистые места, участок Олизара, шумное,
однообразное плескание волн, мрачная пого-
да, утес Юрзуфский, вид с галереи, кипарис-
ники возле балкона; в мнимом саду гранат-
ники, вправо море беспредельное, прямо про-
тив галереи Аю и впереди его два голые бе-
лые камня.

Отобедав у Манто[64] (у жены его прекрас-
ное греческое, задумчивое лицо и глаза чер-
ные, восточные), еду далее; Аю скрывается по-
зади, сосны на Яйле, лесистые высокие места,
впереди Гаспринский мыс ограничивает го-
ризонт.

Подъезд к Ник(итскому) саду лучше самого
сада. Заглохшая тенистая тропа посреди оди-
чальных остатков греческого садоводства, под
гору, плющем увитые, ясени и клен, грецкий
орешник, акация, дикий виноград, смоковни-
цы, плачущие ивы. В саду rus delphinus, кото-

рого я давно домогался названия в Ширване.

Всегда ли лето бывает так прохладно? Дорога более возвышена. Род часовни, где лошадь привязана. Выезжая из саду и поднявшись кверху, в перелеске руины греческой церкви. Вообще до сих пор развалины не живописны, исключая алустонских торчащих трех обломанных башен.

Приятный запах листьев грецкого орешника, когда его в руках растираешь.

NB. Отъехав от Юрзуфа и посмотреть назад, вид берега расширяется через передовые отроги Яйлы, вид на долины к Ялте тоже пространен, и пожелтевшие нивы разнообразят темную, многотенную картину.

Ночую в Дерекое. Кладовая хозяина. Один каштанник во всем краю. Сад Мордвинова в Ялте.

Округ Никиты. Запущенные и оброшенные сады греков, выведенных в Мариуполь.

30 июня. Пространная долина, и плодоносная. Горы почти так же высоки, как около Алушты, и окружают до пристани. Аутка – греческое селение в сторону от дороги, но в ней всё по-татарски. От Аутки лесом прямо в

гору, справа с Яйлы водопады Ялты. Оборотись назад, вид расширяется от верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (foncée) долина, усаженная лесом; пестрота нив, садов и деревень, часть моря у Яйлы. Опустясь на большую дорогу, опять лесом до Кушелева сада в Урьянда. Нос Айтодор каменистый выдается в море; тут развалины монастыря. Выезжая из леса и поднявшись на высоту – прекрасный вид. Яйла, голая, дикою стеною господствует над Гаспри, Хуреис, Мускор и Алукою. С пригорка над Гаспрою опять виден Аюдаг, который было исчез за Никитинским мысом. – Чрезвычайно каменисто; земляничный лес на Яйле, как кровь красный. Вчера высота Яйлы была осенена соснами, а ныне безлесна.

В Алушке обедаю, сажу под кровлю, которая с одной стороны опирается на стену, а с другой на камень; пол выходит на плоскую кровлю другого хозяина, из-за нее выглядывает башенка мечети. Муэдзин Селами-Эфенди, шелковицы, виноградные лозы, сюда впереди два кипарисника тонкие и высокие, возле них гранатовый куст; вообще здесь везде оливы, лавры и гранатники рдеют. Паллас гово-

рит, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловят. Греки в Аутке.

После обеда. Из Алупки в Симеис, оливы, гранаты, коурмэ; роскошь прозябения в Симеисе; оттудова утес, обрушенный в море торчма, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение. Дождь, укрываемся к казакам (береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк), от дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась из-за передовых гор. Кукунейс; между ним и Кучук-коем обвал от землетрясения, будто свежевспаханная земля; оттудова вид на крайний мыс южного берега Форус, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади светящим вечерним заревом. (На другой день я увидел, что это только зубчатая поперечная скала между Мшаткою и Кучук-коем).

Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

1 июля. Из Кучук-коя косогором. Я задумался и не примечал местоположения; впрочем, те же обвалы, скалы справа, море слева, поперечные зубчатые скалы. Поднимаемся близ форусского утеса вверх лесом, похоже на подъем с моря на Чатыр-даг, красноречивые страницы Муравьева, перевалясь через Мердвень. Паллас прав насчет лицеочертаний приморских татар трех последних деревень.

Байдарская долина – возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичные; кажется, хозяйство в лучшем порядке; хозяйский сын хорошенький. Тут я видел, что во всей Азии, как хлеб молотят: подсыпают под ноги лошадям, которых гоняют на корде.

После обеда в лес до Мискомии. Оттудова две трети долины заслонены выступающею с севера горою, так что тут делается особенная долина; оттудова в гору извивистой тропею спускаемся к хуторку, к морю (bergerie), где была разбита палатка для Екатерины во время ее путешествия; справа из-за плетня белеются меловые горы, между Узеном и Бельбеком. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо

долина Узенья, под пригорком Комара или Карловка, слева море разными бухтами входит, врезывается в берега. Прямо впереди тоже море окружает полуостров, которого две оконечности – Севастополь и Балаклава. Влево, в море флот из 9-ти кораблей; под ногами два мыса, как клавиши. Еще ниже островерхий пригорок, на нем замок и башни древнего Чемболо; на втором мысе (из двух параллельных) сады и обработанная поляна.

Объезжаем ближайшую гору, к северу Кадикой, бухта тихая, как пруд и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете. Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала.

2 июля. Поутру, бухтою, вниз к устью, – не видать никакого выхода; на протяжении до открытого моря на 1 1/4 версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и ба-

кланы. Плыдем в оба направления, к востоку Святой-нос, где будто развалины монастыря. Воротясь назад, приятный вид местечка, – в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа – самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру.

Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики.

Возвышение, с которого Гераклиевский полуостров как на ладони; окружен морем. Панорама: мы лицом прямо на запад, вправо белеются дома Севастополя и большая бухта, корабельные мачты, далее *северная коса* и еще далее козловский берег, впереди маяк и две бухты, как на чертеже. Хутор монастырский и другие, налево новая колокольня св. Георгия (напрасно выстроенная). Позади гористый вид, мыс Ай-Дак, Св(ятая) гора, отсюда виден; говорят, что он первый в Крыму пред-

ставляется плывущим из Царь-града. Не это ли *Криуметопон*? Это похожее на дело, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слева белый кряж гор известковых новейшего образования: вглубь всей картины верх Чатыр-дага, нависшего как облако.

NB. Воспоминание о в(еликом) к(нязе) Владимире.

Едем в монастырь. Крутизна по входе в ворота; внезапности для меня нет, потому что слишком часто описано (так же как и Байдарская долина: если бы безъимянная, она бы мне более понравилась; слишком прославлена). Спускаюсь к морю, глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал. От церкви глядеть наверх, к колокольне, похоже на Киевскую Лавру, но вид из Лавры несравненно лучше. – В море справа два камня, как башни, между ними утес вогнутою дугою, слева скалы; под их тенью раздеваюсь и бросаюсь в море. Вода холодная, как лед. Красивые разноцветные камушки, прекрасно округленные. Назад подъем тяжел. Змея. Митрополит из Кефалоники.

Едем в Севастополь; жарко, сухо, мерзко и

никакого виду. Город красив. Сначала виден с Артиллерийской бухты дом Снаксарева. Мы берем вправо, в заставу. Под-вечер гуляю. Лучшее строение города – гошпиталь над южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерийскую бухту, базар, живопись, купаются, скверные испарения. Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань, оттуда большою улицею вверх, мимо двух церквей, домой. Ночь звездная, прекрасная, но безлунная. Маяки светятся в стороне к Инкерману.

3 июля. Севастополь лежит лицом к Ктенусу, одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерийскую. Несколько батарей на северной косе и на мысе военной гавани. Ктенусом плывем 7-мь верст; лес истреблен (жаль, а то бы прелестное гулянье по воде.) В балках справа казенный сад, где гулянье 1-го мая, пороховой магазин, слева сухарный завод, справа и слева хутора. Выезжаем в камышевый Узень, струйка пресной воды, ясени и другие деревья; направо гора двойная, изрытая пещерами, корридор, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святой с ликом,

стертый), точно арки гостинного двора или каравансарая. Древний мост слывет Ханским; перейдя через него, насупротив прежних и выше их две другие горы, тоже пробитые пещерами, иные застроены и вымазаны, с окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренном заводе. Здесь церковь целее, фигурные украшения, горнее седалище. Из придела церкви обломанный свод без лестницы; Александр туда и я за ним. Вверху ступени в крепость, идет к южной крутизне, там пещеры ярусов в десять, иные раскрашенные, иные клетчатые, выдолбленные украшения.

Вид на луг и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на залив. Вероятно, когда нападали на жителей, то они спасались на верхние жилья; если подламывали пилястры, то бросались в крепость. С севера и востока стены и башни довольно целы, так как эти обе стороны здесь приступнее и положе, то и был тут он укреплен тверже, двойною стеною. На север башня круглая и далее четырехсторонняя; на восток зубчатая стена, башня круглая, опять стена, четырехугольная

башня и еще стены и круглая башня угловая.

Инкерман самый фантастический город; представляю себе его снизу доверху освещенным вечером. – Но где брали воду? – Отчего монахи? – Во всяком случае ариане, ибо готфы сперва были ариане; таков был и переводчик их библии епископ Ульфила.

С севера сход, крыльцо к роднику. Приятно умываться, когда сам божок или нимфа ручья подает воду из ручной мойки. Панорама с крепости: к западу Ктенус и горы такие же, как та, на которой крепость и которые отделяют полуостровов. К югу, за долиною Узенья, Байдарские горы; с востока и севера протяжение тех гор, на которых крепость.

После обеда. Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Не здесь ли Владимир построил церковь? («Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыпле-

мую персть и ношаху себе в град, сыплюще посреде града и воины Владимировы присыпаху более». Нестор.) – Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четверосторонней площади к Стр(елецкой) бухте. – Впереди всё видно, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок. Через город видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт, как по обреза; Чатыр-даг левее и почти на одной черте с городом особится от всех, как облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назад видны два кургана, один прибрежный, другой средиземной. Я на этом был, – груда камней и около него два основания древних зданий. Солнце заходит в море и черное облако застеняет часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов. С насыпного холма, внутри города, виден маяк, а далее, по морю и кругом, не видать. – Пещеры к югу; их множество. Проводник уверяет, что они ведут к Инкерману, обложены огромными дикими квад-

ратными камнями. – Колодезь, водопровод. – Лисица. – Два корабля и флот.

4 июля. Поутру однообразною дорогою, тою же заставою, в которую въехал. Надоело, велел своротить вправо, чтобы сблизиться с морем; едем рвом, множество четверосторонников; поля разделены на клетки каменными основаниями; налево, над рвом, возвышение, на нем из огромных, грубообтесанных камней, сложенных одни над другими в два ряда, к югу два круглые основания, в них ямины, далее параллелограм; тут и кончится возвышение.

Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград. Паллас предоставил себе со временем внимательнее осмотреть остатки древностей около бухт Казацкой, Круглой и Стрелецкой, но при том и остался. Вот что я видел. В конце загиба Камышевой бухты два хутора, второй купца Сергеева «Екима Сергеевича покойного; сын его Левушка махынький, 22-й годочик». В одном из ею огородов: один бок 16, другой 24 шага, с одной стороны, в 4 ряда камни, и еще

надделан неполный ряд; иной камень в $2 \frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ ширины; другие бока в три ряда. Обойдя загиб бухты и перевалясь через пригорок, такой же, и тут на холме, до самого маячного перешейка, груды огромных и средственных.

Маяк в 12 саженой вышины. Панорамный вид полуострова не так хорош, как с горы Карани: кроме двух возвышенных мысов с правой стороны ничего не видать. Флот в море, идет к Николаеву на всех парусах. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаном пускают воду из головных отдушин; столпили в стадо рыбу салтанку, которая от них не может отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаек реет округ их и подхватывает объедки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывут впереди.

На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здесь ли витийствовали херсонцы, живали на дачах и сюда сходились на совещания? А нынешний остаток стен может быть только Акрополь.

Впрочем, я ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе даже догадок. Что такое *betisses cysloréennes*? [65] Похоже на турок и персиян, у которых Тезеев храм в Афинах и Персеполь приписываются построению Дивов. – С маяка и на здешнем полуострове видно то же направление земли, как во всем Крыму, – северные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5 июля. Через Ахтиарский залив на северную косу; оттуда вид на Севастополь. Корсунь и маяк. Едем вдоль берега, поворачиваем, миновав Учкуй, вдоль Бельбека. Берега в садах; справа горы положе и в зелени, слева крутые и голые, меловые. Вероятно на Каче и на Альме тоже. Дуван-кой долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срезана, выглядывает из-за протяжения гор, что с правой стороны от дороги.

Сворачиваем еще правее, переезжаем через Бельбек и продолжаем путь вдоль речки Кара-Илаза. Примечательный и оригинальный вид гор, чрез которые прорывается Бельбек, – сахарные головы, верхушки бисквит-

ные. Иной бок закруглен вперед или назад, наверху род теремов и замков или бельведеров, разноцветных от смешения зелени со слоями камней. Гора над Кара-Илазом тоже как будто сверху укреплена исходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшие. Мельница, дом, гарем (желтенький, в ограде). Гостинница, прекрасное угощение.

Гроза великолепная.

Поднимаемся в верхний Кара-Илаз, ущельем вдоль Суук-су, потом в Ходжа-сала, влево в ущелье, плутаем заглохшею тропюю, въезд на Мангупскую гору с севера, ворота, стены, часть замка, окна с готическими украшениями.

В утесе высечены комнаты. Ходы, лестницы, галереи к с(еверо)-в(остоку) вне крепости. На самом конце площадка, под нею вторым уступом острый зубец утеса, направо долина, налево под ногами голое ущелье, где Ходжа-сала; далее море. Спуски, сходни в круглый зал, шесть комнат к западу, к востоку три, узкий ход по парапету, множество других развалин.

Башни и стены к востоку в маленьком про-

межутке, где не так отвесно. Большая, места-ми довольно целая, стена западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. Не худо бы разобрать надписи. Вид прямо на Кара-Илаз. Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейная, журчание фонтанов, мечети, тополи. Татарин мимо нас скачет вон из города, искры сыплятся из трубки.

6 июля. Хан-сарай полуразвалившийся. Вид с минарета. Иду пешком вверх по нашему переулку, оттуда к мавзолею грузинки, от него вверх и опять вниз к мостику. В перспективе гаремная беседка, вид города: тополи, трубы, минареты. Азис, вниз по Чурук-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеев, один осьмиугольный, карнизы обложены мрамором. Опять в Бахчисарай; от него на восток ущельем вверх по Чурук-Су. Дома под навесом утесов. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врезана в ту же гору, которая с юга господствует над Бахчисараем. Сворачиваем туда; проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе; лестница и церковь и корридоры высечены в камне, балкон пристроен снаружи и

келейка, где старик со старушкой. Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверх, везде фонтаны, дорога влево, клином наверху Иосафатова долина в дубовой роще. Налево отвесная гора Чуфут-Кале, туда ведет лестница. Та же система укрепления, что в Мангупе. Оленье поле; на стремнине против монастыря остатки башни и стены.

Местоположение Чуфут-Кале: к северу ущелье, где протекает Чурук-Су и где Бахчисарайские горы; к з(ападу) ложбина монастырская; к ю(гу) лощина кладбищная; к в(остоку) долина глубокая и лесистая между гор, где низменная дорога от Альмы к Каче. Тут вид горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышения, холмы и долина погружены в тени, над ними природа разбила шатер, он светозарен от заходящего солнца, которое прямо в него ударяет; всё прочее от наших с запада облаков покрыто темнотою. Эту картину я видел, проехав Иосафатову долину; к югу от нее и выше, над стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермен с пещерным его венцом, – точно вышка,

крепостца наверху. Тут я увидел почти всё течение Качи, как она вьется из гор, а позади нас впадение ее в море, которое светится. Впадение в Качу Чурук-Су. Дождь в Бахчисарайском ущелье. Вправо горы Кара-Илаза. На Каче Татар-кой. Возвращаюсь к мавзолею грузинки.

Чуфут-гора одна из меловых белых гор между Салгиром и Касикли-Узенем, подобно как Тепе-Черкес-Инкерман и Мангуп, и все они пещеристы. Кто этот народ и против кого окапывался к югу? Раббин говорит: хазары, которые прежде назывались готфами.

9 июля. По двухдневном странствовании еду к М-те Hoffrene в Татар-кой. Из Ахмечета дорога влево от кладбища, вправо остается Лангов хутор и еще далее его же деревенька. Верстах в шести от города с высоты вид моря. Во всем Крыму, как бы долина глубока ни была, – подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непременно видно. Спуск к Саблам, где всё зелено, между тем как в степи, позади меня, всё желто. Чатыр-даг. Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. Султан. Ирландский проповедник

Джемс в Саблах, увидавши меня, рад, как медный грош. Школа плодовых деревьев; коли слишком растут в вышину, то это плохо для плодов. Столетнее алое. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем Бодрак, налево Мангуш. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо. – Бани в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я там не был, потому что, когда прочел Муравьева, – как будто сам водою окатился.

10 июля. Утром в Татар-кой. Крутизна к Каче; прекрасная Качинская долина, милые хозяйки. Султан о религии толковал очень порядочно в Бахчисарае, свое и чужое, но премудрость изливается иногда из уст юродивых.

11 июля. Кавалькада в Тепе-Кермен. Гора, нависшая над Татаркочем, верх которой в виде стены, стойма поставленной. Ораторство султана. Ходим по пещерам.

12 июля. Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы, ночью там и остаюсь утро. Теря-

юсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив. Джемс кормит, поит, пляшет и, от избытка усердия, лакомит лошадей, которая ему руку сломила. Возвращаюсь в город...

VIII. Эриванский поход

2 *2 мая – 1 июля 1827*

12 мая. Четверток. Прибытие Семптер-аги из Карса. Новости от Бенкендорфа, нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и беспищные. Выезжаем из Тифлиса, Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибеюка; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дребезгами искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди, верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван, вдали лагерь у храма. Услужливость мусульман. Речь муллы.

13 мая. Пятница. Поутру прибыли к храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление

реки, мост снесен. Ночью Шулаверы, живописные ставки в садах. Казак линейский почеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14 мая. Суббота. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражом; люди пешие.

15 мая. Воскресенье. Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер, как Чатыр-даг с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь на приятном месте. *Бабий мост*, 4 версты от Самийского погоста, где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.

16 мая. Понедельник. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Акзибеюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, Волчьи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острове, покудова чернила не разлились по отсыревшей бумаге

и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он всё болен. Тут и доктор, и блохи.

17 мая. Днёвка.

18 мая. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего.

19, 20 мая. Днёвка. Карапапахцы поселились на турецкой границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттуда вытеснить? Заботы о транспортах.

21 мая. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22 мая. Там же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезаю в овраг каменный и крутобregий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде.

Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу; вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно вода под землю была проведена из реки. Тут с в(остока) вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами, к с(еверу) оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедою, к з(ападу) бок над нею же, к в(остоку) над другою речкою, к с(еверу) замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства. Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве.[66]

– Письмо Игурলেখана. *Лишение надежды есть тоже покой.*

Просьба, адрес поздравительный карабахцев. *Роза расцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь.*

Отъезд турецкого посланца. – Приезд Обрескова. Полная ночь. – Поход.

Июнь 1. Середа. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них как рапорт принимает.

К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен.

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

2-го июня. Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го июня. Подъем на Безобдал. Трудность обозам. Я боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветер порывистый. Спуск грязный на Кишлаки. Гвардейский лагерь прелестен.

Палатка Аббас-Кули над рекою. Заглохшие тропы к опустелым саклям.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь

на дворе.

4-го июня. Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Пещеры. Мавзолей Монте-Розора. Дурной лагерь в Амамлах.

5-го июня. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины вроде котловины. – Прекрасное лагерное место. Алагез к ю(го)-з(ападу).

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го июня. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к з(ападу). Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го июня. Алагез к с(еверо)-в(остоку). Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар неносный, ночью холод жестокий.

Кормы тучные. Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала места, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштараки, – мост в

три яруса на трех арках, под них река Абарень дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдат(а) и маркитанта.

8-го (июня). Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея.

Гассан-Хан – враг монастыря. Багдатский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-Хан перешел к нам с 3000 семействами.

9-го июня. Четверг. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и ему подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-Хана с 3000 кутали и карапапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский с колокольни видит пыль вдали.

10-е июня. Пятница. 11-е (июня). Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е июня. Воскресенье. У обедни в монастыре.

Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей стране.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13-е июня. Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядзине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45°; в тени 37°. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е июня. Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан изрезал границы Римской империи, чтобы лучше охранять их.

Вот задача моей жизни в главной квартире.

C'est encore une folie de vouloir etudier le

monde en simple spectateur. Celui qui ne pretend qu'observer, n'observe rien, parce qu'etant inutile dans les affaires et importun dans les piaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agire les autres, qu'autant qu'on agit soi mome, dans l'ecole du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre.[67]

Поэтический вечер в галерее Эчмядзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е июня. В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского; спор генералов о бреши. Посылают Кольбелей-Султана, чтобы способствовал Курганову к выгону скота.

Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль.

Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского. Andre Chenier.

20 июня. Днёвка. Являются с покорностью племянник и сын Вели-аги. Вечером переносим лагерь на противоположный берег реки. Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат.

Ущелье Горнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен в моей палатке.

21 июня. Поутру известия опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазом, всё деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата. Лагерь на Ведичае, куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 июня. Идем чрез Девалу. Два аиста на мечете стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал, по слуху о неприятеле, отправляется в авангард. Прокламация садакцам и миллинцам. Садараки прекрасный ночлег.

23 июня. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; хлеба спелели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре, – всё сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

24 июня. Днёвка. Термометр до 47°. Приезд карапахцев, Мехмет-аги, Гумбет-аги бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 июня. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще, война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача знамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки. Заезжаю в авангард. Лагерь не доезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26 июня. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елисаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами.

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к с(еверо)-в(остоку) Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-дак и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к з(ападу) Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид отсюда из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Командант сменен.

Змеиная гора – в увеличенном виде обожженный уродливый пень. Такие еще две.

27, 28 июня. Известие о шахе от Мекти-Кули-Хана. Муравьев послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми его движениями.

29 июня. В 4 1/2 ч(аса) кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста сажнях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка – 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих,

22 конных орудий обступают крепость. Кано-нируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противоположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага, переговариваются с нами с гласиса.

30 июня. Приезд иавера. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

Примечания

А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и всегда доставляете нам удовольствие ожидания. – *Ред.*

[^^^]

2

Он расскажет вам всю историю. – *Ред.*

[^^^]

Мой милый. – *Ред.*

[^^^]

4

«A! non lasciar mi, no, no, no» – «Ах, не оставь
меня, нет, нет, нет!» – *Ред.*

[^^^]

5

Варвар эти нивы... (Вергилий, Эклога первая, ст. 70—71). – *Ред.*

[^^^]

6

О времена! о нравы! – *Ред.*

[^^^]

7

Да здравствует Генрих Четвертый!

Да здравствует храбрый король! – *Ред.*

[^^^]

В вине – истина. – *Ред.*

[^^^]

Беря в расчет скуку, которою он меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер. – Ред.*

[^^^]

Положение, существующее в данное время. –
Ред.

[^^^]

Эльбрус.

[^^^]

В первопечатном тексте опечатка: «ценен-
ный». – *Ред.*

[^^^]

В первопечатном тексте вместо фамилии стоит многоточие, к которому относится следующее примечание издателя «Вестника Европы»: «Мы выпустили здесь нечто, не хотел оскорбить одного собрата нашего журналиста. И(здатель)». – *Ред.*

[^^^]

(Примечание издателя «Вестника Европы»):
Мы получили сию статью из Бреста-Литовского при следующем письме: «Прошу вас покорно, милостивый государь, поместить следующую статью о кавалерийских резервах в вашем журнале. Чем скорее вы это сделаете, тем более обяжете меня и всех моих здешних сослуживцев. Кажется, что это не против плана вашего издания; не думаю также, чтобы читатели меня упрекали в сухости. Они находили в Вестнике известия о доходах, расходах и долгах Франции и других наций; неужели государственная экономия их отечества менее стоит внимания. Честь имею пребыть и проч... Грибоедов».

[^^^]

14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии.

[^^^]

В первопечатном тексте явная опечатка: «Но мудрено». – *Ред.*

[^^^]

Несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну. – *Ред.*

[^^^]

Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышущие пиитической простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

[^^^]

Мы всё изменили, мы лечим теперь по совершенно новому методу. – *Ред.*

[^^^]

Во весь опор. – *Ред.*

[^^^]

Утрачено – значит утрачено. – *Ред.*

[^^^]

Читатели не должны быть в заблуждении насчет сих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту «Ольги».

[^^^]

О, мать, мать! То, что жжет меня,
Никакая святыня не может утолить.
Никакая святыня не может жизнь
Вернуть мертвецу. – *Ред.*

[^^^]

В первопечатном тексте опечатка: «течет». –
Ред.

[^^^]

Слово «девушка» прочитано предположительно. – *Ред.*

[^^^]

Мост. – *Ред.*

[^^^]

Недописано. – *Ред.*

[^^^]

Сбоку приписано: «Товарищи порываются вперед, я за ними не следую». – *Ред.*

[^^^]

Живописное зрелище. – *Ред.*

[^^^]

Не дописано. – *Ред.*

[^^^]

Сбоку приписано: «Детям ничего не дает». –
Ред.

[^^^]

Не обрекайте нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-либо будете воевать в Персии. – *Ред.*

[^^^]

Зачеркнуто. – *Ред.*

[^^^]

Зачеркнуто. – *Ред.*

[^^^]

Не разобрано. – *Ред.*

[^^^]

Далее в рукописи – пробел. – *Ред.*

[^^^]

Укажите мне моего победителя, и я брошусь его обнимать. – *Ред.*

[^^^]

В первопечатном тексте, вероятно, опечатка:
«Цируге». – *Ред.*

[^^^]

В первопечатном тексте очевидная опечатка:
«кругам». – *Ред.*

[^^^]

В рукописи оставлен пробел для одного слова. – *Ред.*

[^^^]

Строка осталась недописанной. – *Ред.*

[^^^]

Далее в рукописи – пробел. Сбоку приписано:
«Ребята и взрослые глазуют на приезжих». –
Ред.

[^^^]

Далее в рукописи – пробел. – *Ред.*

[^^^]

Из середины пустынь древней Армении. – *Ред.*

[^^^]

Не дописано; далее в рукописи – пробел. – *Ред.*

[^^^]

В рукописи над словом «тобою» надписано:
«Бегичевым». – *Ред.*

[^^^]

Далее в рукописи – пробел. – *Ред.*

[^^^]

Следует: schrog berrecks – вкось и назад. – *Ред.*

[^^^]

«Боже, храни короля». – *Ред.*

[^^^]

Вставлено по смыслу предложения. – *Ред.*

[^^^]

Живописное зрелище. – *Ред.*

[^^^]

Вставлено по смыслу предложения. – *Ред.*

[^^^]

Так было в рукописи. – *Ред.*

[^^^]

Сбоку написано: «духовный». – *Ред.*

[^^^]

Не разобрано. – *Ред.*

[^^^]

Не дописано. – *Ред.*

[^^^]

Очевидно, неправильно прочитанное слово или опечатка в первопечатном тексте; по смыслу предложения следует: поотстаю. – *Ред.*

[^^^]

Справа приписано: «Каменисто». – *Ред.*

[^^^]

Для памяти. – *Ред.*

[^^^]

Далее в первопечатном тексте опущены записи о горе близ Гумри (Алагезе), «где часто замерзают, хотя высота обыкновенная», об Ара-рате (16 января), о приезде в Эчмиадзин (17 января). – *Ред.*

[^^^]

Далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая «вздунлась и нигде нет проезду». – *Ред.*

[^^^]

Далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары. – *Ред.*

[^^^]

Приидите, поклонимся. – *Ред.*

[^^^]

В первой публикации фамилия была прочитана неверно: *Монта. – Ред.*

[^^^]

Циклопические кладки. – *Ред.*

[^^^]

Далее в рукописи – перерыв; следующий текст – на других листах. – *Ред.*

[^^^]

Вот еще одна нелепость – изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его никуда не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах – одинаково при изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить. –
Ред.

[^^^]